

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

8

1938

А. ВЫШИНСКИЙ

Основные задачи науки советского социалистического права¹

Мой доклад посвящается вопросу чрезвычайно большому и важному — вопросу о наших задачах, о задачах, стоящих перед нашей наукой советского социалистического права, задачах, актуальность которых чувствуется нами на каждом шагу, как равно чувствуется и необходимость точного и ясного ответа на вопросы, поставленные этими задачами.

Задача моего доклада, тезисы которого вам, участникам этого совещания, розданы, заключается вовсе не в том, чтобы исчерпать все многообразие вопросов, какие неизбежно должны стоять впредь и уже стоят сейчас перед всеми юристами, работающими в области советского права. Моя задача гораздо более скромная. Она заключается в том, чтобы обрисовать лишь основные задачи, стоящие перед нашей правовой наукой в целом и перед отдельными нашими юридическими дисциплинами в частности.

Этому вопросу — характеристике и определению стоящих перед нами научных задач — мы должны придать особое значение, если не упустить из виду того обстоятельства, что в течение достаточно к сожалению продолжительного времени направление нашей науки права не соответствовало интересам дела социалистического строительства; по крайней мере очень во многих отношениях это направление науки было не тем, каким оно должно было быть. Нам известны причины этого обстоятельства: в науке права в течение ряда лет почти монопольное положение занимала группа людей, оказавшихся провокаторами и предателями, людей, которые сумели под маской защитников марксизма-ленинизма, под маской ратоборцев за ортодоксальный марксизм, за марксистско-ленинскую методологию в действительности творить дело предательства и нашей науки, и нашего государства, и нашей жизни.

Всем нам, работающим в той или иной мере в той или другой области нашего советского права, эти презренные имена хорошо известны. Несомненно, предательская «работа» этих изменников сыграла немалую роль в деле отставания науки советского права, в деле извращения ряда проблем как в их постановке, так и — что является гораздо более важным — в их решении в различных областях науки советского права.

Каждый из нас уже давно ощущал необходимость освободиться от тлетворного влияния этих лжемарксистских так называемых «идей» и «взглядов», которые усердно насаждались в различных институтах и главным образом в бывшем сначала Институте советского строительства и права Коммунистической академии, а потом в б. Институте государственного права Академии наук. Здесь, вследствие в значительной степени нашего неумения отличать друзей от врагов, заседала троцкистско-бухаринская банда во главе с Пашуканисом, Крыленко и рядом других изменников, направлявших все свои усилия, как это теперь уже с совершенной бесспорностью установлено, на фальсификацию нашей науки. Эти господа направляли свои усилия на то, чтобы задержать развитие нашей юридической мысли, на то, чтобы извратить сущность нашего марксистско-ленинского учения о праве и государстве. Эти господа пытались выбить из рук пролетариата и трудящихся нашей страны такое могучее оружие, каким является марксистско-ленинское учение о праве и государстве, каким оно является в борьбе с многочисленными звероподобными врагами социализма. При решении вопроса о созыве настоящего совещания нами руководило сознание необходимости завершить борьбу за окончательное выкорчевывание на нашем участке советского строительства отвратительных последствий троцкистско-бухаринского вредительства, подвести некоторый итог той разоблачительной борьбы с врагами, которую ведет лучшая часть наших ученых, лучшая часть наших советских людей, нашего советского народа

¹ Сокращенная стенограмма доклада на I-м совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г.

во всех решительно областях социалистического строительства, под руководством нашей великой коммунистической партии, под непосредственным руководством великого Сталина и его ближайших соратников — руководителей советского правительства и отдельных отраслей управления советским государством.

Вот эта необходимость подвести первые итоги уже пройденного пути по очищению наших рядов от врагов, от вредителей, от изменников, подвести первые итоги очищения нашей правовой теории от всяких антимарксистских, антиленинских, вражеских взглядов и извращений, завершить на основе богатейшего наследства Маркса — Энгельса — Ленина и гениальных работ Сталина построение науки советского социалистического права, вот эта жгучая потребность и побудила нас собрать Всесоюзное совещание работников научно-исследовательских институтов, вузов, всех научно-исследовательских работников советского права.

Мы считали необходимым собрать это совещание для того, чтобы, забыв окончательно последний осиновый кол на могиле изменников, запустивших нашу науку, дружно двинуться вперед под радостно развевающимися знаменами непобедимой коммунистической партии, партии Ленина — Сталина. (А п л о д с м е н т ы). Победа социализма в нашей стране, нашедшая свое всемирно-историческое выражение в великой Конституции победившего социализма, Сталинской Конституции, эта победа ознаменована гигантскими успехами решительно во всех областях нашей хозяйственной, государственной и культурной жизни. Именно в результате этих блестящих побед были не только созданы новые материально-организационные хозяйственные связи и отношения, но было создано новое, социалистическое общество, принципиально отличное от любого общества любой предшествующей нам эпохи, принципиально новое, поставившее перед нами ряд совершенно новых требований, выдвинувшее перед нашей наукой целый ряд совершенно новых задач. Этот всемирно-исторический факт построения в нашей стране социализма товарищ Сталин охарактеризовал в нескольких, очень простых, но, как всегда у товарища Сталина, гениальных словах, исчерпывающих значение этого факта до конца. Товарищ Сталин сказал: «...У нас социализм не просто строится, а уже вошел в быт, в повседневный быт народа. Лет 10 тому назад можно было бы дискутировать о том, можно ли у нас строить социализм или нет. Теперь это уже не дискуссионный вопрос. Теперь это вопрос фактов, вопрос живой жизни, вопрос быта, который пронизывает всю жизнь народа»². Победа социализма в СССР явилась итогом героической борьбы всего советского народа, рабочих, крестьян, трудящейся интеллигенции, за дело социализма, результатом пламенной преданности, пламенного патриотизма, пламенной любви к нашей родине, к нашей партии, к нашему народу. Эта победа явилась результатом великой школы, которую прошел рабочий класс нашей страны под руководством большевистской партии, выстоявшей, воспи-

танной в жесточайших классовых боях со своими врагами, в боях, победоносно проведенных под руководством партии, под руководством величайшего из людей — Владимира Ильича Ленина и величайшего и гениальнейшего продолжателя дела Маркса, Энгельса и Ленина — Иосифа Виссарионовича Сталина. (А п л о д с м е н т ы).

Победами своими социализм в нашей стране обязан не только героизму рабочих и крестьян, не только их преданности делу своего освобождения; он обязан также тому обстоятельству, что наша партия, возглавившая рабочее движение еще в конце прошлого столетия, возглавила его под знаменем марксизма, под знаменем величайшего, единственного в мире, подлинно научного направления, под знаменем подлинной науки — марксизма. Именно это обстоятельство в значительнейшей степени обеспечило блестящую победу, которой борьба рабочих и крестьян нашей страны в Октябре 1917 г. завершила эту часть их исторического пути в направлении к социализму, в направлении к коммунизму.

Марксизм-ленинизм показал рабочему классу и всем трудящимся выход из капиталистического рабства, он показал путь из капитализма к новому социалистическому строю. Марксизм-ленинизм обучал рабочий класс и всех трудящихся, ставших под пролетарские знамена, искусству борьбы с классовым врагом, искусству побед, искусству строительства и построения социализма.

Товарищ Сталин был глубоко прав, когда он, определяя значение марксизма, сказал: «Марксизм есть научное выражение коренных интересов рабочего класса»³. Именно потому, что марксизм явился выражением коренных интересов рабочего класса, именно потому, что рабочий класс в защите своих коренных интересов объединился под знаменем социализма, уже «трудами Маркса и Энгельса превратившегося в науку, рабочий класс и смог одержать свои всемирно-исторические победы.

Ленин подчеркивал, что только философский материализм Маркса и Энгельса указывает пролетариату выход из духовного рабства, в котором он прозябает во всех капиталистических странах. Ленин, говоря о марксизме, подчеркивал, что экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма и что это сыграло гигантскую роль в развитии рабочего класса и в частности нашей страны, сыграло гигантскую роль и в организации партии рабочего класса, какой является великая партия большевиков, коммунистическая партия, организованная, воспитанная и руководимая Лениным и Сталиным.

Ленин и Сталин защитили марксизм от искажений оппортунистов и всех и всяких врагов рабочего класса. Они обеспечили марксистской теории ее дальнейшее развитие, подняв ее на небывалую историческую высоту, обеспечили марксизму, марксистскому учению блестящий, невиданный, всемирно-исторический триумф, всепобеждающую силу социалистического творчества. Ленин и Сталин дали дальнейшее обоснование пути развития социалистического общества после первых побед пролетариата в борьбе за власть и после захвата власти пролетариатом.

² И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, с. 9—10.

³ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, с. 597.

том. Ленин и Сталин разрешили целый ряд новых задач в деле борьбы рабочего класса за социализм.

Ленин и Сталин разгромили контрреволюционные антисоветские «теории» и «теорички» троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, эсеров, меньшевиков и других контрреволюционных элементов, среди которых важнейшую роль, организующую эти контрреволюционные, антисоветские силы, сыграла «теория» о невозможности построения в СССР социализма, «теория», как это впоследствии с совершенной непреложностью и очевидностью было установлено, представлявшая собою лишь «дымовую завесу», за которой враги советского народа пытались скрыть свою измену, свое черное дело предательства интересов социализма.

Одним из примеров такой «дымовой завесы» могут служить бухаринские антимарксистские и антиленинские, вредительские упражнения в области философии, истории и права, совершенно извращенно изображавшие процесс общественного развития после победы пролетариата и утверждения пролетарской диктатуры.

Таковы «теорички» мирного и плавного вращаения капитализма в социализм; «теоричка» трудовых затрат, явившаяся исходным пунктом провокаторской «теории» Пащуканисов и др. о советском праве, как праве буржуазном, праве отмирающем; «теоричка» отмирания государства и бухаринская схема этого отмирания, беспощадно высмеянная и уничтоженная Лениным.

Социализм победил в СССР потому, что борьбой за социализм руководит наша партия, которая опирается на величайшее из когда-либо известных миру учений, на учение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Гигантское, всеобъемлющее, всемирно-историческое значение марксизма-ленинизма объясняет его исключительное влияние на все решительно явления нашей общественной как материальной, так и духовной жизни.

Маркс и Энгельс превратили социализм из утопии в науку и дали в руки пролетариата, борющегося за свое освобождение, невиданное до того оружие — научную теорию, вооружившись которой, пролетариат приобрел силы, чтобы победить старый мир и построить мир новый, построить новое, социалистическое общество. Марксизм покончил с мистифицированием общественных отношений, с идеализированием этих отношений есть результат определенного состояния производительных сил, результат определенной ступени экономического развития, и это сыграло решающую роль во всем дальнейшем направлении международного социалистического движения, лучшим и наиболее последовательным выражением прекрасных идеалов которого и явились научный социализм и вооруженная этой научной теорией Всесоюзная коммунистическая партия большевиков.

«Экономический строй общества каждой данной эпохи представляет собою ту реальную почву, свойствами которой объясняется в последнем счете вся надстройка, образуемая совокупностью правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и прочих воззрений каждого данного исторического периода»⁴;

так писал Энгельс, определяя сущность новой философской науки.

«Гегель,— писал Энгельс,— освободил от метафизики понимание истории: он сделал его диалектическим,— но его собственный взгляд на нее был идеалистичен по существу. Теперь идеализм был изгнан из его последнего убежища, из области истории, теперь понимание истории стало материалистическим, теперь найден был путь для объяснения человеческого самосознания условиями человеческого существования вместо прежнего объяснения этих условий человеческим самосознанием»⁵.

Маркс и Энгельс прекрасно показали и доказали, что юридические идеи являются выражением этого человеческого самосознания, что люди бессильны объяснить эти идеи из них самих, что в действительности вся идеология представляет собой лишь надстройку на экономическом базисе, в основе которой лежат производственные отношения.

Именно этот факт явился фактом громадного исторического значения, оказавшим гигантское влияние на все общественные науки, на все последующее их развитие, и в первую очередь оказавшим такое исключительное влияние на развитие философии, истории и права.

Благодаря работам Маркса и Энгельса, социализм стал действительной наукой. В «Анти-Дюринге» Энгельс, касаясь этого вопроса, говорит: «Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством понятия о прибавочной стоимости — мы обязаны Марксу»⁶.

Ленин и Сталин явились гениальными продолжателями дела основоположников марксизма, гигантски приумножившими богатства марксизма в условиях новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций.

Ленин и Сталин дали решение ряда совершенно новых задач социалистического строительства. Таковы вопросы о советском государстве как государстве нового типа; о многонациональном советском государстве как братском содружестве и свободном союзе народов СССР; о коллективизации сельского хозяйства, ликвидации кулачества как класса; об исторических и практических путях уничтожения классов и ликвидации остатков капитализма в экономике и сознания людей. Таков сформулированный товарищем Сталиным закон механики сопротавления капиталистических элементов делу социализма. Таковы вопросы о роли права и закона в борьбе за социализм; учение о стабильности социалистического закона; о конституции социалистического общества как выражении пролетарской диктатуры и социалистической демократии; о социалистической науке и культуре и строительстве социализма и др.

Ленин и Сталин развили с исчерпывающей полнотой, обосновали и претворили в жизнь марксистское учение о пролетарской диктатуре и социалистической демократии, о социалистической революции, социалистическом государстве рабочих и крестьян, учение о победе социализма в одной, отдельно взятой, стране.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XIV, с. 26.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XIV, с. 26.

⁶ Там же, с. 27.

Троцкисты и бухаринцы пытались учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина противопоставить свои убогие мыслишки и «теорийки» о невозможности построения социализма в одной стране, о невозможности прочного и нерушимого союза рабочих и крестьян, о неизбежности краха великой ленино-сталинской политики, о непрочности союза народов СССР, о невозможности справиться собственными силами с опасностями и трудностями.

Марксистско-ленино-сталинскому учению о праве и государстве, как рычагах социалистических побед и борьбы за коммунистическое переустройство нашего общества, эти господа пытались противопоставить свои лженаучные измышления о выветривании советского права, о его буржуазной природе, мешающей осуществлению стоящих перед пролетарской революцией задач, об отрицании права и государства в условиях пролетарской диктатуры.

Изменник и предатель Бухарин и в области общей методологии и в области права и государствоведения развивал взгляды, направленные на разрушение пролетариата.

Еще в 1916 г. Бухарин по вопросу о государстве, о диктатуре пролетариата и классовой борьбе отстаивал явно антимарксистские, анархистские взгляды.

Ленин в статье, опубликованной в том же 1916 г., разоблачая эти бухаринские извращения марксизма, писал:

«Автор ставит вопрос о том, в чем отличие отношения социалистов и анархистов к государству, а отвечает не на этот, а на другой вопрос, в чем различие их отношения к экономической основе будущего общества. Это очень важный и необходимый вопрос, конечно. Но отсюда не вытекает, чтобы можно было забывать главное в различии отношения социалистов и анархистов к государству. Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, тоже государством, является диктатура пролетариата.

Анархисты хотят «отменить» государство, «взорвать» («sprengen») его, как выражается в одном месте т. Ноа-Вене, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты — автор цитировал, с сожалением, слишком неполно относясь к слову Энгельса — признают отрицание, «степенное» «засыпание» государства после экспроприации буржуазии».

«Чтобы «подчеркивать» «принципиальную враждебность» к государству, надо действительно «ясно» понять ее, а у автора как раз ясности нет. Фраза же о «корнях государственности» совсем уже путаная, не марксистская и не социалистическая. Не «государственность» столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т. е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулась с революционной социал-демократической политикой (т. е. с революционным социал-демократическим отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее

свержения). Это вещи совсем, совсем различные»⁸.

По поводу этих разоблачений Ленина Бухарин до 1925 г. молчал и только в 1925 г., спустя год после смерти Ленина, напечатал при содействии Пашуканиса в сборнике «Революция права» статью «К теории империалистического государства», — ту самую статью, которая в свое время не была принята к печатанию Лениным (редакцией «Сборника социал-демократа»). В примечании к этой статье Бухарин осмелился заявить, что в споре о государстве был прав не Ленин, а он.

«Позиция Бухарина, изложенная в его статье в «Интернационале молодежи», есть позиция отрицания государства в период, переходный от капитализма к социализму»⁹, — писал товарищ Сталин по поводу грубейших извращений марксизма предателем Бухариным. Бухарин протаскивал анархическую теорию «взрыва» государства вместо марксистской теории «слома», «разбития» буржуазно-государственной машины.

«Ленин исходил, — писал далее товарищ Сталин, — именно из марксистской теории «слома» буржуазно-государственной машины, когда он критиковал анархическую теорию «взрыва» и «отмены» государства вообще»¹⁰.

Так в 1929 г. товарищ Сталин разоблачал антимарксистскую и по существу контрреволюционную бухаринскую теорию «взрыва» государства.

Извращая марксистскую теорию о государстве, Бухарин, Пашуканис и компания рисовали схему отрицания государства после победы пролетарского государства в таком виде, что эту схему, и в особенности в свете последних фактов, установленных в судебных процессах по делу так называемого «право-троцкистского блока», нельзя рассматривать иначе, как продолжение той же самой провокаторской политики, направленной на то, чтобы открыть ворота границ нашим врагам, чтобы обеспечить им возможность безболезненного вторжения в пределы нашей страны.

В самом деле, Бухарин, предполагал, во-первых, что государство пролетарское отрицает с первого момента его возникновения, во-вторых, что это отрицание идет по такому маршруту: сперва отрицает армия и флот, как орудия наиболее острого внешнего принуждения, потом отрицает система карательных и репрессивных органов, далее — принудительный характер труда и т. д. Известна полная уничтожающего сарказма заметка Ленина на полях «Экономки переходного периода», где была Бухариным развита эта схема: «Не наоборот ли: сначала «далее», затем «потом» и «наконец «сперва»?»¹¹.

Как можно судить теперь, Бухарин не случайно пропагандировал мысль о необходимости как можно скорее ликвидировать такие внешние принудительные «нормировки», как он говорил, как армия и флот. Измена Тухачевского, измена целого ряда людей шла по той же линии провокаторской деятельности, которую в

⁸ Там же.

⁹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, с. 273—274.

¹⁰ Там же, с. 274.

¹¹ XI Ленинский сборник, с. 400.

области теории культивировали Бухарин, Пашуканис и компания. Попытка пропагандировать мысль о неизбежном отмирании уже теперь армии и флота, а следовательно попытка свернуть работу по усилению нашей обороноспособности преследовала цель отдать нашу страну во власть врагов со связанными руками. Проповедь отмирания карательных и репрессивных органов означала попытку отдать нас со связанными руками и всю нашу страну в разбойничьи лапы вредителей, террористов и диверсантов, которым, к нашему счастью, их предательское дело не удалось, которых беспощадно разгромила и в корне уничтожила наша замечательная сталинская разведка во главе с Николаем Ивановичем Ежовым. (А п л о д с м е н т ы).

Разрушительная работа в области так называемой «теории», которой занимались эти господа, была в сущности направлена на то, чтобы внушить мысль о ненужности, о, так сказать, исторической исчерпанности таких государственных рычагов и средств борьбы, какими являются армия, флот, разведка, НКВД, суд, прокуратура. Это целиком и полностью совпадало с пропагандой основной установки этих господ, старавшихся доказать, вопреки всем фактам жесточайших и совершенно нечеловеческих форм сопротивления делу социализма со стороны наших врагов, что капитализм тихо, мирно и плавно вползает или вращается в новый, социалистический строй.

После победы социалистической революции перед пролетариатом, перед трудящимися нашей страны в целом встала задача максимального укрепления советского государства. Подводя итоги первой пятилетки, товарищ Сталин предупреждал против благодушия, против непонимания задачи дальнейшего и еще большего укрепления советского государства. Товарищ Сталин напоминал, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Против этого тезиса, который является основой всей нашей работы по организации советского государства, растущего и крепнущего в жестокой борьбе со своими врагами, направляли все свои усилия троцкисты и бухаринцы, виновцевы и каменевцы, меньшевики и эсеры, всякого рода буржуазные националисты, всякие пилсудчики, гитлеровские агенты, шпионы и старые провокаторы.

Товарищ Сталин предупреждал, что «нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать остальные элементы». «На этой почве могут ожить,— говорил товарищ Сталин,— и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонов. Это конечно не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв»¹².

Товарищ Сталин разоблачил весь вред неправильного понимания тезиса об уничтожении классов, о создании бесклассового общества и

отмирания государства, как оправдания контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления классовой власти. О людях, так рассуждающих, товарищ Сталин говорил как о перерожденцах, либо двурушниках, которых нужно гнать вон из партии.

«Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»¹³.

Уроки последних судебных процессов еще раз напомнили нам об этом предупреждении товарища Сталина. Говоря об этих уроках, тов. Молотов в своей речи о высшей школе подчеркнул, что «теперь мы особенно хорошо запомнили указание товарища Сталина о том, как опасна в наше время политическая беспечность. Пополнились и наши представления в вопросе о государстве, в вопросе о государстве вообще и о социалистическом государстве, находящемся во внешнекапиталистическом окружении, в частности. Больше чем когда бы то ни было мы поняли политическую роль шпионских разведок иностранных государств и вместе с тем необходимость своей собственной хорошей разведки. Наши представления в вопросе о государстве стали еще конкретнее, и это облегчит нам более правильное использование аппарата государства в деле строительства нового, коммунистического общества.

Из борьбы с врагами народа мы вышли отнюдь не ослабленными. Напротив, мы еще больше окрепли и еще больше уверены в полной победе нашего дела»¹⁴.

То же самое можно сказать и о нашей науке права и государства.

Советской науке права не мало досталось от вредителей и предателей, монополизировавших одно время в своих руках теоретическую разработку советского права. Вред, нанесенный науке советского права этими людьми, чувствуется еще и сейчас.

Едва ли нужно доказывать, что именно здесь лежит основа всех тех извращений марксизма-ленинизма в области теории права и государства, о которые несомненно не раз разбивались усилия честных людей нашей науки, пытавшихся честно и верно служить делу социализма на своем научном участке, служить делу нашей партии, ведущей героическую борьбу за торжество социализма со всеми и всяческими врагами.

Каково состояние научно-правового фронта в настоящее время? Надлежит отметить все еще продолжающееся отставание научно-правового фронта от требований нашей эпохи, от требований партии и правительства. В области правовой науки все еще не ликвидированы в полной мере последствия вредительства, которое осуществлялось презренной троцкистско-бухаринской шайкой. Эти презренные изменники теперь разоблачены как проситутурованные агенты фашистской буржуазии, прибегающей к помощи этих и им подобных «ученых», «профессоров» и

¹² И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, с. 510.

¹³ Там же, с. 509.

¹⁴ «Большевик», 1938, № 10—11, с. 13.

прочих предателей для разложения наших рядов, для дезорганизации такого мощного фактора социалистического строительства, как советская наука вообще, как наука советского права в особенности.

Основная цель этих господ заключалась в том, чтобы попытаться отравить наше сознание ядом антимарксистских, антиленинских «теорий», лишить нас той способности правильной ориентировки в практическом деле строительства социализма, которая дается настоящей наукой.

Одна из целей ползавившихся на теоретическом участке в области права и государства правотворчества состояла в разоружении пролетариата по части права и законности путем дискредитации советского права и советского закона, путем культивирования нигилистического отношения к советскому праву, к советскому государству и к советскому закону.

Едва ли мы сейчас в достаточной мере оцениваем, что обозначает такого рода тактика наших врагов в этой области. Едва ли сейчас в достаточной мере понимаем, какой действительно диверсионный, в прямом смысле этого слова, т. е. в прямом смысле статьи 58^о УК РСФСР, характер носила эта работа, работа, которую я характеризую как провокаторскую, диверсионную работу по теории права, работа, которая была направлена к тому, чтобы дискредитировать советское право в глазах самих работников юстиции и в глазах работников, которые соприкасаются с ним, чтобы развить нигилистическое отношение и к советскому праву, и к советской юстиции, и к советскому закону — основе всей нашей деятельности.

В самом деле, какое влияние могла оказать пропаганда таких например, взглядов. «Сейчас, — писал один из вредителей, — для нас бесспорно, что растущее значение сознательного регулирования хозяйственных процессов и вообще выработка сознательной коллективной воли на основе исторического материализма, как основной признак социалистического общества, вовсе не равносильны растущей роли права, а наоборот сопровождаются неизбежным его отмиранием».

Иначе говоря, отмирание права объявляется чуть ли не предпосылкой роста нашей коллективной сознательности.

Какое влияние могла иметь проповедь такого рода положений! Как можно было, воспринимая такого рода проповедь, вести практическую работу!

Или дальше: «Процесс свертывания правовой формы проходит, — писал один из вредителей в тоге философа права, — ряд ступеней, в общем соответствующих исчезновению рыночных отношений...» Иначе говоря, по мере того, как социализм вытесняет буржуазно-рыночные отношения, происходит процесс свертывания правовых форм.

«Эта перспектива развития организационно-технических актов и отношений за счет формально-юридических и есть перспектива отмирания права, теснейшим образом связанная с отмиранием государственного принуждения по мере перехода к бесклассовому обществу». Вот какая галиматья проповедывалась со страниц наших юридических журналов буквально изо дня в день. А известно, что даже самые слабо действующие ядовитые вещества, прилипаемые

в лошадиной дозе, в конце концов оказывают самое губительное влияние на состояние организма.

Или вот например еще одна вредительская «философия». «Советское право, право переходного периода, равно как и пролетарское государство, есть отмирающее государство и право. Начало процесса их «отмирания» необходимо датировать уже с момента самой пролетарской революции, с момента окончательной победы пролетариата в революции».

Такая «философия» была не просто каким-нибудь единичным высказыванием потерявшего рассудок человека, — это была целая школа, это была целая система. Такие проповеди раздавались и в области общей теории права, и в области процессуального права, и в области уголовного права, и в области гражданского права — кстати сказать, вообще ликвидированного и замененного так называемым «хозяйственным правом».

Несомненно, что усилия вредителей, направленные на дискредитацию советского права, оказали самое губительное влияние на умы молодежи и к сожалению даже на умы кое-каких старых научных работников, принимавших этот бред за чистую монету «новой», «революционной» науки и старавшихся не отставать от этих замечательных «inovаторов» и «революционеров» в области права.

Ряд грубейших извращений и искажений по всем линиям науки советского права и государства — это и составляло основное содержание «работы» разоблаченных ныне предателей. Эти предательские, вредительские извращения привели к крупнейшим прорывам в нашей науке по всему ее фронту, а на некоторых участках привели к полной ликвидации научной разработки юридических проблем, к ликвидации даже целых юридических дисциплин. В сущности говоря, то, что было до сих пор этими господами преподносимо под видом «теории» «права», представляло собой самую беззастенчивую фальсификацию науки права, о чем я постараюсь дальше сказать более подробно.

Одним из наиболее ярких примеров этой позитивной диверсионно-вредительской работы троцкистско-бухаринских, фашистских агентов может служить преступная деятельность банды наших врагов во главе с Пашуканисом, Крыленко, Берманом и др.

Эти господа и их сообщники проводили свою разрушительную «работу» в области науки права и государства главным образом по двум направлениям: во-первых, по линии троцкистско-бухаринской трактовки всех основных вопросов права и государства и пропаганды троцкистско-бухаринских извращений в этой области и, во-вторых, по линии систематического саботажа научной работы, сознательного срыва организации научной работы, срыва организации аспирантуры и других мероприятий по подготовке молодых научных кадров. Вот почему за 1937 г. целый ряд научно-исследовательских юридических институтов, оказавшихся пораженными этой страшной болезнью, не выполнил ни одной темы своего плана и не подготовил ни одного молодого научного работника, — целый ряд институтов. В качестве примера в первую очередь нужно сослаться на Институт государственного права Академии наук. Я могу здесь заявить о

чрезвычайно тяжелом наследстве, в свое время полученном мною. Когда я пришел в этот институт, то оказалось, что ни одна тема громадного плана научно-исследовательских работ Института государственного права не только не была выполнена, но даже по-настоящему не была поставлена.

Больше того, работа по целому ряду тем созвательно была организована так, что она не могла дать никакого результата, кроме одного — бесконечного вытягивания денег и бросания этих денег на ветер. Я утверждаю, что по 6. Институту государственного права Академии наук во время дашукаинсовско-бермановского руководства были истрачены сотни тысяч рублей совершенно непроизводительно — на так называемую разработку научных тем, хотя ни одна из этих тем не была фактически разработана. Если некоторые из них и были разработаны и в договорном порядке представлены на рассмотрение института, то никто в институте ими не занимался: они просто складывались в архив, были предоставлены самой добродушной критике — критике мышей. В этом и заключалась вся «организация» научной работы. Как же не называть такую работу вредительской в самом подлинном смысле этого слова, достойной квалификации по соответствующим статьям Уголовного кодекса!

Разрушительная «работа» троцкистско-бухаринских изменников нанесла урон делу нашей теоретической мысли и не меньший урон делу организации и всей практической деятельности органов нашей юстиции. Проповедь вредительских «теорий» отмирания права и государства, «выветривания» права, советского права, как «права без справедливости», как буржуазного права, проповедь построения советских уголовных кодексов, как кодексов без общей и особенной частей, проповедь «хозяйственного права», превращавшего человека в хозяйственную «единицу», — весь этот бред не мог не ударить самым чувствительным образом и по практической работе органов юстиции в целом.

Важнейшая задача, стоящая в настоящее время перед всеми научными работниками в области науки права и государства, заключается в окончательном выкорчевывании, в полной и до конца ликвидации всех остатков этих провокаторских измышлений, т. е. в полном и до конца очищении авгиевых конюшен нашей правовой науки от грязи, от всей гнусности вражеских «теорий», от всего того хлама, который к сожалению накопился у нас целые годы, от всех вражеских «теорий», имевших у нас хождение в значительной мере (надо прямо и честно это сказать) по нашей вине, по нашей недопустимой доверчивости к различным авторам, которые попросту оказались иностранными полнейшими шпионами, полицейскими лазутчиками и шпионами.

Эта очистительная работа в настоящее время в значительной степени проделана, маски с этих господ «ученых» сорваны, они полностью разоблачены и отправлены на историческую свалку, куда, по меткому выражению главы нашего правительства Вячеслава Михайловича Молотова, история не в таком отдаленном будущем отправит должно быть и самое капиталистическое общество. Разоблачены различные вражеские антинаучные «теории» и «теорички»,

посредством которых враги пытались парализовать рост советской юридической мысли, расчищено широкое поле для плодотворной творческой работы на пользу нашему советскому отечеству, на благо нашему советскому народу, на благо социализму.

Перед нами, перед советской наукой, стоят сейчас крупнейшие задачи юридической разработки ряда вопросов, вытекающих из решенных под руководством партии Ленина — Сталина задач социалистического строительства. Эта разработка возможна лишь при условии полного и последовательного овладения марксизмом-ленинизмом, всем учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. «Размах нашего дела, — говорил тов. Молотов на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 г., — настолько велик, проводимое советской властью переустройство жизни вносит такие коренные изменения, что в наших условиях нельзя замыкаться только в повседневные дела и текущие пужды, а необходимо сознательно относиться к генеральному пути нашего развития, к историческим событиям, участниками которых мы являемся. Мы, большевики, считаем, что верным компасом в исторических событиях может служить ленинизм, раскрывающий их действительную сущность. Овладеть ленинизмом — в этом важнейшая задача работников высшей школы, в этом важнейшая задача советского студенчества»¹⁵.

Так говорил тов. Молотов, определяя задачи нашей научной работы. И это указание тов. Молотова является для нас практической программой нашей деятельности.

Марксизм-ленинизм действительно требует активного овладения пролетариатом на деле всей старой культурой, всей старой наукой. «Нужно, — говорил Владимир Ильич, — взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»¹⁶. Но, с другой стороны, несомненно, что «...только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грозного капиталистического корыстолюбия»¹⁷.

Марксизм-ленинизм учит пониманию силы и значения установившихся в науке традиций и умению использовать их в интересах науки. Одновременно марксизм-ленинизм учит смелости и решимости, учит, как говорит товарищ Сталин, «...ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед...»¹⁸.

Марксизм-ленинизм ценит науку, которая, как говорит товарищ Сталин, «...умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки»¹⁹.

Марксизм-ленинизм таким образом поднимает науку, ее роль и значение в борьбе за социализм, в деле организации новых социалистических отношений, на громадную высоту.

¹⁵ «Большевик», 1938, № 10-11, с. 8-9.

¹⁶ Ленин, т. XXIV, с. 65.

¹⁷ Ленин, т. XXIII, с. 41.

¹⁸ «Большевик», 1938, № 10-11, с. 2.

¹⁹ Там же.

Указания товарища Сталина о значении научной теории и науки в целом и о роли новаторов в науке, таких корифеев науки, каким является Ленин, величайший человек современности, таких новаторов дела, практиков, как Стаханов и Панагин, которые являются людьми передовой науки, полностью раскрывают всю глубину и революционность марксистских взглядов на науку, на пути и задачи развития советской науки в целом, а следовательно и нашей правовой науки.

Одной из важнейших задач советской науки является всестороннее и исчерпывающее овладение наукой и культурой капиталистического общества. Овладеть научным богатством, научным наследством старого общества возможно однако лишь на основе критического отношения к этому наследству, лишь на основе преодоления узкого кругозора буржуазного мышления — буржуазной методологии науки, став на единственно прочную научную почву — на почву диалектического материализма, марксизма-ленинизма, освещающего, как сказал тов. Молотов, «...генеральный путь исторического развития, раскрывающего смысл современных событий...»²⁰.

Конечно процесс овладения этим богатством, процесс его использования трудящимися классами в интересах своей освободительной борьбы связан с преодолением ряда очень серьезных трудностей.

Эти трудности выражаются раньше всего в том, что наша теоретическая работа отстает от наших практических успехов; в том, что у нас, как сказал товарищ Сталин еще в 1929 г., все еще имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные «теорички»; в том, что эти «теорички» нередко не встречают должного отпора; в том, что, как подчеркнул товарищ Сталин, говоря об экономических науках, «...ряд основных положений марксистско-ленинской политической экономии, являющихся вернейшим противоядием против буржуазных и мелкобуржуазных теорий, начинает забываться, не популяризируется в нашей печати, не выдвигается почему-то на первый план»²¹.

Это можно сказать с особой силой и в отношении нашей правовой науки, потому что такого действительно преступно безразличного отношения к величайшему наследству Маркса — Энгельса — Ленина, которые дают нам исключительнейшие по богатству источники разработки целого ряда важнейших проблем нашего советского права в условиях победившего социализма, едва ли можно представить в какой-либо другой отрасли в такой мере, как это имеет место к сожалению в нашей науке.

В сущности говоря, богатейшее наследство марксизма-ленинизма в области права не только не изучено, но оно не систематизировано, оно остается передо нами на книжных полках, вместо того, чтобы быть предметом самого пламенного изучения со стороны десятков и сотен наших и новых и старых научных работников, имеющих полную возможность найти в наследстве Маркса — Энгельса — Ленина и в работах товарища Сталина неисчерпаемые богатства для того, чтобы решить целый ряд важнейших вопросов на-

шего сегодняшнего практического строительства в области права вообще и в области науки права в частности.

Овладение научным богатством капиталистического мира возможно лишь на основе максимального использования богатейших научных материалов основоположников и классиков марксизма, на основе преодоления при их помощи засоряющих головы наших практиков, буржуазных теорий, приобретенных, как сказал товарищ Сталин, прочностью предрассудка. Перед нами стоит очень серьезная и большая задача в области теории права и государства, так называемой общей теории права и государства. Эта задача привлекает к себе наше внимание конечно в первую очередь, как это вполне понятно, ибо здесь мы имеем дело с основными принципами теории права и государства.

Хаос и путаница, царящие в буржуазной науке права, конечно затрудняют разработку нами тех проблем, которые могли бы быть более успешно разработаны при помощи привлечения к этой разработке и научного богатства юридической мысли старого капиталистического общества. А такое богатство несомненно существует и очень значительное. К сожалению, я говорю, использование этого материала, привлечение его к нашей созидательной, творческой работе оказывают весьма затруднительным вследствие того поразительного хаоса, той поразительной путаницы в науке буржуазного права, которые там существуют до сегодняшнего дня. В сущности говоря, буржуазной науки права нет, если не считать разумеется за науку набор произвольных построений, прикрытых научной фразеологией. Такая наука конечно в капиталистическом мире существует. Но наука, которая могла бы быть названа таковой в подлинном смысле этого слова, ее нет. И это несмотря на то, что среди «научного» буржуазно-правового мусора выделяются работы ряда замечательных, выдающихся юристов, буржуазных ученых, однако разделяющих судьбу всей буржуазной науки. Их работы, так же как и вся буржуазная наука, бесплодны, вроде библиеской смоквиццы. Они бесплодны, они бессильны, причем причина этого в значительной степени кроется в порочности самого метода научного исследования. В буржуазной науке нет единства в понимании самого содержания права.

Бессилие буржуазной правовой науки, как впрочем и остальных буржуазных общественных наук, заключается, как я сказал, в порочности и бессилии того метода, которым эти науки права пользуются, именно юридического метода исследования, который уходит от конкретных особенностей исследуемых явлений. От взгляда судьи и юриста, говорит например Еллинек, уходит более тонкие отличия личности. «Их удовлетворяют Кай и Тиций, истец и ответчик, представляющие нечто общее, аналогичное тонам в акустике или краскам в оптике. Но в действительной жизни индивидуализируются все сделки и деликты, здесь действует старое право: *si duo faciunt idem non est idem*. Все вообще купли-продажи, совершаемые на ярмарке, юрист в огромном большинстве подводит под один и тот же тип»²². Юристов, пользую-

²⁰ «Большевик», 1938, № 10—11, с. 11.

²¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, с. 300.

²² Еллинек, Право современного государства, с. 19.

щихся юридическим методом, не интересуют различия в экономическом положении например отдельных хозяйств, как и различные экономические условия заключенных акторами (сторонами) сделок. Это последнее, говорят они, дело экономиста, статистика, социолога и т. д., но не юриста.

В юриспруденции царит юридическое искусство абстрагирования от «сторонних», т. е. лежащих вне области права, так называемых мета-юридических, явлений. Поэтому юридическое мышление одностороннее и лишено содержания, наполнено абстракциями и чуждо конкретности. В этом заключается причина невозможности пользоваться так называемым догматико-юридическим методом для научного исследования. Догматико-юридический метод, при помощи которого буржуазные ученые рассчитывают разгадать тайны общественных явлений, так же не подходит для этой цели, как средневековая теория какого-нибудь флогистона не подходит для познания явлений природы. Юридический метод означает логическое оперирование понятиями и представлениями, вместо оперирования явлениями, скрывающимися под покровом этих понятий и представлений. Это чисто логический метод, рассматривающий явления как таковые, существующие для себя и в себе, как явления замкнутые, черпающие свое начало и свой конец в самих себе.

Отсюда лживость выводов, ложность суждений. Недаром Маркс юридический метод охарактеризовал словами «juristisch also falsch». Юридический метод — это метод, отвлеченный от действительного мира явлений, метод познания этих явлений не путем познания материальных причин, породивших эти явления, а путем чисто умозрительных спекуляций, путем чисто умозрительного анализа этих явлений. Отсюда фетишизм буржуазного права, буржуазно-правовых понятий, составляющих в своем фетишизированном и абстрагированном виде содержание буржуазной науки права. Отсюда произвольность и антинаучность учений и теорий, создаваемых бесчисленным множеством различных буржуазных ученых, создаваемых применительно к их политическим вкусам и требованиям, в сущности применительно к политическим вкусам и требованиям их хозяев.

Характерно по этому поводу замечание Еллинека. «В литературе учения о государстве, — говорит Еллинек, — господствует в этом отношении величайшая путаница... Вплоть до настоящего времени всякое, хотя бы и бессмысленное измышление из области учения о государстве, если только оно преподносилось с должным апломбом, обращало на себя внимание в литературе и серьезно обсуждалось. Утверждения заменяли факты, убеждения — доказательства, неясность сходилась за глубокомыслие, произвольные умствования за высшее познание. По этой, главным образом, причине в истории литературы учения о государстве в новейшее время образовалась столь значительный пробел, что в течение последних десятилетий ни один систематический труд не сумел привлечь к себе хотя бы некоторого внимания»²³. Так говорит Еллинек, один из выдающихся буржуазных ученых.

Не лучше отзывается о буржуазной науке Гумплович, тоже крупнейший буржуазный юрист. «Юристы, — говорит он, продолжая мысль Канта, — и в настоящее время ищут определения права, да и не скоро еще найдут его, так как они попали на ложный путь и находятся в страшном заблуждении, думая от права добираться до государства, которое ими рассматривается как правовой продукт»²⁴.

«...Современная наука государственного права действительно представляется шаткою в своих основах и требующей коренного пересмотра»²⁵, — говорит например Новгородцев в предисловии к русскому переводу книги Дюги «Конституционное право».

Я нарочно привел ряд высказываний очень крупных буржуазных юристов, чтобы показать, что мое утверждение о совершенно хаотическом состоянии буржуазной науки права, несмотря на очень большой апломб, который несомненно присущ буржуазной науке права и отдельным ее представителям, это не просто фраза, а это итог правильного и беспристрастного изучения, правильной и беспристрастной оценки подлинного состояния буржуазной науки права.

«Бесконечные споры, возникающие по вопросу о настоящей природе субъективного права, лучшее доказательство всего того искусственного шаткого, что заключается в этом понятии»²⁶ — говорит известнейший французский юрист Леон Дюги.

В работе «Социальные функции права» Карнер ставит вопрос о роли права в обществе в следующей форме: «Как создает общество свое право и как право создает свое общество?»²⁷. Этим он явно изобличил свою полную неспособность разобраться в этом не очень уж сложном вопросе. У Карнера ничего не нашлось сказать лучше, как привести слова Канта: «Чисто эмпирическое учение о праве есть голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая, может быть, и красива, но только, к сожалению, лишена мозга». К этому Карнер добавил: «Наука о праве поэтому начинается как раз там, где кончается юриспруденция...»²⁸.

Наш отечественный «философ» юрист Шершеневич в результате анализа различных правовых систем пришел в свое время к заключению, что «...нет никакой надежды отыскать желаемый признак, который мог бы быть применен ко всякому праву и служил бы для него отличием от других проявлений общественности»²⁹.

Таким образом, начиная от Гумпловича и Еллинека до Дюги и Карнера, Новгородцева и Шершеневича, — можно назвать любого из самых выдающихся буржуазных ученых-юристов, из самых выдающихся представителей науки буржуазного права, — везде мы видим самую

²⁴ Л. Гумплович, Общее учение о государстве, СПб, 1910, с. 355.

²⁵ См. Л. Дюги, Конституционное право. Общая теория государства, М. 1908, с. XXI.

²⁶ Дюги, Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона, Госиздат, 1919, с. 13.

²⁷ И. Карнер, Социальные функции права, Госиздат, 1923, с. 11.

²⁸ Там же.

²⁹ Г. Ф. Шершеневич, Общая теория права, т. I, М. 1911, с. 280.

²³ Еллинек, Право современного государства, с. 15-16.

безнадёжную оценку состояния буржуазной науки права, потонувшей во внутренних противоречиях и неспособной найти выход из своего крайне запутанного, буквально критического положения.

Выдающиеся буржуазные юристы, несомненно много сделавшие каждый по-своему для того, чтобы продвинуть хоть на один миллиметр вперед свою науку, однако не смогли решить основных задач, стоящих перед каждой юридической наукой, в области которой они работают. Они оказались бессильными в этом отношении потому, что они не в состоянии освободиться от причины всех причин, объясняющих их ошибки, — от порочности самой методологии своей исследовательской работы. Методология исследования — это есть ключ к обоснованию правильной научной теории. Не имея в своих руках такого верного компаса, как методология диалектического материализма, буржуазные ученые путаются и в определении права. Вот почему они путаются и в определении стоящих перед ними задач.

У нас иное положение. В наших руках верный компас подлинно научного исследования — марксистско-ленинская методология, учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

На этой основе мы можем завершить построение нашей теории права и государства, быстро и решительно преодолев в области научно-юридической разработки теории те недостатки, которые объясняются тем, что враги порядочно мешали нашей работе в этой области.

Советской науке права, т. е. научной теории, обобщающей основные принципы построения советского права, еще придется много поработать, чтобы двинуть это дело вперед.

Надо сказать, что юридической разработке теории права вообще и государственного права в частности мешала вредительская деятельность Пашуканисов и К^о, отрицавших самую возможность построения такой теории.

Пашуканис, больше всего напакостивший в этой области, в книге, которую он кощунственно назвал «Общая теория права и марксизм», утверждал, что наиболее общие и простейшие юридические понятия являются результатом логической обработки норм позитивного права, что они представляют собою просто «продукт сознательного творчества по сравнению со стихийно складывающимися правоотношениями и выражающими их нормами».

Вот принципиальная исходная позиция этого горе-ученого. Если действительно так представлять себе самый процесс организации или выработки теории права, что общая теория права является результатом лишь «логической обработки норм позитивного права», то конечно никакой общей теории права создать нельзя. Теория права это есть система правовых принципов, на основе которых строятся вся наука права, все отрасли науки права, независимо от их конкретного содержания. Ясное дело, что выработка этих принципов не может брать свое начало в нормах позитивного права. Наоборот нормы позитивного права, как и все позитивное право в целом, должны строиться в соответствии с началами, принципами, установленными теорией права, опирающейся в свою очередь на принципы социализма, социалистической революции, социалистического государственного и об-

щественного строя. Следовательно надо выработать сначала принципы теории права. А выработать их можно не из права, хотя бы позитивного, а из жизни, откуда они и берут свое начало, берут все свои истоки, вбирают в себя всю свою жизненную силу, из содержания общественных отношений, в основе которых лежат производственные отношения данного общества, из особенностей данного общественного и государственного строительства.

Следовательно построение теории права возможно только на основе принципов организации общественных отношений, объясняемых в конечном итоге производственными отношениями, являющимися основой всех общественных отношений в любом обществе, в любую эпоху.

Попытка построить теорию права (так называемую общую теорию права) путем логической обработки норм позитивного права — это не новая попытка. Ее мы встречаем во всех направлениях буржуазной науки права, пользующейся догматико-юридическим методом.

Вся буржуазная наука занималась только тем, что пыталась построить теорию права путем логической обработки норм позитивного права, сдабривая ее всякого рода постулатами, вроде постулата абсолютного духа и т. д. Но такого рода «разработка» не могла дать и не дала действительно правильного, научного познания права. Идти этим проторенным путем буржуазной науки, представляющей собой грудку всякого рода совершенно ненаучных проблем, одобренных, как совершенно справедливо говорил Еллинек, единственным своим качеством — научным апломбом, — дело совершенно безнадёжное.

Безнадёжно пытаться построить теорию права на основе юридического метода, как это проповедывал тот же вредитель Пашуканис, говоривший о методе «юридического мышления с его специфическими приемами».

Построить марксистскую теорию права и государства, оставаясь на этих позициях, утверждая, что остается в силе метод юридического мышления с его специфическими приемами мышления, нельзя. Это означает не что иное, как увековечивание юридического метода, являющегося основной причиной бесплодия и бессилия буржуазной науки права.

Ставя вопрос о марксистско-ленинской теории права и государства, или, как ее называют, общей теории права и государства, т. е. такой теории права и государства, которая давала бы систему принципиальных положений, обязательных для направления и разработки всей науки права в целом и каждой из конкретных юридических дисциплин в отдельности, мы имеем в виду принципы, отличающие советское право от права буржуазного.

Советская теория права и государства должна дать систему советских социалистических принципов, объясняющих и обуславливающих социалистическое содержание советских юридических дисциплин и юридических институтов.

Вредители из группы Крыленко — Пашуканиса в корне извратили марксистско-ленинскую теорию о праве и государстве. Эти господа доказывали, что пролетарскому праву чужды свои новые обобщающие понятия. Всякую попытку построить теорию социалистического права они объявляли попыткой прокламировать бессмертие

формы права и самого права, которое де в условиях социалистического общества не способно к обновлению и расцвету. Они пытались доказывать, что отмирание «категорий (именно категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание категорий стоимости, капитала, прибыли и т. д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появления новых пролетарских категорий стоимости, капитала, ренты и т. д.».

По этой вредительской «теории» отмирание категорий буржуазного права будет означать «отмирание права вообще, т. е. постепенное исчезновение юридического момента в отношении людей».

Таким образом Пашуканисы отвергали самую возможность построения советской социалистической теории права. Они отрицали наличие у советского права своих обобщающих понятий, они ориентировались на отмирание категорий права и права в целом, что естественно исключало всякую надобность в построении теории права. В книжке «Общая теория права и марксизм» нет ни грамма марксизма, нет и никакой теории права, если не считать «теорией права» вредительские рассуждения об отмирании права и невозможности дать обобщенные советских социалистических юридических понятий без риска «увековечить» право.

Вследствие стараний вредителей у нас отрицались целесообразность, необходимость, самая возможность создания теории советского социалистического права. Все усилия вредителей были направлены на то, чтобы доказать, что советской теории права не может быть и не должно быть. Эта вредительская линия тщательно замаскировалась, прикрывалась общими, бессодержательными, пустыми разговорами относительно абстрактных понятий, которые составляют содержание всякой теории права.

Эти господа причинили нашей науке величайший вред своей квазинаучной болтовней, к сожалению в свое время в полном объеме не разоблаченной, принимавшей кое-чем за чистую монету и в силу этого имевшей довольно распространённое хождение в нашей юридической среде. Наряду с этими вредительскими «теориями», в среде наших юристов имели не малое распространение и различные буржуазные теории и концепции права (Дюги, Кельзен, Карнер и др.). Здесь мы видим такую же путаницу и чистый юридический идеологизм, что и у старых буржуазных ученых.

Путаница и чистый юридический идеологизм у буржуазных ученых находят свое выражение в таких важнейших и решающих вопросах, как само определение, само понятие права и государства. Я напомним несколько таких определений.

Е. Н. Трубецкой, известный профессор Киевского университета, в своей «Энциклопедии права» дает следующее определение права. «Особенно резко бросаются в глаза,— говорит Трубецкой,— недостатки тех ходячих в наше время определений права, которые исходят из понятия государства. Из них наиболее типичным представляется определение, высказанное Иерингом в известном труде его «Цель в праве». Иеринг считает совершенно правильным то ходячее

определение права, которое гласит: «Право есть совокупность действующих в государстве принудительных норм». Нетрудно убедиться в том, что это определение, как и вообще все те многочисленные в наше время определения, которые исходят из понятия государства, совершает логический круг, определяет право правом, неизвестное неизвестным. В самом деле, государство есть прежде всего правовая организация, союз людей, связанных между собою общими началами права; ясное дело, следовательно, что понятие государства уже предполагает понятие права. Стало-быть, те учения, которые определяют право как совокупность норм, «действующих в государстве» или «признанных государственной властью», говорят на самом деле иными словами: Право есть право, $x = x$.

Акт признания или непризнания государственною властью тех или других норм за право, очевидно, не может послужить признаком для различия права от неправа, ибо этот акт в свою очередь покоится на праве, присвоенном государственной власти. Понятие государства уже предполагает понятие права; поэтому вводить в определение права понятие государства — значит определять право правом»³⁰.

Или В. С. Соловьев. Определяя право, он говорит: «...Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла»³¹. Каузовое определение. Право есть требование реализации определенного минимального добра, или порядок, не допускающий известных проявлений зла. Это тавтология — разумеешь, если требуешь добра, то не допускаешь зла. Это верчение вокруг пустого места. Чем же доказано, что право есть порядок, который не допускает известного проявления зла, иначе говоря, чем это доказано, что право есть минимум нравственности? Почему наконец минимум нравственности, почему право не может быть максимумом нравственности? Наконец если эта нравственность, то какая это нравственность, чья нравственность? Ведь совершенно понятно, что само понятие нравственности очень растяжимое понятие, и нравственность бывает разной, в зависимости от эпохи, от особенностей данного общества, от того, какой класс господствует в данном обществе. Следовательно соловьевское определение права как «принудительного требования реализации определенного, минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла»³², ничего не дает,— оно совершенно не реально, не жизненно, противоречит жизни, потому что, если говорить о праве как о реализации каких-то требований, то надо сказать, кем предъявляются эти требования, во имя какого блага, кого это благо касается, какие интересы это благо затрагивает, и т. д. и т. п.

В. С. Соловьев на эти вопросы ответа не дает, а без ответа на эти вопросы нет и ответа на вопрос о том, что же такое представляет собой право. Такие «определения», как у Соловьева, или

³⁰ Е. Н. Трубецкой, Энциклопедия права, М. 1908, с. 12.

³¹ В. С. Соловьев, Собр. соч., 2-е изд., т. VIII, (1894—1897). Оправдание добра, ч. 3-я. СПб 1913, с. 409.

³² Там же.

аналогичные им, мы находим поголовно у всех буржуазных юристов.

Вот почему мы имеем достаточно оснований говорить, что в области науки буржуазного права, там, где речь идет о науке права и о самом определении права, царит невероятная путаница, хаос, там отсутствует всякая научность.

Нужно ли останавливаться на том, к чему сводилась и как, с каких позиций велась в нашей юридической литературе «критика» буржуазного права при том вредительском влиянии, которым был поражен в прошлые годы наш теоретический правовой фронт? Нужно ли специально подчеркивать, что «критика», которую эти господа направляли против буржуазных ученых, в действительности сама была, с точки зрения ее научного содержания, научной ценности, в высокой степени порочна и несостоятельна, потому что «критики» вроде Пашуканиса и его сподручных извращали марксизм-ленинизм, исходили из лжемарксистских, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеющих «теоретических» позиций. Фальсификаторы марксизма-ленинизма не могли разумеется дать марксистской критике буржуазных теорий права и государства. Обращаясь хотя бы к краткому обзору различных определений права, различных теорий, говорящих о содержании права и отдельных правовых институтов, мы должны раньше всего подчеркнуть полную несостоятельность этих определений, понятий, теорий.

Я напомию хотя бы только такие факты, как определение Пашуканисом нашего советского права как буржуазного права, определение самого права вообще как буржуазной категории, утверждение, что кульминационная точка развития права лежит в буржуазном праве и т. д. По Пашуканису, право достигает своего кульминационного развития в капиталистическом обществе и следовательно в социалистическом обществе право уже не развивается, не имеет никаких перспектив развития. Между тем, если обратиться к истории, можно без труда доказать, что развитие капиталистического общества идет в направлении загнивания права и законности. Капитализм в своей империалистической фазе развития тяготеет собственным «правовым режимом», режимом законности, от которой, чем дальше идет обострение классовых противоречий, тем сильнее он склонен отделяться раз и навсегда.

Процесс развития капиталистического общества связан с процессом его загнивания, а процесс загнивания капиталистического общества связан с процессом разрушения или, можно прямо сказать, расстрела, уничтожения буржуазией своей законности, своего права.

Фашизация буржуазных государств приводит не к укреплению законности и правового режима, а к окончательному разрушению правового режима, не к торжеству правового режима, а к окончательной ликвидации правового режима, заменяемого режимом правящей уголовщины. При таком положении вещей видеть высшую, кульминационную точку развития права в капиталистическом обществе можно, только заведомо фальсифицируя историю и действительность.

В капиталистическом обществе право разделяет судьбу этого общества: загнивает капитализм, загнивает право капиталистического общества. История доказывает, что наоборот при социализме право поднимается на высшую ступень

своего развития. Только в социалистическом обществе право получает твердую почву для своего развития. Не эпоха империализма, а эпоха социализма является наиболее благоприятной эпохой для развития права, для развития законности, для торжества права и торжества законности.

Утверждая, что право есть не что иное, как форма капиталистических отношений, что развитие права возможно лишь в условиях капитализма, когда право будто бы достигает своего высшего развития, вредители, подвизавшиеся на нашем правовом фронте, стремились к одной цели — доказать, что советскому государству право не нужно, что в условиях социализма право излишне, как пережиток капитализма.

Сводя советское право к буржуазному праву, уверяя, что при социализме нет почвы для дальнейшего развития права, вредители добивались ликвидации советского права и науки советского права.

В этом заключается основной смысл их провокаторской, вредительской деятельности. Идя по этому пути, они изоцрились в изобретении всяких мотивов, концепций, «теорий», которые могли бы облегчить им достижение такой преступной цели.

Отсюда — усиленная пропаганда отмирания права, о чем мы говорили уже выше; отсюда и такие извращения, как сведение права то к экономике, то к политике. И в том и другом случае мы уничтожаем специфический характер права, как совокупности установленных государством и защищаемых в принудительном порядке государственной властью правил поведения, обычаев и правил общечития.

Сводя право к экономике, как это делал Стучка, утверждавший, что право совпадает с производственными отношениями, эти господа скатывались в болото экономического материализма. В этом случае право переставало быть активной силой, одним из важнейших факторов борьбы и государственного строительства. Сводя право к политике, эти господа обезличивали право, как совокупность законов, подрывая их устойчивость и авторитетность, внушая ложную мысль, будто в социалистическом государстве применение закона определяется не силой и авторитетом советского закона, а политическими соображениями.

Такая мысль означает по существу дискредитацию советской законности, советского права, призванных якобы бы защищать не права граждан, а проводить «политику», обязанный при решении тех или других вопросов судебной практики исходить не из требований закона, а из требований политики.

Болтовля о советском праве, как простой форме политики, провоцирует такое представление о советских законах, о советской юстиции, о деятельности советских судов, при котором сила закона и сила права были бы поставлены в зависимое положение от политических требований государства.

Повторяем: право, разумеется, есть категория политическая. В основе советского права лежат политические и экономические интересы рабочих и крестьян; советское право призвано их охранять, их защита — основная задача советского права.

И тем не менее нельзя право сводить к политике, как нельзя отождествлять причину и след-

стве. Если право — форма политики, то как объяснить статью 112 Сталинской Конституции, говорящую, что судьи у нас независимы и подчиняются только закону? Между тем статья 112 исключительно ясно и отчетливо решает вопрос о независимости судей в их судебной деятельности, подчиняющейся только закону. Тем самым лишний раз подчеркивается неправильность механистического сведения права к политике.

Когда определяют право, как форму политики, то, в сущности говоря, ничего не определяют. Задача между тем состоит в том, чтобы определить особенности права, как формы политики, его специфику, если даже признать, что право — форма политики.

Политика — это цели и задачи, преследуемые общественными классами в их борьбе за свои интересы, это — методы и средства, при помощи которых эти интересы защищаются. Определяя право как форму политики, надо определять, в чем состоят специфические качества этой формы, как формы правовой, в чем ее отличие, именно как правовой формы, от других форм политики, и т. д. Не ответив на эти вопросы, мы не определим права, сколько бы раз мы ни сочетали слова «право», «политика», «экономика» и проч. и т. п.

Но этого-то ответа мы и не находим у тех «ученых», которые занимаются таким спряжением и сочетанием различных слов. От самого же пустого, бессодержательного сочетания различных слов получается только одно — вредная путаница, нелюбо используемая врагами для борьбы против социалистического государства.

Сведение права к политике господствующего класса — это извращение представления о праве, потому что право хотя и есть политическая категория, тем не менее оно ни в какой степени не может быть сведено только к политике. Громадная область личных и имущественных интересов граждан, защищаемых правом, не укладывается в понятие политики, имеющей свое особое содержание. Сведение права к политике означало бы игнорирование таких стоящих перед правом задач, как задачи правовой защиты личных, имущественных, семейных, наследственных и т. п. прав и интересов. Именно в результате представления о праве как о форме политики и оказались возможными ликвидация например гражданского права и замена или «выветривание» его правом «хозяйственным», имеющим дело не с живыми интересами и правами граждан, а с хозяйственной политикой.

Также неправильно определение права, как формы или системы общественных отношений, принадлежащее Стучке, точка зрения которого господствовала, как известно, на первом съезде так называемых марксистов-государственников и в течение ряда последующих лет.

В резолюции I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков прямо говорилось, что Стучка первый развил марксистско-ленинское революционное понимание права. Пашуканис и К^о видели громадную заслугу Стучки в том, что он самое понимание права свел к системе общественных отношений, отождествил правовые отношения с производственными отношениями, систему правовых отношений с системой производственных отношений, право с производством (и обменом).

Сведя право к экономике, Стучка и его после-

дователи ликвидировали право, как особую, специфическую общественную категорию, утопили право в экономике, лишили право его активной, творческой роли.

В этом определении Стучки съезд видел удар по метафизическим, идеалистическим и психологическим теориям права, распространявшимся среди людей, считавших себя марксистами. Между тем именно это определение права было ударом не по метафизическим, идеалистическим и т. п. теориям права, а по самому советскому праву.

С точки зрения такого понимания права, самостоятельное изучение права, как особой науки, теряет всякий смысл.

Не случайно, что именно Стучка пропагандировал ликвидацию гражданского права, замененного, по его инициативе, «хозяйственным правом», что именно Стучка мечтал о полном уничтожении законов. «У нас, — говорил Стучка, — есть красные Сперанские, создающие законы. Когда же появятся красные Вольтеры, сжигающие законы?..»

С точки зрения стучкинского и пашуканисовского понимания права, советское право с самого своего возникновения было обречено на увядание, на отмирание.

С этой точки зрения, советское право обречено на невозможность дальнейшего развития, лишены способности развития и отдельные институты социалистического права, преследующие цели защиты, утверждения и развития новых социалистических общественных отношений. Эти господа отрицали самую возможность развития советского права.

Такие выводы они пытались прикрыть формально логическими рассуждениями, из которых они выводили целую систему прямого отрицания возможности построения системы советского социалистического права.

Пашуканис так прямо и говорил о невозможности построения системы советского социалистического права. Я в этой связи напомним только одно место из его работы, вредительской по своему характеру, как и все его работы, — повольте эту оговорку сделать раз и навсегда по отношению ко всем его работам.

«Суть в том, — писал этот предатель, — что переходный период, когда диктатура пролетариата осуществляет революционный переход от капитализма к коммунизму, нельзя рассматривать как особую законченную социально-экономическую формацию, а потому нельзя создавать для нее особую законченную систему права, искать какую-то особую форму права, исходя из такой симметрии: право феодальное, право буржуазное и право пролетарское».

Говоря о невозможности построения теории права, эти господа должны были прийти к утверждению о невозможности построения и системы советского социалистического права. Ясно, что, исходя из этих двух своих основных вредительских установок, они не могли дать ни теории советского социалистического права, ни системы советского социалистического права. Будучи вредителями и предателями, они не только не могли, но и не хотели дать разработки этих важнейших задач, стоящих перед наукой советского права. Пробравшаяся в некоторые наши институты шайка врагов, изменников и вредителей издевалась над нашей наукой, всячески са-

ботировала науку и делала все, что только было в ее силах, чтобы погубить то дело, в преданности которому эти негодяи вероломно и лицемерно клялись на каждом шагу.

Неудивительно и то, что одним из методов гнусного саботажа научной работы была практика разгона и удурения научных сил, загибания и травли ряда научных работников, среди которых было немало людей талантливых и преданных делу науки и социализма, способных двигать науку права вперед на благо нашего народа. Так было. Теперь этого уже нет. Теперь очищена наша почва от предателей и вредителей.

Позвольте перейти непосредственно к характеристике задач науки советского социалистического права.

Стоящие перед нами в настоящее время задачи требуют работы, направленной на укрепление советского права и советского государства. И следовательно в области научной разработки тех или других проблем основной, решающей мыслью должно явиться стремление обеспечить максимальное развитие и укрепление советского права и советского государства. Наука права должна устремить все свое внимание в эту сторону. Она должна мобилизовать все свои силы на научную разработку таких вопросов, которые вытекают из задачи именно всемерного укрепления советского государства и советского права.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что подвизавшиеся на правовом теоретическом фронте вредители основное внимание пытались мобилизовать не на этом вопросе — не на вопросе о задачах укрепления нашего права и государства, а как раз наоборот — на задачах, связанных с проблемой отмирания права. На этом вопросе необходимо остановиться, хотя бы в кратких словах.

Вопрос об отмирании права представляет конечно очень серьезную и большую проблему, и марксизм-ленинизм совершенно отчетливо дает и постановку и решение этой проблемы.

Марксизм-ленинизм не отождествляет права переходного периода от капитализма к коммунизму с буржуазным правом. Видя в какой-то очень отдаленной перспективе неизбежность отмирания права, как и государства, которое когда-то, на каких-то дальнейших этапах нашего общественного развития мы сдадим в музей древностей вместе с топором каменного века и пращой, марксизм-ленинизм однако ставит перед пролетариатом, овладевшим политической властью и пользующимся этой политической властью в целях своего окончательного освобождения, построения социалистического общества и перехода к коммунизму, ряд важнейших задач. Эти задачи связаны с необходимостью использования права и государства и следовательно с необходимостью максимального укрепления права и государства. Совершенно естественно конечно, что наши враги должны были обратить свое внимание именно на эту сторону дела. Враждебные нам антимарксистские, антиленинские «теории», извращая самую постановку вопроса об отмирании права и государства, так же извращенно ставили и вопрос о задачах советского права и государства. Известны в этом отношении «работы» вредителей и просто горе-«теоретиков», которые в буквальном смысле слова не оставили камня на камне от марксизма-ленинизма в ча-

сти, касающейся в особенности этого вопроса. Известно утверждение вредителей о том, что советское право лишено перспектив своего развития и замыкается в узких горизонтах, отведенных ему историей, буржуазного бытия. Это абсолютно неправильное утверждение, являющееся результатом прямого извращения соответствующих мест из Маркса и Ленина, посвященных вопросу о праве переходного периода. Право выражает собой определенное состояние неравенства в общественных отношениях людей. Однако при диктатуре пролетариата право представляет собой вместе с тем и определенный способ контроля со стороны общества или господствующего в обществе класса над мерой труда и мерой потребления. В обществе, выходящем из недр капитализма, наличие права, как рычага управления, как средства регулирования общественных отношений, как способа контроля и учета меры труда и меры потребления, неизбежно.

Напомним замечательную страницу из марксовой «Критики Готской программы», полностью и блестяще раскрывающей весь смысл, значение и роль права в переходный период.

«Здесь,— читаем мы в этом месте,— очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует товарообмен, поскольку последний есть обмен равных ценностей. Содержание и форма здесь изменились в силу того, что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому, что, с другой стороны, в собственности отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается самого распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой».

Здесь прежде всего бросается в глаза, что Маркс говорит о том, что содержание и форма здесь изменились, между тем как общий лейтмотив вредителей сводился к утверждению, что право наше буржуазное, по крайней мере по форме, что содержание его немножко социалистическое, но форма во всяком случае буржуазная. Это прямо противоречит определениям и принципам марксистской методологии, согласно которой меняется не только форма, но и содержание, что изменения здесь и там неразрывно и органически связаны друг с другом, так как существует единство формы и содержания. Иначе неизбежен тот отрыв формы от содержания, который является основой трехопанения так называемого «юридического социализма».

Цитирую дальше: «Поэтому равное право здесь по принципу все еще является правом буржуазным, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь в среднем, а не в каждом отдельном случае».

Несмотря на этот прогресс, это равное право все еще вписано в буржуазные рамки. Право производителя пропорционально доставляемому им труду; равенство состоит в том, что измерение производится равными мерами — трудом. Но один человек физически или умственно, превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше;

а труд для того, чтобы он мог служить мерилом, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерилом. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие. Но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно и неравную работоспособность, — естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию является правом неравенства, как и вообще всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равного мерила; но неравные индивиды (они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одним и тем же мерилом лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут их с одной определенной стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают только как рабочих, и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее, один рабочий женат, а другой нет, у одного больше детей, нежели у другого, и т. д. и т. д. При равном труде, следовательно при равной доле в общественном потребительном фонде, один получает фактически больше, чем другой, оказывается богаче другого и т. д. Чтобы избежать всех этих недостатков, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно только выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»³³.

Указав на исторические точки совпадения между правом переходного периода и правом буржуазным, Маркс подчеркивает, что самый принцип и практика их различны, так что говорить, что право переходного периода есть буржуазное, в прямом смысле слова, нельзя. Ясно, что здесь употребляется термин «буржуазное» только относительно, с точки зрения лишь исторической преемственности между правом новым и правом старым, которые не отделены друг от друга китайской стеной, несмотря на свои принципиальные различия.

Ленин, комментируя это место, писал:

«Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть», этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда

равное количество продукта» — и этот социалистический принцип уже осуществлен. Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это — «недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу»³⁴.

Марксизм-ленинизм говорит о следах буржуазного права в социалистическом праве постольку, поскольку и здесь и там труд остается мерилом ценностей. В этом смысле можно говорить об исторической связи нашего права с буржуазным правом. Но только заведомые негодяи и предатели могут делать из сказанного вывод о том, что наше право буржуазное право, ибо они не видят всех тех принципиальных отличий, которые не позволяют наше право приравнять к праву буржуазному.

Маркс подчеркивает, что в первой фазе коммунизма нельзя обойтись без всяких норм права, а иных, кроме буржуазных, норм права нет, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу.

Но если «сразу», на другой день после захвата пролетариатом власти, пролетариат вынужден в известной мере пользоваться старыми законами и старыми нормами права, ибо других нет, то значит ли это, что так будет и через год и через 5, 10 и 20 лет? Нет, не значит.

Наше общество развивается. Развивается вместе с развитием общественных отношений и само право, ибо если на первом этапе существования нового права есть элементы, облигающие его с капиталистическим правом, то каждый последующий день развития нового права все больше и больше отделяет его от этих старых буржуазно-правовых норм, все больше стирает сходство этих элементов. Создаются новые экономические предпосылки — создается новое право. Декрет «О суде» № 1 вовсе не является проявлением какого-либо непонятого «либерализма», как пытались это дело представить Пашуканис, Крыленко, Берман и пр. Нет, в этом декрете нашла свое выражение последовательная политика пролетариата, который понимает свое историческое положение, понимает свою историческую ответственность, понимает свое великое, всемирно-историческое значение в достижения поставленных перед ним задач. Пролетариат должен пользоваться той материальной средой, теми материальными средствами, теми реальными материальными ценностями, из которых он может построить свое новое общество. Он должен для этой цели использовать все рычаги, все кирпичи, весь материал, созданный всей предшествующей историей развития человеческого общества. Но там, где создается новая экономика, новые экономические отношения, там неизбежно создаются и новые правовые нормы. Новые правовые нормы, как и все право в целом, приобретает новое содержание. Это содержание принципиально отлично от содержания старых буржуазных правовых норм. Право социалистического государства

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XV, с. 274—275.

³⁴ Ленин, т. XXI, с. 435.

проходит процесс своего глубокого развития. Вредители это-то и замалчивали, доказывая, что советское право ничего не может дать нового, кроме того, что дало буржуазное право, что новое право не развивается, а отмирает, исчезает, «выветривается».

Марксизм-ленинизм учит, что право социалистического государства, как и само социалистическое государство, проходит процесс своего развития и укрепления, что к своему отмиранию на высших ступенях коммунизма они придут через максимальное свое укрепление на предыдущих этапах своего исторического развития. «Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»³⁵.

За последние годы сделано немало для очищения нашей науки от всевозможных антимарксистских, антиленинских извращений. Эту очистительную работу надо продолжать и дальше, так как кое-где замечаются еще следы этих извращений, кое-где замечаются еще рецидивы в этой области.

Мы должны добиться того, чтобы наука советского права и государства направила свое основное внимание в настоящее время на разработку вопроса о содержании советского социалистического права, как выражения воли победившего рабочего класса и всего советского народа.

Нашей задачей сейчас является дать положительное определение нашего советского социалистического права. Первая попытка дать такое определение права сделана Институтом права Академии наук, обсудившим и утвердившим представленные мною тезисы. Эта попытка сделана (я подчеркиваю, что это только первое приближение к определению) в тезисе 24, где сказано:

«Право совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общезнания, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»³⁶.

Право не есть система общественных отношений, право не есть форма производственных отношений, право есть совокупность правил поведения, или норм, но не только норм, но и обычаев и правил общезнания, санкционированных государственной властью и защищаемых ею в принудительном порядке.

Наше определение ничего общего не имеет с нормативистскими определениями. Нормативизм исходит из абсолютно неправильного представления о праве, как о «социальной солидарности» (Дюги), как о норме (Кельзен), исчерпывающей содержание права, независимо от тех общественных отношений, которые определяют в действительности содержание права.

Ошибка нормативистов заключается в том, что

они, определяя право как совокупность норм, ограничиваются этим моментом, понимая самые нормы права как нечто замкнутое в себе, объясняемые/из самих себя. Дюги определяет право как социальную солидарность. Это противоречит действительности, истории, фактам. Право никогда не было выражением социальной солидарности, право было всегда выражением господства, выражением не солидарности, а борьбы и противоречий. Кельзен исходит из объективного права, стоящего над всеми явлениями и определяющего все явления общественной жизни. По Кельзену, само государство есть не что иное, как «единство внутреннего смысла правовых положений», государство есть лишь олицетворение объективного правового порядка, не что иное, как норма или порядок. Порочность определения Дюги, Кельзена и других нормативистов заключается в том, что они самое определение нормы давали идеалистическое, догматико-юридическое, абстрактное. Они не видят в праве выражения воли господствующих в обществе классов; они не видят в праве выражения господствующих в данном обществе классовых интересов, не видят того, что закон и право черпают свое содержание в определенных экономических или производственных условиях, господствующих в обществе. В конечном итоге производство и обмен определяют весь характер общественных отношений. Право есть регулятор этих общественных отношений. Наше определение исходит из отношений господства и подчинения, выражающихся в праве. Наше определение, как мы считаем, полностью отвечает марксистско-ленинской методологии. Разумеется, в нашем определении возможна неполнота, неточность. Поэтому нужно это определение всесторонне и самым внимательным, критическим образом обсудить и проверить.

Такой вопрос, разумеется, не решается простым голосованием, принятием резолюции. Но общее мнение специалистов-юристов нужно сформулировать. Нужно иметь то, что называется *communis opinio doctorum* — общее мнение ученых. Это мнение должно сформироваться по этому основному вопросу, и если не сегодня, не на этой конференции, то во всяком случае на основе того толчка, который должна дать эта конференция в результате той творческой научно-исследовательской работы, которую наши институты и весь коллектив наших советских юристов должны провести на местах, чтобы решить эту задачу в полном соответствии с марксистско-ленинской методологией. Анализ советского права с точки зрения этого определения дает возможность раскрыть полностью социалистическое содержание нашего права, его активно-творческую роль в борьбе за новый, социалистический строй общественных отношений, за переход к коммунизму. В связи с этим, с точки зрения этого определения, можно понять и осмыслить целый ряд теоретических проблем, связанных с любой отраслью нашего государственного правового строительства.

Важнейшим вопросом нашей теории советского права является, помимо определения самого понятия права, разработка таких проблем, как диктатура пролетариата, социалистическая демократия и право, как метод, как орудие закрепления и развития социалистического строя.

Иногда делаются вредительские попытки противопоставить диктатуру пролетариата социали-

³⁵ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, с. 509.

³⁶ Тезис дается в окончательной редакции в соответствии с решением совещания.

стической демократии, право — диктатуре пролетариата. Напомним хотя бы рейснеровскую трактовку этого вопроса, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеющую.

Далее следует остановиться на таком вопросе, как вопрос о соотношении формы и содержания в социалистическом праве, вопрос, который в общеметодологической постановке исчерпывающе решен нашими учителями Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, давшими блестящие, классические образцы научного исследования и решения этих вопросов.

Вопрос о форме и содержании в праве чрезвычайно интересный и важный вопрос. У нас имеется масса материалов, имеются замечательные высказывания на этот счет у Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

В своей речи на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. товарищ Сталин указал на соотношение формы и содержания на примере колхозного и советского строительства.

«Колхоз есть социалистическая форма хозяйства и основной организации так же, как советы являются социалистической формой политической организации. Как колхозы, так и советы являются величайшим завоеванием нашей революции, величайшим завоеванием рабочего класса. Но колхозы и советы представляют лишь форму организации, правды, социалистическую, но все же форму организации. Все зависит от того, какое содержание будет влиито в эту форму»³⁷.

Товарищ Сталин на этом примере показал, что означает проблема формы и содержания, какое значение имеет эта проблема для дела нашего социалистического строительства.

Вопрос о форме и содержании социалистического права несомненно имеет громадное значение и в науке права. Указания товарища Сталина позволяют дать правильное и исчерпывающее разрешение этой проблемы в области права в целом и отдельных юридических дисциплин в частности.

В этом вопросе есть еще одна сторона дела, представляющая особый интерес. Это вопрос о самой форме советского права, об особенностях и специфических чертах советской правовой формы как формы социалистической. В этой области необходимо проложить новые пути, нужно разработать новые формы права, новые формы закона, отражающие социалистическое содержание новых, созданных пролетарской революцией и эпохой победившего социализма общественных отношений.

Форма социалистического закона должна быть усовершенствована в такой степени, чтобы в ней, самой по себе, была отчетливо показана ее социалистическая сущность. Это серьезная проблема, стоящая в числе важнейших задач научно-правовой разработки.

Чрезвычайный интерес представляет вопрос о воле советского народа как источнике нашего социалистического права. Наше право — это введенная в закон воля нашего народа. В капиталистическом обществе ссылка на волю народа служила ширмой, которая прикрывала эксплуататорскую природу буржуазного государства. В наших условиях дело обстоит принципиально

иначе: у нас сформировалась единая и нерушимая воля советского народа, проявляющаяся в том исключительном единодушии, с которым народ голосовал на выборах в Верховный Совет Союза ССР и Верховные Советы союзных и автономных республик за блок коммунистов и беспартийных. Наш советский народ состоит из рабочего класса, класса крестьян и трудящейся интеллигенции.

Наши законы — выражение воли нашего народа, правящего и творящего новую историю под руководством рабочего класса.

Воля рабочего класса у нас сливается с волей всего народа, — это и дает основание говорить о нашем советском социалистическом праве, как о выражении воли всего народа. Вопрос об отражении в наших законах воли советского народа, разработка вопроса о законе, как форме выражения этой всепародной воли, является важной проблемой, которая может внести известный вклад в общую науку нашего права, в систему советского социалистического права. Поэтому мы эту тему и выдвигаем как важнейшую тему нашей научной работы.

Наконец вопрос о советских социалистических правоотношениях как выражении общественных отношений в социалистическом обществе на основе социалистического производства и обмена. Здесь перед нами открываются богатейшие возможности очистки нашей науки от всяких айтимарксистских наслоений, от всяких антимарксистских извращений. Надо поставить эту проблему так, чтобы она давала ясное представление о самом содержании и характере наших социалистических правоотношений, т. е. правоотношений социалистического общества, а это значит решить целый ряд таких вопросов, как например вопрос о субъекте права, в частности о юридическом лице, как субъекте права. Это влечет за собой необходимость юридической разработки целого ряда вопросов, тесно связанных с практикой нашего социалистического строительства, как например вопрос о юридической природе трестов, предприятий, колхозов, наркоматов и т. д.

Весьма важна проблема закона и законности в социалистическом обществе. Сталинская Конституция дает четкое разграничение понятий: «закон», «указ», «постановление», «распоряжение», «приказ», «инструкция». Перед нашими юристами стоит задача дальнейшей разработки вопросов, связанных с юридической природой этих понятий.

Вопрос о том, что такое закон с точки зрения нашего понимания, в чем состоит его отличие от указа, в чем отличие указа от решения и постановления, в чем отличие решений, которые выносят местные органы власти, от решений, которые выносят другие органы власти, — ведь это целый круг очень больших и серьезных вопросов, имеющих не только теоретическое, но и практическое значение. Все эти вопросы очень тесно связаны с практикой например обязательных постановлений, связаны с бюджетными правами различных органов власти и т. д. и т. д.

Конституция решила эти вопросы совершенно ясно и отчетливо. Но нам, юристам, нужно на основе Конституции разработать ряд юридических вопросов практического правового строительства.

Важнейшим вопросом является вопрос о построении системы советского социалистического

³⁷ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, с. 519.

права на основе принципов Сталинской Конституции. До сих пор аргументировали против построения системы советского социалистического права тем, что наша жизнь слишком подвижна, что она слишком быстро меняет свои формы, в силу чего якобы невозможно в этих условиях создать устойчивую систему. Это конечно пустая отговорка, потому что, как бы ни была изменчива наша жизнь, тем не менее не только возможно, но и необходимо построить систему советского социалистического права. Для этого имеются все необходимые предпосылки. Для этого имеется твердая основа в виде пролетарской диктатуры и Сталинской Конституции. Построить систему советского социалистического права это значит, во-первых, систематизировать те принципы, на которые опирается советское право, во-вторых, классифицировать советские юридические дисциплины, показав конкретное содержание этих дисциплин, и, в-третьих, дать исчерпывающее описание и определение тех задач, которые стоят перед каждой из этих дисциплин в отдельности и перед всей наукой советского права в целом, и тех методов, при помощи которых эти задачи могут и должны быть решены. Нужно сказать, какие именно у нас существуют юридические науки, определить их содержание и границы, а это можно сделать только тогда, когда мы построим систему нашего советского права. До сих пор идет спор например по вопросу о том, что такое колхозное право — самостоятельная ли это дисциплина или нет. То же самое и земельное право — есть ли это самостоятельная наука или нет, бюджетное право, финансовое право и т. д. Все эти вопросы могут быть разрешены только в результате построения системы нашего права. Нужно выработать принципы построения нашей науки советского права, установить принципы организации отдельных дисциплин, показать наконец значение этих отдельных дисциплин и построить эти дисциплины, как части целого. Нужно дать конкретное и твердое представление о том, что такое советское право не только в социолого-политическом разрезе, но и в разрезе юридического, что представляет собой вся правовая система.

Поэтому задача построения системы советского социалистического права стоит перед нами как самая актуальная задача, над которой должны работать все наши юридические институты и каждый в отдельности.

Перехожу к отдельным дисциплинам. Перед нашим советским социалистическим государственным правом стоит ряд чрезвычайно важных вопросов. Я их просто перечислю: во-первых, определение предмета, содержания и объема советского социалистического государственного права. Эта задача отчасти уже решена нами в том отношении, что наш Институт права Академии наук сейчас подготовил к печати и в ближайшие несколько дней, после окончательной проверки, сверки и согласования отдельных глав, сдает в издательство «Курс советского социалистического государственного права», где в специальной главе дается ответ на вопрос о предмете, содержании, объеме и методе советского социалистического государственного права. Советское социалистическое государственное право изучает социалистический общественный и государственный строй СССР, его возникновение

и развитие, систему советских государственных учреждений и органов, их полномочия, обязанности, задачи, методы решения этих задач; оно изучает права граждан СССР, охраняемые советским законом, и возложенные на граждан советским государством обязанности перед страной, обществом, государством. Советское социалистическое государственное право изучает советское государство и общество, государство и общественные институты в их динамике, начиная от их зарождения, прослеживая весь путь их развития.

Буржуазное государственное право определяет государство как совокупность территории, власти, населения.

Советское социалистическое государственное право, изучая государство, также имеет дело с территорией, властью и населением. Но оно рассматривает эти так называемые элементы государства не в отрыве от их собственного развития, но на основе этого развития. С этой точки зрения государственная территория в советском государственном праве выступает не как «субъект» государства, а как реальность, как исторический, экономический и политический факт.

Государственная территория не только «пространственное основание для осуществления власти государства»³⁸. Государственная территория — это материальное выражение верховенства, независимости и неприкосновенности населения ее народа. Территориальное верховенство — это организационная часть государственного верховенства, защищаемого всей мощью государственных и общественных сил и средств, всей мощью морально-политического и государственного единства народа.

Неделимость и единство государства находят свое выражение и в известном смысле историческое обоснование в неделимости государственной территории.

Идею неделимости и неприкосновенности советской государственной территории, как основы верховенства советского государства, прекрасно выразил товарищ Сталин словами: «Из одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»³⁹.

Советское государственное право имеет дело и с понятием власти, рассматривая власть в государстве как организацию господства, руководства населением при помощи свойственных государству методов подавления и воспитания подчиненных классов общества, в духе защиты интересов господствующего класса.

Советское государственное право отвергает разделение властей, как и деление властей на господствующие и не господствующие⁴⁰. Рассматривая такие свойства государственной власти, как суверенитет, или такие формы государственного властвования, как федерация и автономия, советское государственное право имеет перед собой раньше всего отношения классового господства, познаваемые из анализа всей совокупности общественных отношений, именно как отношений господства.

³⁸ Еллинек, Право современного государства, с. 259.

³⁹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, с. 361.

⁴⁰ См. Еллинек, Право современного государства, с. 279 и сл.

Оперируя попятием населения, советское государственное право исходит из деления населения на классы, из различного общественно-политического положения каждого класса, из различия их правового положения, определяемого их отношением к орудиям и средствам производства, к земле, фабрикам и заводам, железным дорогам, банкам и т. д. и т. п.

Место формально-юридического анализа таких категорий, как территория, власть, население, в советском государственном праве занимает диалектико-материалистическое их объяснение, раскрывающее все содержание предмета в целом, показывающее динамику его развития, его особенности, специфические качества, объясняющие действительное содержание его внешних форм, наполняющее эти формы материальным содержанием.

Вопреки методологии буржуазной науки, разрывающей предмет на две не связанные одна с другой части — форму и содержание, диалектический материализм утверждает единство формы и содержания, рассматривая явления с точки зрения этого единства.

Маркс дал образец анализа явлений, с точки зрения единства, формы и содержания, в блестящей статье, посвященной вопросу о материальном и процессуальном праве.

«Если процесс не представляет ничего, кроме бессодержательной формы, то такой формальный пустяк не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материяльное право, однако, имеет свои необходимые присущие ему процессуальные формы, и как для китайского права необходима палка, как необходима для содержания драконовского средневекового уголовного права, в качестве процессуальной формы, пытка, так же необходимо связано с гласным свободным процессом гласное по своей природе, продиктованное свободой, а не частным интересом — содержание. Процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, напр., формы растений и животных связаны с мясом и кровью животных. Оди и дух должен одушевлять процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно проявление его внутренней жизни.

Морские разбойники Тидонга ломают пойманным ноги и руки, чтобы не дать им бежать. Чтобы обезопасить себя от порубщиков, ландтаг не только переломал праву руки и ноги, но еще пронзил ему сердце. В деле применения ландтагом нашего процесса к некоторым категориям преступлений мы решительно не видим никакой заслуги. Мы, наоборот должны воздать должное той откровенности и последовательности, с которыми несвободному содержанию придана несвободная форма. Если в наше право фактически вносится частный интерес, который не переносит света гласности, то следует придать ему также соответствующую тайную процедуру, чтобы не возбуждать и не питать, по крайней мере никаких опасных и самоуслаждающих иллюзий. Мы считаем обязанностью всех рейнских граждан и преимущественно рейнских юристов посвятить в настоящий момент свое главное внимание содержанию права, чтобы у нас в конце концов не осталась пустая маска. Форма не имеет ни

какой цены, если она не есть форма содержания»⁴¹.

Советское государственное право не может поэтому ограничить свое изучение лишь формальной стороной изучаемого предмета. Оно стремится к познанию явлений со стороны не только их внешней формы, но и внутреннего содержания.

Не только юридическая форма, но и материальный субстрат государственных отношений, не только юридическая природа государства, но и его социально-экономическая природа, как основа и определитель юридических свойств и особенностей государственно-правовых институтов, составляют предмет науки советского социалистического государственного права.

Государственное право можно понимать в широком и узком смысле. В широком смысле государственное право охватывает уголовное право, административное право, гражданское право, судебное право (процессуальное право), трудовое право.

Уголовное право составляет часть государственного права в широком смысле, так как оно (уголовное право) определяет условия ответственности граждан перед уголовным судом и порядок применения наказания; административное право — часть государственного права, так как оно (административное право) нормирует отношения управления, определяет организацию управления, систему административных органов, их полномочия и ответственность, формы их деятельности; судебное право нельзя отделить от государственного права: оно изучает организацию юстиции, формы организации судебных органов и органов прокуратуры, процессуальный порядок деятельности государственных органов, условия и порядок привлечения к ответственности или освобождения от ответственности⁴².

Более спорна связь государственного права с гражданским; в части семейного, брачного, наследственного права эта связь и родство бесспорны. Но и в других частях — в области вещного права и обязательственного права — нельзя отрицать этой связи. Право личной собственности в СССР не может быть ни выведено, ни понято, ни объяснено вне связи с Конституцией, с социальной собственностью.

Ленин противопоставлял буржуазному праву с его *Corpus juris Romani* советское право с его социалистическим правосознанием, не признающим ничего «частного», т. е. частного-правового.

Право на труд — основа советского трудового права — есть предмет государственного права в собственном смысле этого слова. То же надлежит сказать и о международном праве, затрагивающем существовавшим образом правовую жизнь государства.

Таким образом по существу все отрасли права могут быть включены в круг государственного права, если под этим последним понимать учение о всех сторонах развития и деятельности государства, как они проявляются в тех или иных правовых формах.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. I, с. 257—258.

⁴² Связь процессуального права с государственным ярко видна из такого факта, что *Nabeas Corpus Act* — основной акт английской конституции — есть не что иное, как простой процессуальный закон, определяющий условия ареста граждан в случае привлечения их к уголовной ответственности.

Государственное право в узком смысле ограничивает однако круг своего изучения лишь теми вопросами, о которых мы говорили выше, опуская предмет государственно-правовой науки.

С точки зрения данного выше определения нашей науки советского социалистического государственного права и определяется предмет этой науки.

В основу науки советского социалистического государственного права положены незыблемые принципы величайшего акта победившего социализма — великой Сталинской Конституции.

Далее идут такие вопросы, как вопрос о советском социалистическом федерализме в условиях победившего социализма; о суверенитете социалистического государства рабочих и крестьян; проблема государства и общества, государства и личности; вопрос о принципах организации и методах советского социалистического государственного управления, — подчеркиваю — о принципах, потому что вопросы организации управления, как такового, относятся к области административного права; далее идет такая тема, как советское социалистическое государство рабочих и крестьян, как форма господства трудящихся в условиях окончательного торжества пролетарской диктатуры и социалистической демократии; такой вопрос, как например бюджетные права Союза ССР, союзных и автономных республик. Это — чрезвычайно важный вопрос. Вероятно на одной из ближайших сессий Верховного Совета СССР будет рассмотрен вопрос о бюджетных правах Союза, союзных и автономных республик. Мы, как научные работники, не можем остаться в стороне от этого дела, мы должны включиться в подготовку материалов для этого законопроекта.

Важнейшие задачи стоят перед правовой наукой в области земельного права. Разработка таких вопросов, как вопрос об основных началах землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами, представляет громадный интерес, как с точки зрения теоретической, так и с точки зрения задач практического государственного социалистического строительства.

В области административного права перед нами стоят также очень серьезные задачи, осложненные несколько тем, что, как и уже сказал, науки административного права у нас сейчас нет, ибо она была в свое время ликвидирована, о чем не без похвалы на страницах печати высказывались кое-кто из орудовавших на этом участке вредителей. Например вредитель Челябинов доказывал, что административное право вообще не может существовать отдельно от учения о советском государстве, что предмет административного права «растворяется» в предмете учения о советском государстве. Он хвалился «реформой», которую провели вредители, упразднив особый курс административного права СССР. Эти взгляды питались большой поддержкой различных административистов вроде Евтихьева, Кобалевского, Архипова и целого ряда других подвизавшихся на этом участке нашей правовой науки людей, которые вообще старались свести наше административное право к обыкновенному старому полицейскому праву. Все эти «ученые» усиленно ликвидировали советское административное право. Разоблаченный ныне вредитель Пашуканис «доказывал», что «законодательные и административные ак-

ты, превращаясь в оперативные задания, сохраняют лишь очень слабую примесь элементов юридических, т. е. формальных».

Другой вредитель, Челябинов, писал, что в законодательстве пролетарского государства стирается всякая принципиальная грань между законом, с одной стороны, и прочими актами государственного управления — с другой.

Архипов пробовал вредительски утверждать, что «в законе тов. Ленин прежде всего отмечает не его нормативную деонтологическую, а его техническую сторону». «...Закон должен быть, — продолжает Архипов, — прежде всего хорошей технической и экономической инструкцией».

Г. С. Гурвич отрицал значение советского законодательства, доказывая, что «...не в нем сейчас главное дело, что нам нужно не законодательство, а другое: «хорошее и дешевое управление, умный и честный чиновник, толковый администратор, орудуемый хорошо пригнанной, уместной, твердой и точной административной нормой — вот это нужно стране»⁴³.

Грубейшие извращения в понимании существа советского закона нашли свое отражение и в таких рассуждениях «юристов», которыми отрицалась важнейшая задача советского закона — охрана интересов личности, интересов граждан.

Кобалевский писал, что «интересы отдельных граждан в советском государстве отходят на второй план, а на первый выступает переустройство общества на новых социально-экономических основах...»⁴⁴.

«...Деятельность администрации по охране общественного порядка и спокойствия характеризуется тем, что она не преследует цели оказания положительной услуги конкретным лицам, а сводится в основном к ограничению естественной свободы индивида в интересах ограждения существующего в стране порядка мерами административного принуждения»⁴⁵.

Ему вторил «административист» Евтихьев, договорившийся до прямых антисоветских поклопов и контрреволюционной клеветы на советский строй. Этот «профессор» осмелился утверждать, что «права личности в советских республиках занимают сугубо подчиненное положение к правам коллектива»⁴⁶.

«Что касается охраны свободы личности граждан, то таковая не в меньшей мере, чем в буржуазных странах, охраняется законом...»⁴⁷.

«Область усмотрения в советском праве действительно очень велика»⁴⁸.

Так целый ряд людей, осмеливавшихся называть себя советскими юристами, наперебой друг перед другом извращали и глумились над научкой советского права, пытались дискредитировать и нашу науку и наше право.

Советское административное право должно занять в системе советского права одно из важ-

⁴³ Г. С. Гурвич, К составлению административного кодекса, «Власть советов», 1923, № 3, с. 27.

⁴⁴ Проф. В. Кобалевский, Советское административное право, Харьков, 1929, с. 34.

⁴⁵ Там же, с. 187.

⁴⁶ Проф. А. Ф. Евтихьев, Основы советского административного права, Харьков, 1925, с. 195.

⁴⁷ Там же, с. 197.

⁴⁸ Там же, с. 198.

нейших мест, в силу того исключительного значения, которое принадлежит вопросам администрации (управлений) в деле социалистического строительства.

Новая, невиданная до сих пор в истории, система государственного управления создавалась пролетариатом в условиях величайших трудностей. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал исключительное значение организации государственного управления. Советское государственное управление — это осуществление задач диктатуры пролетариата, это реализация воли советского народа.

В ряде статей В. И. Ленин указывал: «Наша главная насущная задача — управление, организация и контроль»⁴⁹.

«... Мы должны научиться Россией управлять»⁵⁰.

«Господство рабочего класса в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление это другое дело, это — дело умения, дело споровки». «... Нам нужно еще много и много учиться делу управления»⁵¹.

«Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить в главных чертах дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела подойти вплотную к задаче управления. Надо, чтобы мы оказались достойными исполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо продумать, что для успешного управления необходимо, кроме умения убедить, кроме умения победить в гражданской войне, умение практически организовать. Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей»⁵².

Сталинская Конституция с еще большей силой подчеркивает значение правильно построенной системы управления, точного, в соответствии с требованиями Конституции, определения пределов и объема полномочий административных органов, подзаконности их деятельности.

Перед наукой советского социалистического административного права стоят следующие задачи:

а) определение предмета и содержания науки советского социалистического административного права;

б) определение объема полномочий (прав и обязанностей) органов государственного управления Союза, союзных и автономных республик.

Важное значение имеет разработка вопроса о полномочиях местных органов власти. В практике мы сталкиваемся с таким вопросом: имеют ли райисполкомы право накладывать дисциплинарные взыскания на председателей колхозов или не имеют права. Вопрос этот в законодательном порядке еще не решен. Наука может помочь его решению. Прямая задача наших административистов — подготовить решение этого вопроса с точки зрения принципов социалистического строительства, с точки зрения принципов социалистической демократии, с точки зрения принципов пролетарской диктатуры, являющейся формой руководства со стороны государ-

ства всей государственной и общественной деятельностью страны.

Если наука не придет на помощь законодательной практике, то несомненно от этого проиграет прежде всего сама наука, ибо она обнаружит полную свою никчемность, — не нужна нам такая наука, которая не помогает успехам нашего социалистического строительства, — это во-первых, а во-вторых, это не будет полезно и делу нашего законодательства, потому что для того, чтобы законы наши были хороши, они конечно должны стоять на высоте требований науки.

До последнего времени наши юридические институты вообще не уделяли внимания такого рода задачам; они жили своей собственной замкнутой институтской жизнью, не принимая участия в решении практических задач государственного строительства. С таким положением надо покончить. Задача наших научно-исследовательских институтов заключается в том, чтобы, разрабатывая научно те или другие теоретические вопросы или проблемы, они могли бы эти научные материалы сделать известного рода пособием для практической деятельности нашего государственного строительства.

Таких вопросов очень много. Я из них отмечаю только наиболее важные и существенные: вопрос о методах руководства местных органов государственной власти деятельностью подчиненных им органов управления; вопрос о методах и формах руководства местным хозяйством и культурным строительством, что возлагается на местные органы власти; наконец вопрос о юридической природе решений и распоряжений местных органов государственной власти и т. д.

Все это важнейшие вопросы, к сожалению до последнего времени мало привлекавшие к себе внимание наших юристов. Сейчас на этих вопросах необходимо сосредоточить самое серьезное внимание, потому что на этой основе будет организационно закрепляться связь науки и практики. А вам конечно хорошо известны указания нашей партии, указания Ленина и указания товарища Сталина о роли научной теории в деле государственного строительства, в деле правильного построения всей практики государственного строительства.

В области советской науки международного права у нас стоит очень много серьезных задач, в особенности благодаря тому, что эта наука немало также пострадала от всяких вредителей. Я в тезисах достаточно подробно развернул изложение вопроса о том, что сейчас мы предъявляем к советской науке международного права.

В литературе по международному праву до последнего времени имели место открыто буржуазно-догматические построения, игнорировавшие по существу основные начала ленинско-сталинской международной политики. Здесь можно было встретить ультра-«левую» фразеологию, выстулавшую под видом марксизма. Здесь протаскивались и явно троцкистские концепции, пытавшиеся «теоретически» обосновать троцкистско-бухаринскую линию на «выравнивание» нашей системы с системой капиталистической.

Задачей советской науки в этой области после окончательного разгрома и выкорчевывания остатков враждебных концепций, после решительной критики всех неправомерных взглядов,

⁴⁹ Ленин, т. XXIII, с. 166.

⁵⁰ Ленин, т. XXVI, с. 174.

⁵¹ Ленин, т. XXV, с. 85.

⁵² Ленин, т. XXV, с. 442.

извращающих в корне марксизм-ленинизм, является разработка вопросов международного права в соответствии с ленинско-сталинской теорией внешней политики.

При разработке советской науки международного права надо исходить из совершенно исключительной, ведущей роли ленинско-сталинской внешней политики в деле борьбы за мир, за коллективную безопасность, за организацию и сплочение всех сил прогрессивного человечества против сил реакции, фашизма и войны.

Необходимо уделить особое внимание разработке таких вопросов, как вопрос об агрессии, определение которой впервые было дано советской дипломатией, вопрос о государственной монополии внешней торговли, как важнейшем принципе советской хозяйственной и общей политики.

Исходя из этих принципиальных положений, советская наука международного права должна уделить особое внимание разработке институтов международного правового общения, направленных на осуществление указанных выше задач. Таковы институты международной борьбы против терроризма, против международных провокаций, против попыток приспособления международного права к потребностям и интересам империалистических хищников, против попыток истолкования и приспособления различных институтов международного права к задачам грабительской интервенционистской политики.

Советская наука международного права должна взять на себя почетную задачу научной разработки, научного обоснования и пропаганды институтов международного права, служащих делу мира, демократии и прогресса.

Нам не нужны выдумывания таких подозрительных формулировок или определений, как определение «советское социалистическое международное право» (проф. Коровин). Нам нужна разработка тех конкретных задач, которые стоят перед нашей наукой в области международного права, как например вопрос об агрессии.

К сожалению в нашей юридической литературе по международному праву имеется немало всякого подозрительного хлама.

О том, насколько ошибочными и путанными нередко оказываются концепции наших юристов, можно судить хотя бы по работе проф. Коровина «Международное право переходного времени» (1924 г.). Поставив перед собой задачу рассмотреть в связи с учением о государственном суверенитете проблему интервенции или международного вмешательства, проф. Коровин запутался в рассуждениях чрезвычайно подозрительного характера. Вместо рассмотрения «проблемы интервенции», как выражается проф. Коровин, с точки зрения священной обязанности граждан страны, подвергшейся нападению, дать интервентам решительный отпор, ударить их по рукам и научить уважению к своему государственному суверенитету, этот профессор пускается в пространные рассуждения о юридической природе интервенции. Вот что можно прочесть в его книжке «Международное право переходного времени»: «Существование интервенции (*intus venire*) состоит в том, что при ней одно государство стремится поставить свою государственную власть на место другой для достижения того правового эффекта, которого

эта последняя государственная власть не может или не хочет осуществить»⁵³.

Оказывается, интервенция означает стремление одного государства поставить свою государственную власть на место другой не в каких-нибудь, грабительских целях, преследуемых агрессором, а, как это вежливо квалифицирует наш ученый, для достижения какого-то «правового эффекта». Оказывается, что сущность интервенции заключается именно в этом «правовом эффекте», с одной стороны, и, с другой стороны, в нежелании государственной власти, подвергшейся нападению, осуществить «правовой эффект», навязываемый этой властью интервентами или агрессорами.

Правда наш ученый считает «все размышления классиков международного права о дозволенных и недозволенных видах интервенции...»⁵⁴ не имеющими никакого юридического и реального значения. Он с удовлетворением констатирует, что «как бы то ни было, новейшая правовая теория (за единичными исключениями) относится к интервенции с единодушным осуждением, усматривая в ней недопустимое посягательство на суверенитет государства...»⁵⁵. Однако в этом осуждении наш автор видит отголосок доктрин экономического и политического либерализма (манчестерства), с его лозунгом воздержания и невмешательства (*laissez faire, laissez passer*). Чтобы не оставалось никакого сомнения насчет собственной точки зрения автора на интервенцию, он заявляет, что, «не впадая в юридический фетишизм и не делая себе из понятия суверенитета незыблемой догмы, мы должны подойти к интервенции чисто исторически и оценить на основании международного опыта советской республики ее правовую роль и международное значение»⁵⁶.

Это чудовищно, но к сожалению это факт. Если послушать нашего автора, то оказывается, что из понятия суверенитета не следует делать «незыблемой догмы», что рассматривать суверенитет во всей его неприкосновенности — значит не больше, не меньше, как впасть в юридический фетишизм, что отношение к интервенции, при помощи которой международные разбойники капитала пытались свергнуть советскую власть и реставрировать в СССР капиталистические отношения, нужно рассматривать «чисто исторически», что наконец интервенция играет какую-то «правовую роль» и т. д. и т. п.

Повторяю, это чудовищно, но это факт. Факт, что в советской литературе в качестве учебного пособия для советских вузов, хотя и десяток лет тому назад,— это обстоятельство положения дела по существу не меняет,— рекомендовалась книжонка, в которой протаскивались совершенно недопустимые для советского международника и советского ученого вообще попытки дать правовое обоснование или даже правовое оправдание разбойничьей политике интервентов. В этой книжке проф. Коровина имеется целая куча рассуждений по поводу того, как интервенция превращается в войну и наоборот, причем в рассуждениях этих, в частности по поводу боксерского движения в Китае (1900 г.), содержится также

⁵³ Е. Коровин, Международное право переходного времени, Госиздат, 1924, с. 59.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, с. 59—60.

⁵⁶ Там же, с. 60.

нерлы, как например следующее: «Например антиевропейское боксерское движение в Китае, повлекшее (1900 г.) вступление в Китай европейских вооруженных сил, под командой Вальдерзее, некоторыми исследователями трактуется как пример интервенции, поскольку правительство богдыхана оставалось бессильным наблюдателем развертывающихся на его глазах событий, другими же определяется как война, так как, с другой стороны, несомненно, что операции боксеров проводились при явном его попустительстве и скрытой поддержке»⁵⁷.

Выходит, что превращение интервенции в войну стоит в прямой зависимости от того, способен ли народ и страна, подвергшиеся нападению, оказать агрессору сопротивление или нет.

Едва ли может быть два мнения по поводу этих позорных рассуждений, претендовавших в свое время на какую-то ученость и оригинальность. Такие рассуждения, даже при самых благих намерениях их авторов, льют воду на мельницу наших врагов, готовят всякие «правовые» оправдания для их грабительской политики, дают повод для всякого рода провокационных рассуждений об отсутствии с нашей стороны уважения к суверенитету других государств.

Проф. Коровин носился несколько лет тому назад со своей пресловутой концепцией «международного права переходного времени», в которой он по сути дела игнорировал основные принципы ленинско-сталинской внешней политики в деле борьбы за мир, за коллективную безопасность, за организацию и сплочение всех сил прогрессивного человечества против сил реакции, фашизма и войны.

При разработке советской науки международного права необходимо исходить из факта капиталистического окружения, в котором находится СССР и которое определяет международное положение Советского Союза; надо исходить из борьбы или соревнования между двумя системами — социалистической и капиталистической, как из факта все большего и большего разворота сотрудничества СССР с теми или иными капиталистическими странами, как в области экономических отношений, так и в деле сохранения мира⁵⁸.

«Международное право переходного времени», как это можно заключить из сказанного выше, исходило из других принципов, а именно из принципов игнорирования реальной исторически сложившейся международной обстановки. Нынешняя позиция проф. Коровина в этом вопросе по существу мало чем отличается от прежней, охарактеризованной выше, позиции. Сейчас проф. Коровин выдвигает концепцию международного социалистического права, которое, как это само собою понятно, должно исходить не из разворота сотрудничества СССР с теми или иными капиталистическими странами, а из полного игнорирования этого сотрудничества, из противопоставления себя остальному миру, из противопоставления своего международного права, как права социалистического, международному праву буржуазных стран, как праву буржуазному. Это рецидив «левацких заскоков авто-

ра, довольно невинного по части основных принципов ленинско-сталинской международной политики.

Необходимо дать решительный отпор подобного рода «теориям», хотя и претендующим на научность, но в действительности ничего общего с нашей наукой, марксистско-ленинской наукой не имеющим.

Перед нашей советской наукой международного права стоит очень много серьезнейших вопросов. Я назвал уже вопрос об агрессии. Я бы назвал такой очень серьезный вопрос, к которому, к сожалению мы, как коллектив ученых, в свое время не примкнули в полной мере, — вопрос о борьбе в международной масштабе с терроризмом, с фашистскими организациями террора в разных странах, вопрос о юридической природе закона или международных соглашений, направленных против международных разбойников, против международного терроризма.

Исходя из принципиальных положений нашей международной внешней политики, мы должны организовать, стоя на высоте новейших, последних достижений науки и нашей советской, марксистско-ленинской методологии, серьезнейшую разработку ряда вопросов, которые служили бы материалом для пропаганды борьбы против поджигателей войны, которые служили бы материалом для укрепления международного правового общения, которые служили бы делу укрепления института международной солидарности.

Мы, советские юристы-международники, должны взять на себя в высокой степени ответственную и почетную роль пропагандистов международного права, настоящего международного права, которое обеспечивает мир между народами, которое обеспечивает единство всех, кто стоит за демократию, за прогресс, за подлинно человеческую культуру, против фашистов, против разбойников, против поджигателей войны. (Продолжительные аплодисменты).

Разбойничьей политике международного фашизма советское социалистическое государство противопоставляет могучую и непобедимую силу социалистического права и справедливости, уважения к нациям, к их национальной свободе и независимости, уважения к международным договорам, к международному праву и закону. (Аплодисменты).

Пропаганда именно этого уважения к закону, к международным договорам, разоблачение разбойничьей политики фашистов должны составить одну из основных задач работы наших юристов в области международного права. И только тогда, когда они развернут свою работу в полном объеме, мы сможем сказать, что против разбойничьей пропаганды войны у нас стоит крейда, настоящая, подлинно большевистская правовая пропаганда, советская пропаганда международного права, в защиту мира и демократии, культуры, человеческого прогресса. (Продолжительные аплодисменты).

Перехожу к следующему разделу советского права — к гражданскому праву.

Наука советского гражданского права в высокой степени у нас залущена. Конечно вредители приложили и тут свою руку. Здесь еще имеется ряд недостатков и независимо от происков, попользований и вредительского творчества наших

⁵⁷ Там же, с. 59.

⁵⁸ См. В. М. Молотов, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, с. 15—16.

врагов. Дело в том, что это та отрасль, где до сих пор наиболее часто встречаются всевозможные абстрактные схоластические представления. Возьмите вопрос о праве застройки. В этом вопросе все еще сильны формалистические взгляды, здесь открыт еще широкий простор для самого грубого юридического формализма, опирающегося не только на старые, изжившие себя нормы, но и — что еще хуже — на формально-догматические пережитки в сознании наших цивилистов. Советское социалистическое гражданское право принципиально отлично от буржуазного гражданского права. Ленинизм учит нас новому подходу к вопросам гражданского права. Еще в 1922 г. в записке на имя т. Курского Ленин писал: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства... Отсюда расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные» договоры, применять не *Coprus Juris Romani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией»⁵⁹.

Не римское право, опирающееся на частную собственность на орудия и средства производства, являющееся основой права и правовых систем эксплуататорского общества, возводящее частно-правовое начало в господствующий правовой принцип, а публично-правовое начало лежит в основе советского права и в частности в основе советского социалистического гражданского права. Этот принцип нашел свое выражение в нашем Гражданском процессуальном кодексе (ГПК РСФСР 1923 г. и ГПК других союзных республик), где в статье 2 прямо указывается право прокурора как начать дело, так и вступить в дело, независимо от заявлений и желания заинтересованных сторон, в любой стадии процесса, если по мнению прокурора этого требуют интересы государства или трудящихся масс. Принцип диспозитивности, столь характерный для буржуазного гражданского права, в советском гражданском праве терпит, как это видно из вышеизложенного, существенные ограничения. Это публично-правовое начало находит свое выражение и в праве, изложенном в той же статье, в силу которого отказ стороны от принадлежащих ей прав и судебной защиты этих прав еще не решает вопроса по существу, так как принятие этого отказа зависит от суда.

Гражданские правовые отношения в Стране советов должны расцениваться не с точки зрения формально-догматических требований, а с точки зрения революционного правосознания, о котором говорил Ленин в цитированной выше записке на имя Курского, с точки зрения социалистического правосознания нового, социалистического общества.

Именно против формально-догматической, формально-юридической трактовки вопросов гражданских правовых отношений направлена и статья 5 ГПК РСФСР и соответствующие ей статьи ГПК других союзных республик, обязывающие суд не ограничиваться представленными

сторонами объяснениями и материалами, но «...всемерно стремиться к выяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся...». Суд в этих целях обязан, не ограничиваясь инициативой стороны, проявлять собственную инициативу в деле выяснения существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждения их соответствующими доказательствами; суд сам должен истребовать эти доказательства, оказать активное содействие к ограждению прав и законных интересов граждан, словом принять все меры к тому, чтобы за внешними юридическими формами не были скрыты и не остались невыясненными подлинные отношения, подлинное содержание этих правовых отношений.

Сказанное в достаточной мере объясняет особенность советских принципов, с точки зрения которых надлежит рассматривать гражданские правовые отношения, изучение которых составляет содержание нашего гражданского права. Основной порою наших советских цивилистов заключается в том, что не все они и даже к сожалению очень многие из них все еще не усвоили этого основного советского принципа. Основной недостаток заключается в том, что они все еще не научились рассматривать вопросы гражданских правовых отношений и гражданского права в целом, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, не признающую в области хозяйства ничего «частного»⁶⁰.

Вот почему надо считать, что первой и основной задачей наших цивилистов является задача очищения цивилистических голов от старого, формально-догматического, буржуазно-цивилистического хлама. В области науки советского гражданского права, больше чем где бы то ни было, стоит задача преодоления остатков буржуазно-юридического мышления, того «юридического социализма», о котором Энгельс писал как о классическом буржуазно-юридическом мировоззрении. Напомним относящиеся к этому вопросу слова Энгельса: «...Меньше чем через пятьдесят лет (после английской революции XVII в.— А. В.) во Франции появилось в своем настоящем виде новое мировоззрение, которое должно было стать классическим мировоззрением буржуазии, — юридическое мировоззрение».

Юридическое мировоззрение было обмирщением (*Verweltlichung*) теологического. Место догмы, божественного права заняло человеческое право, место церкви — государство»⁶¹.

Перед нашими цивилистами стоит задача окончательного преодоления абстрактной, юридически-цивилистической схоластики и всех тех извращений, которые питались этой схоластикой. Перед нашими цивилистами стоит серьезнейшая задача разработки основных и важнейших проблем нашего гражданского советского социалистического права. До последнего времени советское гражданское право, как особая юридическая дисциплина, у нас не существовало, вследствие вредительской работы разных Гинцбурггов, Амфиатовых и К^о, ликвидировавших гражданское право и на его место поставивших так называемое «хозяйственное право», представляющее собою смесь троцкистско-бухаринских измышлений в области права, соединенных с приемами,

⁶⁰ См. Ленин, т. XXIX, с. 419.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XVI, ч. I, с. 296.

прямо заимствованными у наиболее реакционных буржуазных юристов.

Так называемое «хозяйственное право» извращенно трактовало все важнейшие проблемы гражданско-правового строительства, рассматривал гражданские правоотношения в советском обществе не с точки зрения защиты прав советских граждан, советских государственных и общественных учреждений и предприятий, а лишь с точки зрения тех или иных организационно-хозяйственных мероприятий. Отсюда полное непонимание и игнорирование живых людей с их живыми интересами, правами, с их волеи, желаниями и стремлениями.

Результатом такого рода взглядов на природу и характер гражданских правоотношений в эпоху социализма явилось сведение советского гражданского права к административно-хозяйственным мероприятиям, отодвинувшим на задний план все вопросы юридической конструкции и юридических институтов.

Стоящая в настоящее время перед советской цивилистикой задача сводится к окончательному очищению цивилистической литературы от антимарксистского, антиленинского хлама, к построению на основе работ и указаний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина законченной и строго научно-обоснованной теории советского социалистического гражданского права.

Эта задача конкретно сводится к разработке следующих вопросов:

а) содержание и особенности советского социалистического гражданского права, как особой формы выражения воли рабочего класса и всего советского народа в деле защиты, укрепления и развития личных и семейных отношений граждан, имущественных прав граждан, учреждений, предприятий и организаций в соответствии с интересами социалистического строительства;

б) содержание и правовая природа имущественных отношений граждан в СССР между собой, граждан с государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями и государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций между собой (вопросы договора, планирования, хозрасчета и пр.);

в) природа и особенности личных неимущественных прав граждан (авторское право, право на имя, патентное право, авторское свидетельство и пр.);

г) природа личной собственности граждан;

д) о приобретательской давности в советском праве;

е) учение о субъекте права (правоспособность, условия, объем и пр.) и о юридическом лице в советском праве (организация, предприятие, трест, наркомат);

ж) право наследования в советском праве;

з) проблема вины в гражданском праве;

и) вопрос о системе гражданского советского права (в частности вопрос о вещном и обязательственном праве) и о кодификации гражданского права (вопрос о пределах действия тех или других гражданских законов и применимости их к отдельным видам правоотношений).

Особенно важным представляется вопрос о юридической природе государственной собственности и связанный с этим вопрос о природе советского юридического лица и закрепленных за ним имуществ, «собственных» оборотных средств и пр.

Задача эта должна решаться с точки зрения утверждения единства и неизбежности государственной собственности и предоставления «юридическим лицам» принадлежащего им по закону права распоряжения — управления имуществом государства лишь по поручению.

Очень серьезно стоит вопрос о юридической природе и характере личной собственности граждан. Статья 10 Сталинской Конституции исчерпывающим образом освещает этот вопрос, давая твердую основу для решения и ряда возникающих из него узко юридических вопросов. Между тем среди наших цивилистов эти юридические вопросы решаются по-разному. Кое-кто из них отождествляет личную собственность граждан с частной собственностью. В одном учебнике в тексте неоднократно употреблялся термин «частная собственность», пока кто-то из редакторов не спохватился и не внес поправки, предложив всюду, где сказано «частная собственность», читать «личная собственность». Так, при помощи простой корректорской поправки горе-цивилисты решили всю проблему: личную собственность свели к частной собственности, а затем частную собственность назвали личной, и все оказалось в порядке. Нет нужды специально останавливаться на этой вредительской операции, изблужившей полное непонимание всей принципиальной разницы между личной собственностью и частной собственностью, не известной нашей Конституции, чуждой нашему гражданскому праву.

Нужно однако подчеркнуть, что самый факт подобного рода путаницы сигнализирует о необходимости серьезного пересмотра кое-какими «юристами» своих принципиальных позиций. Все эти вопросы требуют серьезного и внимательного изучения и разрешения.

И заметил в тезисе 41-м целый ряд вопросов, которые подлежат теоретической разработке. Не все они конечно имеют одинаковое значение. Здесь мы говорим о таких вопросах, как вопрос о приобретательской давности в советском праве, как вопрос о праве наследования в советском праве, как проблема вины в гражданском праве. Наконец вопрос о самой системе гражданского советского права, в частности вопрос о вещном и обязательственном праве. Тут целая уйма очень серьезных вопросов, решение которых позволит подготовить материал для построения системы советского социалистического гражданского права как части всего советского социалистического права.

Конечно нельзя себе представлять дело так, что можно все эти вопросы разрешить в два счета. Мы говорим об организации научно-исследовательской работы в направлении решения указанных выше задач, имея в виду, что задачи эти будут решаться в зависимости от целого ряда условий, главное место среди которых будет занимать вопрос о нашей собственной идеологической подготовке.

К сожалению надо сказать, что кадры ученых юристов за последние годы были сильно растрепаны. Я не говорю о тех, которых мы выбрали из нашей среды, как вредителей и врагов, — это к нашему благу, это к счастью для всех нас. Я говорю о тех честных юристах, которые, хотя и были вооружены в значительной степени старой юридической культурой и наукой, оказались не в состоянии, именно вследствие своей слабой марксистско-ленинской методологической подготовки, оказать вредителям сколько-нибудь су-

щественное сопротивление в области постановки и решения основных юридических проблем. За последние годы к сожалению мало вошло в наши ряды молодых ученых-юристов. Между тем приток молодых, свежих юридических сил, научной молодежи значительно мог бы облегчить дело разработки различных научных проблем, мог бы облегчить нашу задачу по завершению работы в деле построения советского социалистического права. И в деле организации научных сил вредители немало нам напортили; старых ученых они оттирали потому, что они старые, потому, что они недостаточно овладели марксистско-ленинской методологией; молодых оттирали потому, что они молодые, и потому, что им нельзя еще доверить разработку серьезных юридических вопросов. При таком вредительском отношении к делу организации научных сил немудрено, что многие квалифицированные юристы отошли от научной работы и что сама наука права оказалась в весьма затруднительном положении. Это в частности надо сказать о такой важной отрасли науки советского права, как история права. Разработка различных вопросов истории права, таких вопросов, как история права народов СССР, как история русского права, разработка таких замечательных старых юридических памятников, как «Русская правда» и другие старые законодательные источники, разработка ряда вопросов из области истории буржуазного права — является насущной нашей задачей.

Особо важное и ответственное место в советской науке права должно быть отведено разработке ряда вопросов, связанных с колхозным строительством. Разработка этих вопросов чрезвычайно важна и необходима. Изучение Сталинской Конституции и Сталинского устава с.х. артели объясняет всю важность изучения и разработки этих вопросов. К сожалению среди цивилистов это все еще недооценивается, кое-где даже высказываются сомнения о целесообразности существования такой дисциплины, как колхозное право. Такого рода настроениям надо дать решительный отпор. Независимо от того, как может быть и будет решен вопрос о существовании так называемого колхозного права как дисциплины, т. е. будет ли эта дисциплина рассматриваться как часть гражданского права, с одной стороны, и государственного права, с другой стороны, или как самостоятельная дисциплина, независимо от этого надо помнить и знать, что для дальнейшего успеха организационного укрепления колхозов и всего дела колхозного строительства имеют огромное значение изучение и разработка правовых проблем, связанных с этим строительством.

Вопросы колхозного строительства, ряд правовых вопросов, связанных с организационно-хозяйственной деятельностью и строительством колхозов, требуют несомненно участия юристов в этом деле. В соответствующем месте своих тезисов я обращаю внимание на эти вопросы и говорю о необходимости очень серьезной разработки этих вопросов, ибо исключительное значение Сталинской Конституции и Сталинского устава с.х. артели для дальнейшего успеха организации и укрепления колхозов и всего дела колхозного строительства требует от работников советского права особого, самого внимательного отношения к этим проблемам.

Однако едва ли правильно взято было направ-

ление в этом деле некоторыми товарищами, специализирующимися (это надо приветствовать) в этой области, в частности тов. Павловым.

Во-первых, вызывает сомнение самое наименование этой дисциплины — «земельно-колхозное право». Я считаю, что это неправильно, ибо у Павлова земля отдана в полное распоряжение колхозов. Он забыл, что, кроме колхозов, которые пользуются этой землей, существует еще советское государство, которое тоже без земли существовать не может. Тов. Павлов должен был хотя бы немножко земли оставить для государства. (Смех.) Он очевидно думает, что государство — это колхозная земля, власть и население. (Смех.) А где же у него советская земля? Она где-то затерялась, не видно ее. Это неправильно. Нельзя землю и правовые вопросы землепользования связывать только с колхозным строительством.

Во-вторых, мне кажется неправильным целый ряд установок, которые излагаются в конспекте тов. Павлова по курсу земельно-колхозного права. У меня имеется сигнальный экземпляр этого конспекта. Этот «Конспект курса земельно-колхозного права» содержит в себе целый ряд вызывающих очень серьезные сомнения утверждений. В одном месте мы читаем: «Возникновение в ходе социалистического переустройства поземельных отношений и колхозного строительства системы институтов земельно-колхозного права как следствие проведения в жизнь земельного и колхозного законодательства»⁶². Я не говорю уже о крайне тяжелом изложении. Но ведь тут все неправильно по существу. Как же можно говорить, что возникновение в ходе социалистического переустройства поземельных отношений и системы институтов земельно-колхозного права является следствием проведения в жизнь земельного-колхозного законодательства? Что такое институты колхозного права? Институты колхозного права это колхозная собственность. Это право колхозников вечно и бесплатно пользоваться землей. Это институты или не институты? Институты. Из чего они вытекают? Они вытекают из торжества социализма. Они вытекают не из земельного и колхозного законодательства, а из всего существа нового социалистического строя. Как же можно говорить, что эти институты вытекают как следствие проведения в жизнь земельного-колхозного законодательства? Ясно ведь, что, наоборот, колхозное законодательство есть следствие торжества этих институтов, являющихся выражением торжества победы социализма в деревне.

Дальше идет такой например тезис тов. Павлова: «Земельное и колхозное право СССР как единство социалистического земельного и колхозного законодательства с земельно-правовыми и колхозно-правовыми отношениями и деятельностью органов диктатуры рабочего класса, формирующихся на основе этого законодательства новые общественные отношения в деревне».

Здесь ничего нельзя понять: право «как единство социалистического земельного и колхозного законодательства с земельно-правовыми и колхозно-правовыми отношениями». Право как единство с правоотношениями. Ничего не поймешь!

⁶² Здесь и дальше цитирую по кн. А. П. Павлова, Конспект курса земельно-колхозного права, М., 1938, с. 6—9.

Это «единство» с «земельно-правовыми и колхозно-правовыми отношениями» колхозного права и «деятельности органов диктатуры рабочего класса, формирующих (кто формирует?) на основе этого законодательства новые общественные отношения в деревне».

Значит, новые общественные отношения в деревне формируются на основе... законодательства. Какого? Которое вступает... Во что? В отношения. С кем? С земельно-правовыми отношениями. (Смех в зале). Вот это называется у тов. Павлова «колхозным правом». (Смех в зале). А для того, чтобы не было никаких сомнений на этот счет, специально конспектируется еще один параграф: «Содержание земельно-колхозного права». А то что было? Это было право без содержания. Теперь будет содержание права.

Я не могу всего этого читать. Я говорил тов. Павлову о путанице и неразберихе в тексте. Он кажется согласен, что у него такой грех есть. Я говорил ему: у вас такой каскад слов, что он может затопить самую высокую мысль. Он говорит: такой маленький грех у меня есть. Действительно, вы посмотрите самую методику изложения. Какой это конспект? Я читала просто, пока без критики: «Неправильность и вредность отождествления земельного и колхозного права как с экономикой сельского хозяйства, так и с аграрной политикой...» С какой аграрной политикой, где аграрная политика, у кого аграрная политика, чья аграрная политика, в чем аграрная политика? Дальше точка с запятой. Ничего подобного, не верьте, никакой тут точки с запятой нет, тут прямо курьерское движение вперед без остановок. «...Действительное соотношение земельного и колхозного права с сельскохозяйственной экономикой и политикой...» В чем дело? Это, говорит автор, объясним потом, в конце, а пока двигаемся дальше. Двигаемся: «...Их неразрывная связь...» Уже связь получила, да еще неразрывная. Пока было соотношение, теперь уже вдруг неразрывная связь. Посмотрим, что будет дальше: «...в ходе взаимодействия социалистической аграрной политики...» Что за аграрная социалистическая политика? Может быть какой-нибудь аграрный закон? Посмотрим дальше: «...и экономики сельского хозяйства советского общества...» Прочтем еще раз: «...Создание социалистических земельно-правовых и колхозно-правовых отношений в ходе взаимодействия социалистической аграрной политики и экономики сельского хозяйства советского общества...» Туговато, туговато.

Читаем дальше: «...Диктатура рабочего класса как источник возникновения земельного и колхозного права...» «...Примат политики над экономикой...», — и так излагается весь конспект.

Тов. Павлов, если вы здесь присутствуете, простите меня за это критическое выступление, но ей богу, если мы так будем писать наши конспекты, то никому это не будет на пользу. Я спросил: тов. Павлов, для кого вы это пишете? Для преподавателей, говорит. Я говорю: нет такого преподавателя, который мог бы справиться с таким курсом (Смех). Нужно к этому конспекту в качестве бесплатного приложения обязательно рассылать самого автора. Читаю дальше: «...Законы советского государства о земле и колхозах... Единство и взаимозависимость планового руководства и правового регулирования в организации социалистическим государством поземельных отношений и колхоз-

ного хозяйства...» Еще дальше: «...Изучение законов развития и особых форм движения «нового общества в деревне...» и т. д. Какие это, позвольте вас спросить, «особые формы движения «нового общества в деревне», отличные от законов советского общества и государства, отличные от особых форм движения социалистической революции? Что это за формы? Я не знаю. Во всяком случае надлежало бы, хоть для преподавателей, сказать это пояснее, немножечко пояснее, чуть-чуть пояснее. Для этого нужно, если вы пишете конспект, во-первых, написать его не на 84 страничке, а по крайней мере на 24; во-вторых, выбросить из него бесконечное множество повторов, отступлений, лирических излияний, драматических выражений, трагических изрыганий и т. д. и т. п. Тогда может быть из этого вышло бы что-нибудь похожее на конспект, конспект к будущему курсу, который мы охотно еще будем ждать, я не знаю сколько, 5 лет будем ждать, мы ждем этого курса земельного и колхозного права уже кажется лет 15. Тов. Павлов все обещает дать нам курс. Пока же он дал нам одну программу по земельно-колхозному праву в 1933 г. и другую теперь, в 1938 г. Улучшение, надо сказать, не особенно заметное.

В одном месте конспекта тов. Павлов пишет о «...специфике закономерностей и методов построения нового общества в деревне...» По Павлову, оказывается есть какая-то специфика закономерностей построения нового общества в деревне.

Я посоветовал бы тов. Павлову этот сигнальный экземпляр конспекта понять как сигнальный (смех) в прямом смысле этого слова, поработать над ним и устранить из него те недостатки, которые мы здесь с вами по-товарищески вскрываем.

Тов. Павлов очень горячо борется за науку земельного-колхозного права. Это очень хорошо. Но тов. Павлову нужно более вдумчиво относиться к своей задаче и своему предмету, более серьезно поработать над своей темой.

Мой вывод таков. Земельное и колхозное право соединить в одно нельзя. Если говорить о дисциплинах, то здесь мы имеем дело с двумя дисциплинами: земельным правом и колхозным правом. Кроме того, колхозное право рассматривать как самодовлеющее нельзя.

Колхозное право имеет своим источником диктатуру пролетариата и социалистическую демократию, Сталинскую Конституцию и Сталинский устав с. х. артели. Колхозное право входит своими частями в советское государственное право (земельная собственность, основы землепользования, а равно пользование недрами, лесами и водами, государственное планирование в области колхозного строительства, государственные обязательства колхозов и проч.) и советское гражданское право (договоры, имущественные правоотношения, семейное, наследственное право и т. д.). Нельзя колхозное право изучать в отрыве от государственного права и гражданского права. Между тем у тов. Павлова имеется именно эта тенденция, тенденция опасная, ибо она ведет к неправильному представлению о методах разработки различных юридических вопросов колхозного строительства.

В области трудового права перед нами стоит ряд вопросов, которые я наметил в тезисе 47. Я думаю, что на этих вопросах можн

особенно не останавливаться. Здесь задача сбиться к разработке вопроса о предмете и системе трудового права, вопроса о пределах действия трудового права и пр. Я не буду останавливаться на вопросе об ошибках и извращениях, допущенных в этой области и сводящихся в основном к попыткам ограничить сферу действия трудового права лишь отношениями найма, следовательно лишь в отношении рабочих и служащих. В свое время этот вопрос в достаточной степени был освещен в общей и специальной печати, была в достаточной степени разработана троцкистская концепция, пытавшаяся отрицать действие советского трудового права на колхозные отношения. При разработке различных вопросов советского трудового права необходимо исходить из величайшего социалистического принципа — права на труд, провозглашенного Сталинской Конституцией, гарантированного всей «...социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» (ст. 118).

В области трудового права важнейшими вопросами являются: определение предмета и системы трудового права; разработка основ законодательства о труде и связанная с этой задачей научная разработка таких вопросов, как пределы действия союзного и республиканского трудового законодательства; трудовой и коллективный договор; порядок разрешения трудовых конфликтов (третьей суд и проч.).

В науке советского социалистического уголовного права перед нами тоже не початый край работы, в прямом смысле этого слова. Ведь смешно сказать, у нас совершенно не разработаны юридические проблемы и по-юридически не разработаны основные проблемы нашего уголовного права, например вопрос о вине и ответственности. У нас не разработан вопрос об умысле, неосторожности и вменяемости. Например вопрос о вменяемости до сих пор является для нас какой-то лапшевской туманностью. Напувано здесь немало.

Достаточно напомнить о Крыленко с его вредительскими установками насчет того, что не следует заниматься юридической «арифметикой и юридической казуистикой», биться над тем, где умысел, а где неосторожность, где растрата, а где присвоение, где недобросовестность, а где халатность и т. д., или утверждения некоторых подвизавшихся у нас «юристов», утверждавших, что деление на умысел и неосторожность особого практического значения не имеет.

Из прошлого нужно сделать серьезные выводы, извлечь серьезные уроки. На основании этих уроков первое, что надо учитывать, — это необходимость тщательного и добросовестного отношения к работам классиков марксизма, наших учителей, решительная борьба со всякого рода «вольным» отношением к тексту цитируемых источников основоположников марксизма-ленинизма. Тем более необходима решительная и беспощадная борьба со всякими извращениями марксистско-ленинского учения о праве.

Примером такого бесстыдного отношения к источникам, прямой их фальсификации и литературного жульничества могут служить пресловутые книги вредителя Крыленко, не останавливавшегося при построении своих вредительских «концепций» в области государственного

права перед прямыми передержками и извращениями мыслей Маркса и Ленина. Явно извращая соответствующие места из ленинской работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», где Ленин говорит об идее детерминизма, Крыленко искажает ленинскую цитату, стараясь доказать, что Владимир Ильич отрицал вину и умысел. Крыленко клеветнически излагал этот вопрос, доказывая, что будто бы Ленин требовал наказания безотносительно к вине, лишь по признаку одного объективного вреда. Крыленко в своих вредительских упражнениях доверился до утверждения, что якобы «ответственность остается и тогда, когда налицо отсутствуют полностью всякая злая воля и даже неосторожность». «Она остается», — писал он, — как ответственность объективная, сплошь и рядом переходящая в ответственность политическую и ответственность уголовную». Чтобы показать всю бесчестность и лживость этих утверждений, достаточно привести следующие места из работ Ленина, не оставляющие сомнения в том, что Ленин требовал точной и строгой дифференциации вины, персональной ответственности.

Так, в одном из писем Ленина мы читаем: «Затем поручаю Вам расследовать дело о простое шведского завода «Нитвес и Гольм» («Экономическая жизнь» № 194, стр. 4). *«Меленно оформила»* заказ на водные турбины!! В коих у нас страшный недостаток!! Это верх безобразия и бесстыдства! Обязательно *найдите* виновных, чтобы мы этих мерзавцев могли сгноить в тюрьме.

Установите точную персональную ответственность за работу этого завода и заказы ему.

Вообще установление точной персональной ответственности — важнейшее дело управдела СНК и Совета Труда и Обороны. Этого я буду требовать строго всего. Если окажется надобность, немедленно привлекать для этого НКЮст и РаКри или «эксперта» от них»⁶³.

В другом месте, в письме к тов. Семашко, Ленин писал: «Далее. Что делается (и что сделано?) в Москве? Кто отвечает за работу? Только ли «чиновники» с пыльным советским титулом, ни черта не понимающие, не знающие дела, лишь подписывающие бумажки? Или есть деловые руководители? Кто именно?

Добиться персональной ответственности — самое важное.

Что сделано, чтобы добиться персональной ответственности?

Проверка через кого?

Через инспекторов? Сколько их? Кто они?

Через отряды молодежи (К. С. М.)? Есть ли таковые? Сколько? Где и как सेवा показали?

Какие иные средства реальной проверки?»⁶⁴.

На IX съезде партии в политическом отчете ЦК Ленин говорил: надо «...тянуть к суду виновных за волокиту. Я думаю, пролетарский суд сумеет наказать, а чтобы наказать — надо найти виновных, а я вам ручаюсь, чтобы найти виновных нельзя, пусть каждый из вас посмотрит это

⁶³ Ленин, т. XXIX, с. 401. Разрядка слов «точной персональной ответственности» моя. — А. В.

⁶⁴ Ленин, т. XXIX, с. 409.

дело — нет виновных, а есть сутолока, суматоха и ерунда... Никто не умеет подойти к делу...» «Это вреднее всякого саботажа, саботажнику ничего и не надо, кроме как увидеть, что два коммуниста спорят между собой по вопросу о том, в какой момент обратиться в Политбюро о принципиальной директиве для покупки продовольствия, и в эту щель пролезть. Если сколько-нибудь толковый саботажник встанет около того или иного коммуниста или у обоих по очереди и поддержит их, — тогда коней. Дело погибнет навсегда. Кто виноват? Никто»⁶⁵.

Из этого места отчета Ленина на XI съезде партии видно, что Ленин требовал «...тянуть к суду виновных...», говорил о необходимости найти виновных, ставил вопрос: «кто виноват?»⁶⁶. Все это не оставляет никакого сомнения в том, что иначе, как клеветой, нельзя назвать упреждения Крыленко, отрицавшего проблему вины и ответственности в советском уголовном праве.

Чрезвычайно серьезны проблемы о вменяемости и виновности, о социальной опасности и наказании, о подавлении и воспитании, о точных составах и аналогии. Я не имею возможности останавливаться подробно на всех этих чрезвычайно важных вопросах. Ограничусь лишь напоминанием об этих вопросах и отсылкой интересующихся этими проблемами к нашей юридической литературе, где все эти вопросы достаточно широко были освещены в связи с моими выступлениями против вредительских концепций Крыленко и других вредителей.

Особо я хотел бы остановиться на такой проблеме теории советского уголовного права, как теория соучастия. Эта проблема представляет громадный интерес.

Теория соучастия в науке буржуазного уголовного права до сих пор представляется одной из наиболее запутанных и схоластических теорий. Недаром еще Schütze о доктрине соучастия неуважительно говорил как об ахилесовой пяточке, на очистку которой потребуются целое столетие.

Проф. Жиряев высказался в том смысле, что окончательное решение вопроса о сущности соучастия, особенно в науке, ему кажется невозможным. Приведя это замечание проф. Жиряева, Таганцев не упустил из виду напомнить, что сам Жиряев, не отделяя соучастия от стечения нескольких лиц при одном деянии, содействовал путанице понятий. Известно, что Фойницкий предлагал выкинуть учение о соучастии, как остаток схоластической обработки права, из изложения общих условий преступления и признать и в этих случаях применимыми общие правила об индивидуальной ответственности.

Сергеевский отсутствие ясности в научной разработке соучастия видит в том, что в господствующей литературе нет определенного принципа или начала, на котором можно было бы построить учение об ответственности многих лиц за один преступный результат.

«Вместо последовательно развитого учения, находим мы в литературе соучастия нередко

ряд сравнений, фикций, недоказанных предположений»⁶⁷.

«Не взирая на громадную литературу, общее учение о соучастии, которое охватывало бы собою все возможные в действительной жизни случаи, развито весьма мало...»⁶⁸.

Так характеризует сама буржуазная наука состояние этой интереснейшей теории, этой важнейшей части уголовного права.

Проблема соучастия, теория соучастия приобретает особенное значение в наших условиях, когда классовое сопротивление эксплуататорских элементов, их агенты, являющейся агентурой иностранных разведок, находит наиболее распространенное выражение в заговорщической деятельности этих элементов, в организации ими различных антисоветских подпольных групп, преступного подполья, преступных, контрреволюционных сообществ.

Вульгарное представление о соучастии, как форме объединения уголовной деятельности, в узком смысле этого слова, отжило свое время.

Сейчас особенно, в условиях классового сопротивления эксплуататорского мира победоносной социалистической революции, проблема соучастия приобрела новый и чрезвычайно острый характер, как форма политической борьбы *sui generis*.

Можно сказать, что правильное понимание учения о соучастии в советском уголовном праве социалистического государства можно составить, только исходя из понимания особенностей нашей эпохи, характера и особенностей классовой борьбы в настоящее время, в настоящих условиях, лишь когда будут изучены как учит марксизм материальные условия жизни соответствующей эпохи.

О чем говорит изучение этих «материальных условий» нашей эпохи? Оно говорит о такой прочности советского строя, о такой мощи социалистического государства, поколебать которые не в состоянии никакая рать черных сил отжившего, умершего или умирающего общества. Значит ли это, что исключены попытки борьбы против СССР, попытки сокрушить несокрушимую мощь СССР, советов, социализма?

Нет. Борьба продолжается, и, как показали эти 3 года и прошедшие за эти годы процессы, с еще большей силой и остротой.

Процесс антисоветского «право-троцкистского блока» показал, что враждебные СССР и делу социализма силы стремятся осуществлять свою преступную деятельность и осуществляют ее не в одиночку, не изолированно, а организованно, путем объединения своих преступных усилий.

Характерная особенность и громадное историческое значение процесса антисоветского «право-троцкистского блока» состоит именно в том, что он показал, что «блок» является формой объединения всех антисоветских подпольных групп. В этом «блоке» объединились в борьбе против СССР троцкисты, бухаринцы, зинovieвцы, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты, бывшие провокаторы и агенты царской охраны, белогвардейское казачье офицерье, иностранные фашисты.

⁶⁵ Ленин, т. XXVII, с. 250—251.

⁶⁶ Там же. Разрядка моя — А. В.

⁶⁷ Н. Д. Сергеевский, Русское уголовное право, ч. Общая, СПб 1910, с. 312.

⁶⁸ Там же.

Другая особенность этого процесса заключается в том, что он доказал, что преступная деятельность обвиняемых — это совершенно беспринципная, уголовная деятельность в полном смысле этого слова, деятельность, характерная для беспринципной и безыдейной банды профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц.

Этот процесс показал, что «право-троцкистский блок» нельзя квалифицировать как политическую группу, в собственном смысле этого слова. Политическая группа предполагает определенные политические принципы, определенную политическую программу, известные политические убеждения, способность и готовность защищать эти убеждения, их отстаивать, их пропагандировать. Политическая группа организует свою деятельность на основе своей политической платформы, пропагандирует эту платформу, защищает правильность ее принципов и т. д. и т. п.

В данном случае всех этих неизбежных и необходимых признаков политической деятельности нет и, хотя, как мы помним, Бухарин пытался говорить об «идеологии» и «философии», о «проблематике общего руководства», трактуя свои изменческие плачи об использовании войны как какую-то «прогностически стоящую в перспективе» задачу, нетрудно было разоблачить всю эту «философию» шелуху, неспособную скрыть действительную сущность вещей, говорящую о несомненном уголовно-бандитском характере этого заговора.

«Право-троцкистский блок», — это полностью доказало следствие, — был разоблачен как простая агентура иностранной разведки, со всеми присутствующими такого рода «организации» особенностями. Эти особенности еще больше подчеркивают уголовный характер преступной деятельности заговорщиков.

В докладе «Итоги первой пятилетки» товарищ Сталин сказал, что остатки эксплуататорских классов, вышибленных из нашей жизни социалистическими победами, направляют свою деятельность на подрыв общественной социалистической собственности, как основы всего советского строя ⁶⁹.

Товарищ Сталин подчеркнул, что эти люди бывшие люди, организуют вредительство, организуют подрыв советского хозяйства, всячески стараются наказать и вредить делу социализма.

Я обращаю особенное внимание на указание товарища Сталина об организационной деятельности врагов народа, расхищающих общественную социалистическую собственность. Практика подпольной работы иностранных разведок в разных странах и в особенности попытки этих разведок проникнуть в тылы Советского Союза также говорят об усиленной организационной деятельности этих разведок и враждебных СССР антисоветских групп и формирований. Все это с особенной силой подчеркивает значение разработки в советском уголовном праве вопросов, связанных с разоблачением организационной деятельности преступников.

Задача состоит в том, чтобы уметь, опираясь на указания советской теории уголовного права, вскрыть организационные взаимосвязи между

отдельными участниками той или иной преступной деятельности, направленной против интересов СССР. Задача состоит в том, чтобы не только уметь распознать фактическое взаимоотношение отдельных сообщников между собой и с другими учреждениями, организующими их преступную деятельность, т. е. не только в решении вопросов факта (*questio facti*), но и дать правильный анализ этих отношений с точки зрения юридической доктрины, дать правильную юридическую квалификацию преступной деятельности, т. е. решить соответствующим образом и юридические вопросы (*questio juris*).

Эта задача чрезвычайно важна и серьезна, так как организационные взаимосвязи и формы, в которых эта связь отдельных сообщников выражается, чрезвычайно разнообразны. Чрезвычайно разнообразны степени участия отдельных сообщников в общей преступной деятельности.

Самая преступная деятельность нередко отличается чрезвычайной сложностью и многосторонностью. Эта деятельность нередко представляет собой целую систему отношений, гораздо более сложную, чем это имеет место в известной до сих пор науке уголовного права наиболее сложной форме общей преступной деятельности — шайке.

Процесс «право-троцкистского блока» показал, что понятия заговора («комплот»), шайки, банды, в старом юридическом смысле этих слов, не исчерпывают проблемы, не исчерпывают вопроса.

По господствующим современным взглядам, заговор предполагает не только прямое соглашение между соучастниками, но и наличие так называемого взаимного подстрекательства, так, чтобы, как говорит Таганцев, «...каждый из соучастников являлся и подстрекателем и подстрекнутым...» ⁷⁰. Это последнее обстоятельство сразу изоблачает несостоятельность данной теории, так как для участия в заговоре вовсе не обязательно, чтобы каждый заговорщик был одновременно подстрекателем другого. С другой стороны, эта теория смазывает особенность и опасность действительных подстрекателей, т. е. главных виновников, наиболее активных преступников, исполняющих ведущую роль общей преступной деятельности.

Что касается шайки, то шайка предполагает субъективное соглашение сообщников на совершение нескольких преступных действий или соглашение на постоянную или длительную преступную деятельность. Шайка, как известно, кроме того, предполагает наличие более или менее законченной организационной формы, предполагает начала некоторой иерархичности внутри шайки.

К таким преступным формированиям, как «право-троцкистский блок», старые понятия заговора и шайки едва ли, с юридической точки зрения, могут быть применимы. Бухарин очевидно имел в виду именно эту старую юридическую доктрину, когда в своем последнем слове он пробовал полемизировать против тезиса обвинительного заключения об его ответственности за все совершенные этим «блоком» преступления, в которых он, Бухарин, не принимал личного и непосредственного участия.

⁶⁹ См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, с. 507—508.

⁷⁰ Н. О. Таганцев, Русское уголовное право, ч. Общая, т. I, СПб 1902, с. 749.

Бухарин сказал: «Гражданин Прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах и все же ответственные друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой и быть друг с другом в более или менее тесной связи. Между тем, я впервые из обвинительного заключения узнал фамилию Шаранговича и впервые увидел его на суде. Впервые узнал о существовании Максимова. Никогда не был знаком с Плетневым, никогда не был знаком с Казаковым, никогда не разговаривал с Раковским о контрреволюционных делах, никогда не разговаривал о сем же предмете с Розенгольцем, никогда не разговаривал о том же с Зеленским, никогда в жизни не разговаривал с Булановым и так далее. Кстати, и Прокурор меня ни единым словом не допрашивал об этих лицах.

«Право-троцкистский блок» есть прежде всего блок правых и троцкистов. Как сюда вообще может входить, например, Левин, который здесь на суде показал, что он и сейчас не знает, что такое меньшевики? Как сюда могут входить Плетнев, Казаков и прочие?»⁷¹

Бухарин аргументировал следовательно так: 1) члены шайки должны знать друг друга, чтобы быть шайкой; 2) члены шайки должны быть в более или менее тесной связи друг с другом; 3) он, Бухарин, не был знаком ни с Шаранговичем, ни с Максимовым, ни с Плетневым, ни с Казаковым; 4) он, Бухарин, никогда не разговаривал о контрреволюционных делах с Раковским, с Розенгольцем, с Зеленским, с Булановым. Отсюда вывод, что никакой группы здесь нет, никакой шайки здесь нет.

Действительно, по старой доктрине, для наличия шайки или «шайкообразной» группы нужно соглашение участников, нужна иерархическая организация (хотя эта последняя не обязательна даже по этой доктрине), нужно следовательно знать друг друга.

Я говорил на суде, что, по мнению многих криминалистов, для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, каждого из сообщников на каждое из преступлений. Как известно, это действительно господствующая точка зрения, предполагающая, что для понятия соучастия недостаточно объективной причинной связи и общих условий субъективной виновности, но требуется еще особенное единство воли, выраженное в соглашении, и т. д. и т. п.

Другой взгляд, защищавшийся Сергеевским, соучастниками считает всех тех, кто находится к преступному результату в отношении субъективной виновности, независимо от характера своей преступной деятельности.

Думается, что ни та, ни другая точка зрения не могут быть безусловно принятыми.

Не может быть принято мнение Таганцева и других, требующих для соучастия наличия соглашения. Таганцев сам вынужден признать, что вступление в партию, в программу которой входит определенная преступная деятельность, мо-

жет быть иногда признано равносильным вступлению в сообщничество для учинения определенного преступного деяния. Следовательно участие в группе, осуществляющей ряд преступных действий, может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если он сам к этим преступным действиям непосредственного отношения не имел и согласия на их совершение не давал.

По нашему мнению, такой участник преступной группы должен быть признан ответственным за всякое конкретное преступление, если оно вытекает из общей преступной установки этой группы или стоит в известном плане общей преступной ее деятельности.

Мнение Сергеевского неправильно потому, что оно исключает ответственность тех участников преступной группы, которые своей субъективной деятельностью не причинили преступного результата.

Между тем самое участие в подобного рода преступной группе, независимо от того, вложил ли данный участник ее в тот или другой преступный результат, в котором реализовалась преступная деятельность этой группы, говорит, что этот участник должен отвечать и за этот результат, как за всю деятельность своей группы, именно как ее участник.

Неправильна также точка зрения, защищавшаяся в свое время Фойницким, нападавшим на схоластичность господствовавшей доктрины о соучастия и эту схоластичность виделим в том, что «...вина каждого становится виной всех в отдельности...» и что, таким образом, «...каждый отвечает не только за себя, но и за других, не за свою только вину, но и за чужую...»⁷²

О какой чужой вине можно говорить в данном случае? Разве это так называемая чужая вина не становится фактом соучастия в общем преступлении своей виной?

Фойницкий вопросы соучастия трактует с точки зрения общих начал причинности, считая, что при «...отсутствии внутренней и внешней причинной связи каждого данного деятеля с явлением утрачивается возможность вменить ему это явление в вину»⁷³.

Правильный сам по себе, этот принцип неприменим в вопросе о соучастии, если соучастие понимать не в узком смысле этого слова, т. е. не как участие нескольких лиц в совершении общими усилиями одного или нескольких преступлений, а понимать его в широком смысле слова, т. е. как совокупность действий многих или нескольких лиц, не только вызвавших данный преступный результат, но и в той или иной мере и степени, прямо или косвенным образом, посредственно или непосредственно предопределивших или облегчивших наступление преступного результата, являющегося конечной целью преступной деятельности.

В деле «право-троцкистского блока» мы имеем именно такое соучастие в широком смысле этого слова. Для всех участников этого «блока» общей целью было свержение советской власти, захват власти право-троцкистским центром. Для всех

⁷¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», М. 1938, с. 680.

⁷² И. Ф о й н и ц к и й, Уголовно-правовая доктрина о соучастии, «Юридический вестник», 1891, № 1, с. 5.

⁷³ Там же, с. 21.

принявших участие в этой преступной деятельности эта цель была общей и точно воспринятой. Здесь нет исключения ни для одного из подсудимых, даже для врачей-отравителей — Плетнева, Казакова и Левина, что между прочим Бухарин на суде также оспаривал. Но это уж *questio facti*. Для всех участников этого «блока» были общими, всеми ими принятыми и одобренными способами борьбы — средства, применяющиеся право-троцкистскими изуверами (вредительство, диверсия, террор, шпионаж). Все они шли к осуществлению своей общей им цели общими путями — измены, предательства, убийства и т. д. То обстоятельство, что одни из них действовали как убийцы, другие как шпионы, третьи как диверсанты и т. д., не меняет их положения с точки зрения их юридической ответственности.

Белорусской подпольной право-троцкистской группой руководили непосредственно Рыков и Антипов. Это не исключает ответственности Бухарина за преступления, совершенные этой группой, хотя, в силу своеобразной конспирации, применявшейся «блоком», о некоторых людях и о некоторых фактах преступного характера Бухарин мог даже и не знать, как о некоторых людях и фактах преступного характера могли не знать и даже не должны были знать некоторые участники этого «блока».

С указанной выше точки зрения должен быть пересмотрен вопрос и о видах соучастников по степени их участия. Учение о соучастии не знает например понятия организаторов преступления, говоря лишь о подговорщиках, подстрекателях и зачинщиках, однако это не одно и то же.

Статья 17 Уголовного кодекса РСФСР следует в этом отношении по проторенному пути, говоря об исполнителях, с одной стороны, и о подстрекателях и пособниках — с другой. Между тем организаторы преступления представляют особую опасность, так как даже при наличии специального подстрекателя их деятельность, именно как организаторов, представляет сугубую опасность для общества и государства.

Нужно пересмотреть и вопрос о так называемых главных и второстепенных виновниках, так как лицо, выполняющее второстепенные функции при совершении преступления, в действительности может быть вовсе не второстепенным участником. Организатор преступления может выполнять второстепенные функции, например стоять на страже, давать просто распоряжения и указания, однако от этого роль его в преступлении вовсе не превратится во второстепенную.

Нельзя конечно защищать деление на главных и второстепенных виновников с точки зрения субъективного критерия: *animus auctoris* и *animus socii*. С этой точки зрения в убийстве С. М. Кирова вина Ягоды была главной, несмотря на то, что фактически роль его выражалась лишь в указании или распоряжении не мешать Николаеву в осуществлении своего злодейского замысла. Совершенно понятно, что Ягода виноват в этом злодейском убийстве не меньше, чем сам Николаев, и должен отвечать по статье 58-8 УК в полном объеме, хотя сам он все время напирал на то, что в деле злодейского убийства С. М. Кирова он совершил лишь должностное

преступление, что конечно не выдерживает никакой критики.

Однако Ягода мог бы, как это сделал Бухарин, найти в господствующей теории соучастия кокакие элементы для подобного рода рассуждений.

Принцип, выраженный в статье 18 УК, должен остаться в полной силе. Требуется лишь его дальнейшая разработка в соответствии с одним из основных принципов советского уголовного права — об индивидуализации преступления и наказания.

О неудовлетворительности разработки теории соучастия в советском праве едва ли необходимо специально распространяться. Для примера можно сослаться на учебники Пионтковского — «Советское уголовное право» и Ошеревича и Герцензона — «Советское уголовное право». И в том и в другом учебнике этому вопросу отводится совершенно недостаточное место. Герцензон и Ошеревич о соучастии говорят буквально на полутора страницах. Пионтковский посвящает этому делу 18 страниц. Оба избегают постановки наиболее острых и спорных проблем, причем Пионтковский рассматривает соучастие как особый вид сотрудничества, различая простое сотрудничество и сложное сотрудничество. Разумеется подобная терминология совершенно неуместна. Но беда конечно не только в терминологии и не столько в терминологии, сколько именно в том, что самое изложение этого вопроса ограничивается пересказом различных точек зрения по этому поводу, без попытки самостоятельного построения советской теории соучастия, отвечающей интересам и требованиям социалистического строительства.

У Пионтковского в изложении учения о соучастии не критически воспринимается точка зрения холячей буржуазной теории. Это в частности выражается в том, что Пионтковский укрывательство рассматривает не как соучастие в преступлении, а лишь как прикосновенность к преступлению. В такой общей и отвлеченной форме это утверждение неправильно, ибо укрывательство может быть одной из форм соучастия. Это очень характерно было выявлено на процессе антисоветского «право-троцкистского блока» при анализе преступной деятельности Ягоды, активное участие которого в деятельности «блока» выражалось именно в целой системе укрывательства своих сообщников.

Пионтковский допускает, что укрывательство может быть пособничеством лишь при условии, когда оно было заранее обещано исполнителю, до совершения им преступления. Это едва ли правильно. Обещание не является обязательным условием для признания укрывательства пособничеством. Укрыватель мог ничего не обещать, но, как участник общей преступной деятельности, помочь успеху этой деятельности своим укрывательством. В таком случае нет никакого основания выделять его из числа других соучастников и рассматривать его лишь как прикосновенного к преступлению.

Вызывает сомнение правильность трактовки понятия соучастия как деятельности, находящейся в причинной связи с учиненным исполнителем преступным результатом. С этим утверждением в прямом противоречии находится статья 17 УК РСФСР. И это правильно. Для по-

нения соучастия необходимо наличие не причинной связи, а связь вообще данного лица с совершенным преступлением.

В этом отношении представляется более правильной английская доктрина. По английскому праву, участие вменяется в вину тому, кто, не будучи непосредственно исполнителем преступного деяния и не присутствуя при его совершении, оказывается тем не менее так или иначе с ним связанным, причем установление связи с деянием может относиться или ко времени, предшествовавшему совершению преступления, или к последующему времени. По английскому праву, когда кто-либо скрывал у себя того, кто, как ему известно, совершил фелонию (шпионаж) или оказывал ему содействие, поддержку или помощь, — он рассматривается как дополнительный участник этого преступления; виновным в дополнительном участии признается и тот, кто, зная, что другое лицо совершило фелонию, уклоняется от свидетельского показания против него, чтобы помочь ему избежать обвинительного приговора, и тот, кто доставляет лицу, осужденному за фелонию, орудие для того, чтобы произвела взлом тюремной решетки или замка, он мог бежать, или доставляет средства для подкупа тюремной стражи для того, чтобы она предоставила преступнику возможность бежать⁷⁴.

Относительно подстрекательства надо подчеркнуть особенности проекта соучастия, разработанного Стифеном. Этот проект расширял ответственность подстрекателя, объявляя его ответственным за всякое преступление, которое было совершено в результате подстрекательства «и относительно которого подстрекатель знал или должен был знать, что оно может быть совершено»⁷⁵.

Надлежит особо также рассмотреть вопрос об ответственности подстрекателя, независимо от того, последовало ли совершение преступления, на которое он подстрекал, или нет.

Таким образом проблема соучастия представляет не только глубокий теоретический интерес, но и интерес чисто практический, так как вооружает наших практических работников юстиции необходимым в их практической судебной, прокурорской и следственной деятельности теоретическим оружием.

В области науки советского социалистического судебного права стоят следующие основные задачи:

а) проблема организации советской судебной системы в эпоху победившего социализма (структура судебных органов, подсудность, вопросы судебного надзора, суд и арбитраж, советская судебная система и товарищеские суды);

б) разработка вопроса о природе и особенностях советского уголовного и гражданского процессов;

в) состязательность в судебном процессе;

г) теория доказательств и в частности учение о косвенных уликах;

д) проблема кассации в советском процессуальном праве.

Особо надлежит обратить внимание на разработку ряда проблем советской криминалистики и в направлении создания советской криминалистики как отрасли науки судебного права. На научных работах в этой области лежит обязательство поднять советскую криминалистику на более высокий уровень ее развития, чем это имеет место в капиталистических странах, вооружить советского следователя методикой и техникой криминалистического расследования, опирающегося на последнее слово науки.

Я считаю нужным специально остановиться на двух вопросах. Это — вопрос о нашей советской теории доказательств и вопрос о советской криминалистике. В области теории доказательств, как это показала недавняя дискуссия по вопросу о пределах и свободе судебного убеждения, у нас имеется целый ряд ошибок, даже в работах крупных советских процессуалистов. Эти ошибки объясняются неправильными, патологическими установками, в свою очередь вытекающими из недостаточного овладения марксистско-ленинской методологией. Эти ошибки — я напомним мой спор с проф. Гродзинским и проф. Строговичем — опасны тем, что открывают путь к различным кантанским и феррианским концепциям. Нечего и говорить, какое громадное значение для практической судебной и следственной работы имеет теория доказательств, являющаяся основной и, если можно так выразиться, душой всего процессуального права. Здесь нельзя не подчеркнуть ненормального положения в нашей науке судебного права, выражающегося в том, что эта наука изучает вопросы уголовного процесса отрывочно, вне всякой связи с вопросами гражданского процесса.

Мне представляется более правильной и обеспечивающей большую эффективность научной работы такая ее организация, при которой вопросы гражданского и уголовного процесса были бы объединены в пределах одной науки — науки судебного права. Насколько вреден этот отрыв одной отрасли науки судебного права (уголовный процесс) от другой (гражданский процесс), можно судить по таким например фактам: цивилисты абсолютно не занимаются разработкой теории доказательств. Для них кажется странным, когда говорят об уликах в области гражданского процесса или когда говорят о криминалистике и гражданском процессе. Между тем учение о косвенных уликах имеет немалое отношение и к цивилистике, как немалое отношение имеет и к криминалистике (исследование класса крови при спорах об отцовстве, исследование документов при спорах об обязательствах и т. д.). Объединение всех вопросов доказательственного права в пределах общей науки судебного права представляется насущной нашей задачей.

Выше мы уже говорили о задачах криминалистики. К сказанному добавлю, что наша криминалистика в нынешнем виде нас удовлетворять не может. В этой области необходимо сильно продвинуться вперед. До сих пор криминалистика была, в сущности говоря, ведомственной прокурорской наукой. Основное содержание наших ученых криминалистов сводилось к исследованию различных вещественных доказательств, актов, документов и т. п., т. е. их работа носила чисто эмпирический характер. Криминалистиче-

⁷⁴ См. проф. Н. Н. Полянский, Уголовное право и уголовный суд в Англии, 1937, с. 37—39.

⁷⁵ Цит. по ук. соч. проф. Н. Н. Полянского, с. 39.

ская лаборатория Прокуратуры Союза ССР в настоящее время передана в состав Института права Академии наук. Здесь в тесной связи с другими научными институтами Академии наук (институтами химии, физики, математики, техники и т. д.) наши криминалисты получают возможность серьезнее и вплотную заняться вопросами криминалистической науки.

Особо надлежит остановиться на вопросах организационного порядка.

В свете вышеуказанных задач всемерного развития советской правовой науки и пропаганды советского социалистического права исключительное значение приобретает вопрос об овладении большевиками работниками науки права, о подготовке новых научных и преподавательских кадров, об их идейном и научном росте.

В течение последнего года в этой области достигнуты некоторые результаты (увеличение аспирантуры в юридических вузах, известное оживление и усиление научно-исследовательской работы по вопросам государства и права и т. д.). Однако эти результаты являются еще далеко недостаточными.

Задача заключается в том, чтобы организовать научную работу в области права в тесной, организационной связи с многообразной и величественной практикой социалистического государства рабочих и крестьян. Задача заключается в том, чтобы готовить молодых научных работников в соответствии с требованиями, которые предъявляет к науке социалистический общественный строй.

Особое внимание юристов и юридических исследовательских институтов, вузов и кафедр должно быть обращено на подготовку и издание учебников и программ по юридическим дисциплинам. Положение дела в этом отношении, несмотря на имеющийся некоторый сдвиг, все еще недостаточно удовлетворительно. Учебники и программы страдают существенными недостатками как в отношении научной и политической четкости и правильности формулировок, так и в отношении системы расположения материала. Работа над неуклонным повышением идейного уровня учебников и программ, в соответствии с указаниями товарищей Сталина и Молотова

о науке и учебниках, должна стать важнейшей составной частью всей работы юридических научно-исследовательских учреждений.

Необходимо также приступить к работе над советской энциклопедией государства и права, историей права народов СССР, историей буржуазных государственно-правовых теорий, объединив для этой работы специалистов, юристов — научных работников и практиков всего СССР.

Для практического осуществления намеченных выше задач, для ликвидации отставания научно-исследовательской работы в вопросах государства и права, для дальнейшего развития нашей советской правовой науки необходима теснейшая связь научно-исследовательской работы с практикой государственного строительства, необходимо по-большевистски организовать дружную и плодотворную научную деятельность исследовательских учреждений и научных работников под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством партии Ленина — Сталина на благо народов СССР и всего прогрессивного человечества.

Таковы основные наши задачи в области науки советского социалистического права. Эти задачи далеко не исчерпаны моим перечнем. Перед нами стоят несомненно значительно большие задачи, чем те, которые мною здесь были указаны.

Я однако думаю, что основные задачи в докладе намечены. На нашей конференции представлены все научно-исследовательские институты и кафедры права и государства наших юридических вузов. После длительного перерыва вновь сегодня собрался коллектив советских юристов, работающих в области теории права и государства. Мы все уверены, что на основе работы нашей конференции дело нашей науки права двинется вперед с новой энергией и силой, что мы сумеем окончательно выкорчевать из нашей правовой почвы последние остатки проклятых вредительских, антимарксистских, антиленинских извращений, что мы на расчищенной почве нашей науки под великим ленинско-сталинским знаменем семимильными шагами двинемся вперед, что мы под руководством партии Ленина — Сталина и на нашем правовом фронте одержим блестящие и великие победы на благо советского народа и нашей великой родины!

Г. РОГИНСКИЙ

Социалистическая собственность священна и неприкосновенна

7 августа 1932 г. исполнилось шесть лет со дня издания Центральным исполнительным комитетом и Советом Народных Комиссаров Союза ССР исторического закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», закона, вошедшего в историю великой Октябрьской социалистической революции, в историю борьбы рабочего класса за построение в СССР социалистического общества как наиболее знаменательного и важного закона великой эпохи строительства социализма.

Этот закон явился прямым ответом на требования миллионов масс трудящихся нашей великой родины о принятии решительных мер охраны общественной социалистической собственности, являющейся основой всего социалистического строя.

Закон 7 августа 1932 г. явился новым этапом в борьбе за социалистическую собственность, выражая громадные успехи нового общественного строя, созданного в результате героических усилий рабочего класса и всех трудящихся, построивших в СССР, под руководством нашей непобедимой коммунистической партии,

во главе с ее ЦК и великим вождем и учителем товарищем Сталиным, новое социалистическое общество.

Закон 7 августа 1932 г. явился доказательством того, что принцип социализма, выражающийся в господстве социалистической собственности, окончательно победил в нашей стране. Господство социалистической собственности окончательно и бесповоротно закреплено во всех областях нашего народного хозяйства.

Товарищ Сталин в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов о проекте новой Конституции СССР говорил: «Таким образом полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом.

А что это значит?

Это значит, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как неизбежная основа нашего советского общества»¹.

Победа общественной социалистической собственности решила победу социализма в Стране советов.

Товарищ Сталин в своей беседе с Рой Говардом указал: «Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, земля, банк, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной»².

Великие успехи социализма в нашей стране закреплены и записаны в Сталинской Конституции — кодексе завоеваний великой пролетарской социалистической революции.

Важнейшим завоеванием революции является создание экономической основы социализма в результате ликвидации паразитических классов.

«Экономическую основу СССР составляет социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившаяся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком», — так гласит статья 4 Сталинской Конституции СССР.

Совершенно естественно, что при том гигантском значении социалистической собственности, при той исключительной роли, какую она играет во всей народнохозяйственной жизни страны, классовый враг не может не направлять своих основных усилий именно против социалистической собственности.

Классовый враг, разгромленный в открытых боях в эпоху гражданской войны, озлобленный, потерявший уже надежду на восстановление утраченного им навсегда экономического и политического господства, всю силу своей звериной ненависти обрушил на социалистическую собственность — основу социалистического строя СССР.

Наиболее озверевые враги дела Ленина — Сталина, враги социализма, подлые агенты фашизма из правотроцкистского и буржуазно-наци-

оналистического темного, грязного подполья, наряду с шпионажем, изменой, террористическими актами, вредительством, диверсиями — посягали на социалистическую собственность, пытались расхищением социалистической собственности подорвать основу советского строя.

Враги социализма, все эти представители умирающих классов, «промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы»³, как указывал товарищ Сталин в своем докладе об итогах первой пятилетки, все эти «бывшие люди» распознаны по колхозам и совхозам, по различным государственным, кооперативным и общественным учреждениям и организациям с затаенной злобой, ненавистью и решимостью всячески накопить и вредить советской власти. Главным в их преступной деятельности являются посягательства на основу советского строя — на социалистическую собственность, на государственное и общественное достояние.

Товарищ Сталин еще в 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) указал, что «главное в «деятельности» этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности»⁴.

Прошедшие за последние годы судебные процессы о злодеяниях право-троцкистских бандитов и в особенности последний процесс «антисоветского право-троцкистского блока» показали, что право-троцкистские бандиты и их сообщники — буржуазные националисты, эсеры, меньшевики и т. п. агенты фашизма, стремясь расшатать и ослабить хозяйственную и политическую мощь советского строя, направляли свою преступную деятельность против социалистической собственности, расхищая и уничтожая государственное и общественное имущество путем вредительства, диверсии, воровства, растрат, присвоения общественных и государственных ценностей. Хитро и ловко используя политическую слепоту и доверчивость отдельных наших работников, классовый враг ведет свою преступную хищническую работу, стараясь поколебать основу советского строя — социалистическую собственность.

Именно потому, что социалистическая собственность является действительной основой советского строя, основой советского государства, против социалистической собственности и направляются разбойничьи удары и вылазки классового врага.

Ответом на эти вылазки врагов социализма и явился закон об охране общественной (социалистической) собственности, изданный 7 августа 1932 года. Издавая этот закон, ЦК и Совнарком СССР подчеркнули, что «общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя. Она священна и неприкосновенна и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа».

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936 г., стр. 9—10.

² Сталин, Беседа с Рой Говардом, Партиздат, 1936 г., стр. 17.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 507.

⁴ Там же.

Глава советского правительства тов. Молотов В. М. говорил: «Наша страна коренным образом перестроилась в своей социально экономической основе, преобразовавшись в страну социалистическую. Только поэтому стало возможным издание в 1932 г. известного закона, провозгласившего, что «общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа»⁵.

Ставя перед всеми органами советской власти в качестве первой задачи решительную борьбу с расхитителями общественного имущества и идя в этом отношении навстречу требованиям рабочих и колхозников, ЦИК и СНК СССР приняли постановление, являющееся могучим оружием в борьбе с врагами советского государства — закон 7 августа 1932 г.

Товарищ Сталин по поводу этого закона сказал, что «Этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент». И что «...обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника»⁶.

К сожалению многие прокуроры не понимают этого даже теперь, спустя 6 лет после издания закона 7 августа 1932 года. Они не понимают всей важности честного и неуклонного выполнения обязанности решительной борьбы за охрану социалистической собственности, борьбы с расхитителями и расхищением социалистической собственности. Недооценивая опасность этого дела, они, как сказал товарищ Сталин, склонны благодушно смотреть на подобные явления, не понимая смысла и значения фактов массового воровства и хищения. «Они,— говорил про этих людей товарищ Сталин,— как слепые проходят мимо этих фактов, полагая, что «тут нет ничего особенного», «Но они, эти товарищи,— указывал далее товарищ Сталин,— глубоко заблуждаются. Основой нашего строя является общественная собственность так же, как основой капитализма — собственность частная. Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли»⁷.

Закон 7 августа 1932 г. помог советской власти разгромить врага, подавить его бешеное сопротивление делу социализма посредством посягательств на социалистическую собственность. В этом именно значение закона 7 августа, его громадная историческая роль.

Особое значение закона 7 августа в полной мере сохранено и сейчас. Он должен и будет действовать и впредь, пока будет жив хотя бы один враг, осмеливающийся посягнуть на социалистическую нашу собственность, священную и неприкосновенную основу нового, социалистического общества, социалистического государства рабочих и крестьян.

Товарищ Сталин в докладе об итогах первой пятилетки говорил: «Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти,— является одной из основных задач партии»⁸.

Воровство и хищения общественной социалистической собственности в настоящих условиях являются наиболее распространенной формой классовой борьбы врагов социализма. Особая опасность этой формы сопротивления врагов социализма заключается в том, что преступная деятельность расхитителей общественной ценностей, в известных случаях, прикрывается попустительством, пассивностью, безразличным отношением к этому виду преступлений со стороны отдельных политически слепых, благодушно настроенных людей. Именно пассивность и благодушное отношение к расхитителям общественной собственности предоставляет немало возможностей вора и расхитителю общественных ценностей уйти от карающего меча советского правосудия, остаться неразоблаченными и не преданными в руки органов революционной законности.

С этим благодушием, с этой политической слепотой в отношении расхитителей общественной собственности должно быть раз и навсегда покончено.

Товарищ Сталин неоднократно требовал такой мобилизации общественного негодования к расхитителю народного достоинства, которое делало бы вора в глазах всех окружающих таким же преступником, как «шпион и предатель, если не хуже».

Товарищ Сталин неоднократно требовал создания в отношении расхитителей общественной собственности такой «моральной атмосферы, которая делала бы невозможной жизнь и существование воров и расхитителей народного добра».

Закон 7 августа заключает в себе органическое сочетание двух основных требований — беспощадного разгрома и подавления классового сопротивления врагов социализма и их агентуры и мобилизации общественного внимания к задаче охраны общественной социалистической собственности, укрепление нового социалистического правосознания и новой пролетарской дисциплины.

С этой точки зрения закон 7 августа и определяет основные принципы советской уголовной политики и определяет основные задачи, стоящие перед органами советской юстиции в борьбе против расхитителей и хищения общественной социалистической собственности.

Социалистический строй окончательно и бесповоротно победил в нашей стране. Он является

⁵ В. М. Молотов, Об изменениях в советской Конституции, Партиздат, 1935 г., стр. 14.

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 509.

⁷ Там же, стр. 508.

⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 509.

единственно господствующей и командующей общественной силой и опирается на общественную социалистическую собственность, интересы, охрана и укрепление которой составляют основную заботу революционной законности всего пролетарского государства. Вот почему перед органами советской юстиции, перед работниками прокуратуры с такой остротой стоит задача дальнейшей борьбы, самой непримиримой и большевистски последовательной, борьбы за социалистическую собственность.

Троцкистско-бухаринские агенты фашистских разведок, эти гнусные изменники и предатели, принимали все меры к дискредитации закона 7 августа 1932 г. Через своих подручных, пробравшихся в органы юстиции, они пытались спасти от закона 7 августа 1932 г. врагов народа. Троцкистско-бухаринские вредители, пробравшиеся в органы юстиции, умышленно извращали нашу судебную политику, неправильно применяя закон 7 августа 1932 г., стараясь путем этих извращений ослабить борьбу с расхитителями общественной собственности.

Как это открылось теперь, троцкистско-бухаринские отщепенцы — эта подлейшая агентура японо-германских фашистских разведок, эти озверелые бандиты (Крыленко, Булат, Берман, Пальгов, Барков и др.), пробравшиеся в органы юстиции, сознательно пытались направить острый закон 7 августа не против врагов народа, а против трудящихся, совершивших мелкие хищения.

Признаниями некоторых из числа троцкистско-бухаринских изменников установлено теперь, что крыленковские вредители умышленно извращали нашу судебную политику, умышленно неправильно применяли закон 7 августа, стараясь этими извращениями спровоцировать недовольство и озлобление против закона 7 августа, против советского правительства и нашей коммунистической партии.

Это они, изменники социалистической родины, отдавали под суд и выносили суровые приговоры по закону 7 августа за кражу колосов с полей, оставшихся после жатвы, за мелкие кражи овощей, муки и т. д. и т. п.

Предательской деятельности изменников из троцкистско-бухаринского подполья, орудовавших в судебно-прокурорской системе, способствовало притупление классовой бдительности и неудовлетворительная работа следственного аппарата. Недостатками в работе следственного аппарата, отсутствием должного прокурорского надзора за работой следственного аппарата, отсутствием большевистской политической заостренности, притуплением классовой бдительности у ряда прокуроров, всем этим пользовались враги народа — троцкисты, правые, меньшевики и эсеры, пробравшиеся в органы юстиции для своей подрывной деятельности. Они сознательно запугивали судебные дела. Применяясь к своеобразным условиям и характеру работы органов юстиции, эти негодяи, если им только удавалось проникнуть в судебную систему, старались спровоцировать недовольство советской властью несправедливыми и незаконными приговорами.

Эта подлая работа полностью разоблачена. Разоблачены и подлые преступники. Преступления и преступные извращения вскрыты и устранены, исправляются вредительства.

Борьба с хищениями общественной социалистической собственности приобретает на данном этапе особое значение, и это должен понять, осознать каждый работник юстиции, каждый следователь, прокурор и судья.

Каждый работник юстиции должен так построить свою работу, чтобы на каждое посягательство на общественную социалистическую собственность подлого и коварного врага советской власти, советского правительства и партии — ответить беспощадным ударом.

Каждый прокурорский работник должен помнить, что закон 7 августа 1932 г. является отражением всего существа советской уголовной политики, направленной на защиту интересов социалистического государства рабочих и крестьян и на охрану прав и интересов трудящихся.

Каждый прокурор, применяя закон 7 августа 1932 г., должен решить два вопроса — это беспощадный разгром классового врага и его агентуры, с одной стороны, и мобилизацию общественного мнения, мобилизацию нашей советской общественности против этих, как говорил товарищ Сталин, в своем докладе в Ленинграде 13 апреля 1926 г., «веселых и невеселых воров» — с другой стороны. Каждый приговор против врагов народа — расхитителей общественной социалистической собственности должен в то же время быть направлен против таких настроений, против тех, кто не считает необходимой борьбу со всяким жульничеством, всякими жульническими махинациями, направленными против интересов общественной социалистической собственности.

Иначе говоря, каждый судебный приговор по делам о расхитителях общественной социалистической собственности должен заключать в себе выражение двуединства задач, составляющих содержание всей советской уголовной политики: с одной стороны разгром врага и его агентуры, с другой — мобилизации общественного негодования, против расхитителей народного достоинства, которое делало бы вора в глазах всех окружающих таким же преступником, как «шпион и предатель, если не хуже».

На основе декрета 7 августа 1932 г. мы достигли огромных успехов в борьбе за охрану общественной собственности. Этот закон полностью оправдал себя. Он действительно поднял на борьбу с врагами народа, расхищающими общественное достояние, гнев народа, энергию масс, мобилизовал их бдительность и внимание.

Громкое снижение числа осужденных по закону 7 августа 1932 г., которое мы имеем из года в год, явилось результатом действительного снижения самого числа этих преступлений. Это снижение явилось несомненно прямым следствием тех мероприятий, которые были проведены в связи и на основе закона 7 августа 1932 г. Сотни тысяч и миллионы трудящихся на закон 7 августа 1932 г. ответили удешевлением своих усилий по охране колхозного, кооперативного и государственного имущества. Под влиянием этих усилий, — проверки людей, контроля их работы, лучшего учета имущества, более последовательной борьбы с различного рода злоупотреблениями и т. д. хищения стали падать и сокращаться в количественном и качественном своем выражении.

Судебные процессы, проведенные при громадной мобилизации советской общественности, помогли вскрыть различные рычаги и пружины,

которыми пользовались и пользуются хищники в своих воровских махинациях, направленных против общественной собственности.

Шестую годовщину закона 7 августа 1932 г. весь Советский Союз встречает во всеоружии силы и мощи социалистического государства рабочих и крестьян.

Подводя итоги, мы снова подчеркиваем историческое значение закона 7 августа 1932 г. При помощи этого закона органы пролетарской диктатуры громил бешеное сопротивление делу социализма со стороны последних остатков умирающих эксплуататорских классов. При помощи этого закона предотвращено немало посягательств наших врагов на интересы нашего народного хозяйства.

При помощи этого закона еще более укрепилось уважение к правилам социалистического общежития, опирающегося на общественную собственность и в ее неприкосновенности находящего твердую опору своего дальнейшего и всестороннего развития.

Сталинская Конституция в главе 10-й, подчеркивая основные права и обязанности граждан, особо выделяет обязанность беречь и укреплять общественную социалистическую собственность.

Статья 131 Конституции возлагает на каждого гражданина СССР обязанность «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

Сталинская Конституция подчеркивает, что именно общественная социалистическая соб-

ственность, являющаяся основой советского строя, есть источник богатства и могущества нашей родины, источник зажиточной и культурной жизни трудящихся.

Вот почему процветание и укрепление общественной социалистической собственности является основой благосостояния и личного счастья каждого трудящегося СССР.

Вот почему лица, покушающиеся на общественную социалистическую собственность, являются врагами народа и подлежат суровому наказанию.

Борьба за охрану общественной социалистической собственности — это не только борьба с расхитителями и врагами народа. Это борьба за советскую дисциплину, за экономию, за бережное и рачительное отношение к народному достоянию, борьба с бесхозяйственностью, расхлябанностью, разгильдяйством, халатностью, борьба против старых привычек и пережитков старой, мелкобуржуазной психологии.

На основе Сталинской Конституции мы должны выковывать новое коммунистическое самосознание, характеризующееся отношением к общественной собственности как «священной и неприкосновенной», уважением к правилам социалистического общежития. Это указание Сталинской Конституции означает необходимость и сейчас, после 6-летнего действия закона 7 августа 1932 г. усилить борьбу с хищениями общественной социалистической собственности, с тем, чтобы, как говорил товарищ Сталин на Январском пленуме ЦК и ЦКК в 1933 г., «развешать в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации».

Б. ШНАЙДМАН

Президиум Верховного Совета Союза ССР — коллегияльный президент

Введение Сталинской Конституции знаменует собой поворот в политической жизни страны. Существование этого поворота заключается в дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенными — прямыми, открытыми — закрытыми и ликвидация всяких ограничений, существовавших ранее для так называемых лицезцев. Изменения в экономической жизни СССР, в классовой структуре нашего общества и в национальных взаимоотношениях народов СССР, происшедшие за период от 1924 до 1936 г., дали возможность еще больше развить советский демократизм, развернув его до конца.

Структура высших органов власти Союза ССР, порядок их выборов, их компетенция всецело соответствуют духу подлинного демократизма страны социализма.

Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет Союза ССР, состоящий из двух равноправных палат — Совета Союза и Совета Национальностей.

Верховный Совет Союза ССР — единственный орган, впитавший в себя всю полноту народного верховенства. Только он один имеет право издавать законы и изменять законы. Все остальные органы: Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР, народные комиссариаты подотчетны

и подчинены Верховному Совету, являющемуся подлинным народным парламентом. Они работают на основе законов СССР, изданных Верховным Советом Союза ССР, и издают установленные Конституцией акты во исполнение этих законов.

Президиум Верховного Совета Союза ССР — это такой орган высшей власти, который существует не только впервые в Советском Союзе, но и впервые в истории человеческого общества.

Функции и деятельность этого органа полностью соответствуют общественному и государственному устройству Союза ССР.

Как указал товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов Союза ССР, — наш президиум Верховного Совета есть не единоличный, а коллегияльный президент.

Общественное и государственное устройство Союза ССР диктует образование именно такого рода президента, а не другого.

Во время всенародного обсуждения проекта Сталинской Конституции было внесено предложение об избрании председателя Президиума Верховного Совета СССР всем населением, а не Верховным Советом. Это означало бы по существу противопоставление председателя Президиума Верховного Совета самому Верховному Совету, это поставило бы председателя Президиума

дiums Верховного Совета в независимое положение, на манер главы государства в буржуазных странах.

Товарищ Сталин в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов «О проекте Конституции» указал, что «По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением, наравне с Верховным Советом, и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный,— это Президиум Верховного Совета, включая и председателя Президиума Верховного Совета, избираемый не всем населением, а Верховным Советом, и подотчетный Верховному Совету»¹.

В большинстве буржуазных стран президент выбирается отдельно от парламента и противопоставляет себя последнему. Этим нарушается и до того урезанный демократизм. Буржуазия в лице президента оставляет для себя еще один резерв для ограничения демократии и подавления трудящихся.

Подчинение Президиума Верховному Совету, зависимость его от Верховного Совета продиктована духом социализма. Товарищ Сталин указывал, что «опыт истории показывает, что такое построение верховных органов является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей». Опыт существования единоличных президентов в буржуазно-демократических странах (США, Франция и т. д.) полностью подтверждает эти указания товарища Сталина. Известно, что Наполеон III, пробыв 4 года президентом Франции, провозгласил себя императором, совершив государственный переворот.

В Португалии генерал Карнон, являвшийся также ранее президентом, не удовлетворился затем этой ролью и объявил себя диктатором.

Рассматривать положение президента в буржуазных республиках необходимо в неразрывной связи с положением главы государства в капиталистических странах.

Главой государства в США считается президент, в Англии — король, в Японии — император, во Франции — президент, в Польше — президент и т. д. Различие в названии не дает оснований утверждать о наличии различия в их правах.

Президент в буржуазных государствах — это глава республики. Король — глава монархии. Однако известно, что различие государственного правления не меняет существа эксплуататорских типов государств. Ленин это ярко показал в своей лекции «О государстве», прочитанной им в 1919 г. в Свердловском университете. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что существе власти президента, короля или императора зависит не от названия, а от общественного устройства, от интересов господствующего класса. Президент США, по проекту Франклина, в 1748 году должен был назначаться королем. Когда в результате национально-освободительной борьбы США освободились от иго великобританского короля, положение президента США по Конституции 1787 года стало очень сходным с положением английского короля. Об этом говорит сами буржуазные идеологи. Джемс Брайс пишет, что «...президент республики (в США —

В. Ш.) то же, что Георг III (английский король — В. Ш.), лишенный некоторых прав вследствие вмешательства сената в заключение трактатов и назначение должностных лиц, а с другой стороны, ограниченный в своем влиянии на государственные дела тем, что он остается в должности не пожизненно, а в течение 4 лет» (Дж. Брайс, Американская республика, ч. 1, Москва, 1889 г., стр. 37—38).

Так называемые «творцы» американской конституции наделили президента, который выбирается не прямыми выборами, огромными полномочиями. Президент США является главой министров, которые не отвечают перед парламентом (в США министров называют секретарями). Президент является главой армии и флота, он руководит внешней политикой, он обладает правом накладывать вето на законы парламента, т. е. он может задержать вступление закона в силу, передав его на новое рассмотрение, что в руках президента является весьма эффективным. Некоторые буржуазные идеологи характеризуют власть президента как «демократический цезаризм».

С мировой войны власть президента еще больше усилилась. Президент обладает такой силой, как право подписывания законопроектов. Хотя без согласия сената ни один законопроект не может препродаться на подпись президента, и для утверждения международных договоров, подписываемых президентом, требуется большинство (2/3 сената), однако, полномочия президента все же расширяются, ибо в США существует практика так называемых «соглашений исполнительной власти», которые не нуждаются в утверждении сената.

Президент французской республики избирается сенатом и палатой депутатов, которые для этого объединяются в так называемое национальное собрание.

Французский президент имеет право распустить палату депутатов до срока, запросив предварительно мнение сената по этому вопросу. Этот факт свидетельствует о том, что президент республики противопоставлен парламенту; ст. 5 французской конституции дает огромное оружие в руки французской буржуазии по отношению к парламенту. Когда это ей угодно будет, она «непослушный» парламент может распустить.

Сенат и палата депутатов собираются во Франции ежегодно во «второй вторник января, если президент республики не назначит созыва на более ранний срок». Президент республики объявляет о закрытии сессии. Он имеет право экстренного созыва палат, он может отсрочить заседание палат. Это является таким средством, при помощи которого буржуазия может распустить парламент для того, чтобы парализовать его работу.

Французский президент, правда, активен менее американского, потому что так угодно и выгодно французской буржуазии. Когда же ей понадобится уничтожить парламентскую работу, то она воспользуется правом президента отсрочивать заседания палат.

В Польше своего преемника на пост президента назначает сам уходящий президент, причем этим кандидатом может быть и он сам. Кроме того, создается комиссия выборщиков в составе 80 человек, из которых 5 входит по своему положению (премьер, председатели сейма и сената, на-

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 41.

чальник вооруженных сил, председатель высше-го суда), 50 человек выбирает сейм и 25 — сенат.

Если такая комиссия соглашается с кандидатурой, которую выдвинул президент, то этот человек становится президентом, а если комиссия выдвигает другого, то тогда вопрос передается на «народное» голосование, причем народ имеет право выбирать лишь одного из двух намеченных кандидатов. По польской конституции 1935 г. президента республики избирает национальное собрание, образованное в результате соединения сейма и сената.

Вся власть, согласно польской конституции 1935 г., сосредоточена в руках президента. Ему же, по существу, подчинен и парламент. Польский президент по своему усмотрению может в любое время приостановить открытие чрезвычайной сессии сейма.

Президент республики может распустить сейм и сенат до истечения законного срока, по предложению совета министров. Ст. 51 польской конституции указывает, что «за свои должностные акты президент республики не несет ответственности ни парламентской, ни гражданской».

Американский президент может также отсрочить созыв палат на такое время, какое сочтет подходящим. «Подходящее» же это время определяется буржуазией так, как это ей выгодно.

Буржуазная государственная власть, по замечательному выражению Маркса, есть комитет по заведыванию общими делами буржуазии. Парламентарии, президенты, министры выполняют волю своего хозяина — буржуазии.

Но так как некоторые члены этого «комитета» могут время от времени не выполнять в должной мере воли буржуазии, то буржуазия оставляет за собой резервы, при помощи которых она обеспечивает для себя проведение желательных для нее мероприятий во исполнение диктатуры буржуазии. Одним из таких резервов является президент республики.

Президенты в буржуазных странах не ответственны перед парламентами; французский президент ответственен только в случае государственной измены; президент США также по существу не ответственен перед парламентом, он может быть отрешен от должности только если по обвинению в порядке импичмента * он будет признан виновным в измене, взяточничестве или других важных преступлениях и проступках.

Эта безответственность президента является продолжением безответственности короля, впервые установленной в Англии. Наделение английской буржуазией своего короля такими функциями породило известное утверждение: «английский король царствует, но не управляет». Он не руководит непосредственно правительством, а от его имени управляет «правительством его величества». В Англии считается, что король «не может быть не прав»... Это также подтверждает, что президенты в буржуазных странах являются единоличными главами государств. Ограничения же, формально записанные в буржуазных конституциях, являются лишь ширмой для прикрытия диктатуры буржуазии. Это, понятно, не означает, что президент действует всегда так, как ему заблагорассудится. Президент выполняет волю господствующего класса. Известно, что польский президент — это лишь

марионетка в руках буржуазии. Даже Рузвельт — американский президент, являющийся наиболее сильной фигурой среди президентов, ничего не в состоянии сделать, даже если бы он хотел, меняющее основы капитализма. «Как только Рузвельт или какой-либо другой капитан современного буржуазного мира захочет предпринять что-нибудь серьезное против основ капитализма, он неизбежно потерпит полную неудачу»¹.

Президиум Верховного Совета Союза ССР не может быть противопоставлен Верховному Совету СССР. Его компетенция и деятельность всецело вытекают из прав, которыми наделяют его Конституция СССР и Верховный Совет СССР.

Президиум Верховного Совета СССР избирается на совместном заседании обеих палат Верховного Совета в составе председателя президиума Верховного Совета СССР, 11 его заместителей по числу союзных республик, входящих в состав СССР, секретаря президиума и 24 членов президиума. В состав Президиума Верховного Совета СССР не входят наркомы как подотчетные Президиуму Верховного Совета. В его состав также не входят председатели палат, так как Президиум Верховного Совета подотчетен Верховному Совету.

Сравнение выборов президентов в капиталистических странах с выборами нашего коллегиального президента — Президиума Верховного Совета — еще раз подчеркивает подлинный демократический характер выборов нашего президента, подчиненность его задач и функций народным интересам в отличие от независимого положения и представления интересов эксплуататорских классов президенту буржуазных стран. Наш президент — Президиум Верховного Совета опирается на народ, тогда как буржуазный президент опирается на господствующий класс — кучку эксплуататоров. Советский президент опирается на многонациональный народ, тогда как буржуазный президент опирается на державную нацию.

Сам порядок избрания Президиума Верховного Совета подчеркивает принципиальное отличие нашего коллегиального президента от президента в буржуазных странах. Наш Президиум Верховного Совета выбирается советским парламентом сугубо демократическим путем. Это также подчеркивает его подчиненность, подотчетность, зависимость от Верховного Совета. Президент же, например, США избирается выборщиками, количество которых равно числу депутатов и сенаторов от каждого штата.

Состав Президиума Верховного Совета подтверждает основную идею коллегиального советского президента. Если в США, Франции, Польше, Японии главой государства является один человек, представитель господствующего класса эксплуататоров, выполняющий его волю, то в советской стране Президиум Верховного Совета — коллегиальный президент состоит из 37 человек, лучших сынов народа, представителей многонационального государства, отражающих интересы рабочих, крестьян и интеллигенции страны социализма.

Мы уже указывали, что Президиум Верховного Совета не имеет права издавать законы. Их издает лишь Верховный Совет.

Публикуются же они на языках союзных рес-

* Импичмент — преследование должностного лица в особом порядке обвинения.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 601.

публик за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР. Однако это не имеет такого значения, какое имеет посылка законопроектов в США на подпись президенту. Президент этим правом пользуется в направлении воздействия на палаты парламента.

Наш же Президиум Верховного Совета не может воздействовать на принятие закона Верховным Советом СССР тем, что опубликование этих законов производится за подписями двух членов Президиума Верховного Совета, так как им не предоставлено право вносить коррективы в принятый Верховным Советом закон. Публикуя принятый Верховным Советом закон, Президиум Верховного Совета лишь удостоверяет подлинность принятого Верховным Советом закона.

Президиум Верховного Совета созывает два раза в год сессию Верховного Совета СССР. Он имеет право созывать и внеочередные сессии Верховного Совета по своему усмотрению, а также обязан созвать внеочередную сессию по требованию одной из 11 союзных республик.

Это является важнейшей функцией Президиума Верховного Совета, записанной в Сталинской Конституции. Однако Президиум Верховного Совета не может этим пользоваться для того, чтобы воздействовать на работу Верховного Совета, во-первых, потому, что природа наших высших органов вытекает из природы советского государства, из природы советского демократизма; во-вторых, потому, что Конституция СССР четко определяет, что созыв очередных сессий Президиум Верховного Совета обязан производить только два раза в год.

Наш Президиум Верховного Совета не имеет права по своему усмотрению, досрочно, распускать Верховный Совет, ибо он является органом подотчетным, подчиненным Верховному Совету. Это вытекает полностью из природы советского государства, где нет и не может быть органа, стоящего над Верховным Советом и противопоставляющего себя ему. Президиум Верховного Совета распускает Верховный Совет СССР только в том случае, если между палатами советского парламента, — Советом Союза и Советом Национальностей — будут разногласия, которые передаются на рассмотрение согласительной комиссии, образуемой на паритетных началах.

Когда эта комиссия не приходит к согласному решению, или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, и вопрос этот разрешался вторично в палатах и не получил согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета распускает Верховный Совет и назначает новые выборы. Роспуск Верховного Совета Президиум Верховного Совета производит, стало быть, не по своему усмотрению, а лишь в порядке выполнения своей технической функции, возложенной на него Конституцией. Роспуск Верховного Совета в случае, предусмотренном Конституцией СССР, еще раз подчеркивает равноправность палат. Роспуск Верховного Совета будет означать, что вопрос, по которому палаты не приняли согласного решения, передается на обсуждение всего народа.

После истечения срока полномочий Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы, сохраняя свои функции только до момента избрания нового Президиума Верховного Совета. В буржуазных

странах, когда распускается парламента, президент остается и этим противопоставляется парламента. В СССР же после роспуска Верховного Совета Президиум Верховного Совета выполняет свои функции лишь до выборов нового Президиума Верховного Совета.

Президиум Верховного Совета СССР, являясь одним из важнейших органов в системе высших органов власти СССР, не может быть противопоставлен советскому парламента — Верховному Совету.

Наш Президиум Верховного Совета СССР представляет интересы советского народа и свою работу в системе высших органов власти проводит в интересах этого народа.

Председатель Президиума Верховного Совета руководит работой Президиума Верховного Совета, подписывает все акты, принимаемые Президиумом Верховного Совета, представляет от его имени, наблюдает за выполнением коллективно принятых решений, принимает от его имени аккредитованных послов других государств и т. д. Он не является единоличным президентом, как это имеет место в капиталистических странах; кроме него имеются еще 11 заместителей по числу союзных республик. Наличие 11 заместителей укрепляет авторитет Президиума Верховного Совета СССР. Этим еще раз подчеркивается равенство входящих в СССР союзных республик.

Компетенция Президиума Верховного Совета предусмотрена Сталинской Конституцией: до Сталинской Конституции толкование законов находилось в руках ряда органов власти СССР; так например, толкование законов давал Верховный суд, НКЮ ст. В интересах единства толкования законов СССР, что вытекает из стабильности законов СССР, о которых говорил товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов, это толкование дает Президиум Верховного Совета. Никакие другие органы не могут давать толкования законов СССР.

Президиум Верховного Совета СССР обладает важнейшей функцией — издавать указы. Термин «указы» впервые введен Сталинской Конституцией. Сталинская Конституция четко разграничила: закон — акт Верховного Совета, указ — акт Президиума Верховного Совета, постановление и распоряжение — акт СНК, приказы и инструкции — акты народных комиссаров.

Мы уже указывали, что Президиум Верховного Совета СССР не имеет права издавать законы. Это право Сталинской Конституцией предоставлено исключительно Верховному Совету — советскому парламента.

Закон представляет из себя правовую норму, выражающую волю рабочего класса и всего советского народа, являющуюся орудием диктатуры рабочего класса, орудием построения коммунизма. Закон — это общая норма, устанавливаемая в интересах всего советского народа, на основе которой все органы советской власти должны строить свою работу.

Закон определяет правоотношения социалистического общества, вытекающие из социалистических производственных отношений.

Указы Президиума Верховного Совета СССР издаются на основании действующих советских законов и, в первую очередь, на основании Сталинской Конституции.

Указ Президиума Верховного Совета — это правовая норма, регулирующая социалистические

правоотношения. Однако указ по сравнению с законом — более узкая норма, ибо она вытекает из общей правовой нормы, установленной законом на основе законов Верховного Совета.

Буржуазные ученые запутали вопрос о законах, об указах, как вообще запутали учение о государстве и праве. Буржуазные ученые различают законы в формальном отношении или исключительно в материальном отношении. Так, немецкий юрист Гаррисс законами в формальном смысле называет те государственно-административные нормы, которые устанавливаются при участии народного представительства, т. е. парламента. Закон в материальном смысле — правительственные акты, которые имеют своим содержанием установление новой нормы права, но без участия народного представительства.

Такое понятие закона ничего общего не имеет с марксо-ленинским учением о законе и законности. Закон выражает волю господствующего класса. Господствующий класс свое право закрепляет при помощи государственной машины законами.

Точно так же буржуазия не дает четкого определения указа, понимая под указом акт исполнительной власти. Коркунов определяет следующим образом указ: «Указ есть общее правило, устанавливаемое в порядке управления. Указ отличается от закона отсутствием законодательной формы; от других актов управления тем, что им устанавливается не частное распоряжение, а общее правило»².

Причем Коркунов рассматривает указы, устанавливающие юридические нормы, и указы, содержащие только правила целесообразности, нормы технические. Первые указы Коркунов называет юридическими указами — *Rechtsverordnungen*, вторые — указами административными — *Verwaltungsverordnungen*.

По Коркунову указы технические определяют общие правила целесообразного существования какой-нибудь отдельной задачи управления. Это — дело административных органов. Юридические указы устанавливают такие нормы, которые по мнению Коркунова обуславливают собой права и обязанности граждан. Поэтому, говорит Коркунов, технические указы могут и не публиковаться для всеобщего сведения, тогда как юридические указы должны быть известны всем.

Такое понятие указов подтверждает, что в эти акты буржуазные юристы не вкладывают, да и не могут вложить классового содержания, классовой направленности, как в акты, издаваемые во исполнение воли господствующего класса.

Само издание указов, по мнению Коркунова, вызывается необходимостью «определения общим образом способа существования в пределах уже существующего и, так или иначе, определенного права, какого-нибудь отдельного интереса, входящего в сферу задач государственного управления»³. Таким образом, по Коркунову указ должен регулировать отдельный интерес, а не интересы общества. Реакционность этого утверждения вполне очевидна.

Указывая на то, что право издания указов может основываться на полномочиях органов, получающих для управления государством, или

на специальном на то полномочии закона, Коркунов все же не раскрывает сущности указа в отличие от закона.

Разграничивая указы на определительные, определяющие деятельность администрации; на исполнительные как условия исполнения законов; на самостоятельные и несамостоятельные указы, буржуазная наука не дает и не может дать классового содержания указов. Совершенно неправильное определение указа было дано врагом народа Чаляповым, долгое время подвизавшимся на теоретическом правовом фронте и не мало навредившим ему.

Чаляпов сводил указ к акту, издаваемому исполнительной властью, и считал его неприменимым к условиям советской действительности только потому, что термин «указ» имеется в буржуазных странах, не желая видеть и сознательно смазывая иную классовую природу советских указов.

Путаница по вопросу о советском указе существует до сих пор. Так, в недавно выпущенной Союзгизом брошюре Дзидзанидзе «Высшие органы государственной власти и государственного управления СССР» указывается, что содержанием советских указов может быть лишь толкование законов, чем явно искажается природа советских указов, их роль и значение. Указы Президиума Верховного Совета, изданные после первой сессии Верховного Совета (об образовании новых областей, о смещении и назначении наркомов, о награждениях и т. д.), лучшее опровержение утверждений Дзидзанидзе.

Указы Президиума Верховного Совета, не будучи законами, обязательны к исполнению, ибо они основываются на советских законах, они издаются Президиумом Верховного Совета, как высшего органа государственной власти в СССР, действующего на основании своих полномочий.

Практика издания указов Президиума Верховного Совета 1-го созыва говорит за то, что указы не устанавливают общую норму, что они вытекают именно из действующего законодательства, что они издаются на основе законов Верховного Совета. Так, мы имеем указы о награждении орденами; эта функция Президиума Верховного Совета определена Сталинской Конституцией; мы имеем указы об освобождении от должности и назначении новых народных комиссаров (народного комиссара путей сообщения, народного комиссара водного транспорта, народного комиссара заготовок), это также предусмотрено Сталинской Конституцией. Имеем мы также указы об утверждении образования новых областей, т. е. по вопросу, отнесенному к ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления. К ним относится указ президиума Верховного совета СССР от 28 мая 1938 г. об утверждении постановления ВЦИК об образовании Мурманской области и указ от 3 июля 1938 г. об утверждении постановления ЦИК УССР о разделении Донецкой области на Сталинскую и Ворошиловградскую.

За время работы Президиума Верховного Совета был издан ряд указов о награждениях орденами и о награждении работников РККА медалью «XX лет РККА».

Указы Президиума Верховного Совета имеют силу только при условии непротиворечия их законам.

² Н. М. Коркунов, Указ и закон, 1894 г., стр. 227.

³ Коркунов, стр. 237.

Так как они издаются только на основании действующего законодательства и во исполнение тех обязанностей, которые возложены на Президиум Верховного Совета, то указы Президиума Верховного Совета не противоречат и не могут противоречить советским законам.

В силу того, что указы всецело подчинены законам и им соответствуют, они тем паче не могут ни отменить, ни приостановить действия закона.

Президиум Верховного Совета не может также издавать таких указов, которые бы освободили кого-либо от подчинения или выполнения действующих и вновь изданных законов СССР.

Указом Президиума Верховного Совета может быть дано толкование закону. Эта функция Президиума Верховного Совета ничего общего не имеет с понятием суспензии или диспензии.

Контроль за изданными указами Президиума Верховного Совета осуществляется самим Президиумом Верховного Совета.

Он же может отменить или изменить соответствующий указ.

В буржуазных странах, где конституции принимаются всегда с целью сокрытия действительных классовых отношений, указы издаются, как правило, в нарушение и ограничение конституции и законов. Коркунов пишет, что «без нарушения конституции иногда нельзя обойтись, так же как без нарушения обыкновенных законов»⁴.

Таким образом, буржуазные юристы даже теоретически оправдывают нарушения конституции, нарушения законов. Этим они лишний раз подтвердили то, что своими теориями они выполняют социальный заказ буржуазии, фашистов. Признание нарушения законов вполне нормальным и даже неизбежным явлением есть не что иное, как теоретическая база для фашистского произвола, террора. Откровенное признание буржуазных юристов в необходимости нарушения конституции и изданных законов подтверждает и тот факт, что указы, издаваемые в буржуазных странах, издаются в целях нарушения и обхода декларируемых, иногда «демократических» законов.

Кроме обычных указов, практика эксплуататорских государств знает и так называемые высочайшие указы. Такие высочайшие указы были известны и в царской России. Весь XVIII век характеризуется тем, что законы и высочайшие указы по существу не различаются; между ними нет определенной разницы.

В царской России в XVIII веке высочайшие указы, не отличаясь от законов, были обставлены некоторыми формальностями для передачи высочайшей воли. Высочайшие указы в России существовали и устного характера, которые имели силу закона, и только при Петре I в генеральном регламенте 28 февраля 1720 г. имеется указание на ограничение силы словесных высочайших указов.

После царствования Петра I словесные указы также допускаются и имеют силу законов.

В 1735 г. при Анне Ивановне снова было усилено действие словесных указов. В конце царствования Елизаветы Петровны мы имеем отмену словесных высочайших повелений: Петр III

возвращается вновь к постановлениям времен Екатерины I, признавая необходимым полные указы только по более важным делам. Стремление ограничить устные указы мы имеем при учреждении государственного совета в 1810 г. при Александре I и т. д.

Таким образом, эти устные указы являлись также актами, закрепляющими деспотизм монарха. О какой-либо демократии в этих условиях говорить не приходится.

Буржуазная наука считает основным отличием закона от указа то, что закон должен предварительно обсуждаться в государственном совете, в палате и т. д., в то время, как указ может издаваться, не подвергаясь предварительному обсуждению.

Демократический характер указов, издаваемых Президиумом Верховного Совета, вытекает из демократических принципов советского государства, из демократических принципов устройства Верховного Совета и Президиума Верховного Совета. Президиум Верховного Совета есть коллегиальный президент, и указы, издаваемые этим органом, являются актом коллективного органа, а не актом единоличного предписания.

Имеются даже такие буржуазно-феодалные теории, которые утверждают, что закон отличается от указа тем, что закон имеет под собой «высочайшую» подпись, а указ может издаваться без «высочайшей» подписи (Городовский и др.).

Это смехотворное утверждение также не дает нам указаний для правильного разграничения закона и указа. Закон и указ в буржуазном государстве являются орудием в руках господствующего класса для подавления трудящихся; закон и указ издаются во исполнение воли господствующего класса, поэтому все эти теории о высочайшей подписи, об обязательности обсуждения и т. д. преследуют ту же цель, что и вообще буржуазные теории государства и права — маскировку существа соотношения сил в классовой борьбе, маскировку диктатуры буржуазии.

Указы Президиума Верховного Совета являются актами, соответствующими воле рабочего класса, издаваемыми на основе советских законов. Право Президиума Верховного Совета издавать указы и определяет то место, которое занимает Президиум Верховного Совета в системе высших органов власти.

Помимо издания указов, Президиум Верховного Совета производит также, согласно Конституции, всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик. Это право Президиума Верховного Совета также определяет его место в системе высших органов власти.

Страна Советов — страна социализма и подлинного демократизма. Ее высшие органы власти являются подлинно демократическими. Запрашивать волю народа, спрашивать мнение народа по тем или иным законам, производить всенародный опрос — признаки подлинного демократизма.

Советское государство, являясь выразителем народных интересов, тесно связано с народными массами.

Советское правительство передало на обсуждение своего народа важнейшие акты, имеющие первостепенное значение для жизни советского Союза. Известно, что по решению Президиума

⁴ Коркунов, стр. 278.

Центрального исполнительного комитета СССР от 11 июня 1936 г. проект Сталинской Конституции был передан на всенародное обсуждение. С полной уверенностью можно сказать, что нет такого уголка на советской земле, где бы не обсуждали Сталинскую Конституцию. В этом еще раз сказались подлинно народный характер советской власти, передавшей на обсуждение всего народа проект основного закона социалистического государства рабочих и крестьян.

Советское правительство передало на всенародное обсуждение и другой важнейший проект закона — о запрещении абортов, увеличении помощи роженицам, сети детских ясель и садов и т. д. Всенародное обсуждение этих законопроектов является доказательством того, что воля народа, мнение народа является отправным, направляющим в работе органов государственной власти в СССР.

Это всенародное обсуждение не является еще референдумом, который предусмотрен Сталинской Конституцией, так как референдум предполагает голосование избирателей за тот или иной принятый закон. Однако всенародное обсуждение этих двух законов является тем опытным материалом, который должен лечь в основу изучения теории и практики референдума в советских условиях. Мы еще не знаем конкретного примера референдума в советских условиях, поэтому трудно говорить о практике такого референдума, однако, можно с полной уверенностью заявить, что советский референдум будет подлинным волеизъявлением народа, будет приказом народа своим органам власти.

Буржуазно-демократические республики также знают так называемый институт референдума, однако, ничего общего с советским референдумом буржуазный референдум не имеет. Буржуазное государство не может запрашивать народ, ибо мнение народа всегда будет расходиться с мнением господствующего эксплуататорского класса. В эпоху капитализма (как при феодализме и при рабстве) существует огромная пропасть между государством и обществом; государство не выражает интересы общества и не представляет его интересы; оно выражает интересы только господствующего эксплуататорского класса. Существующий институт референдума в буржуазных странах, так же, как и все остальные правовые институты, имеет своей целью маскировку эксплуатации трудящихся масс.

Историография указывает, что первые референдумы были еще в 1449 г., в так называемой аристократической республике Берне, когда правительство оказалось не в силах погасить заключенный военный заем и вынуждено было прибегнуть к содействию народных масс. Затем, практика буржуазного референдума известна в разных кантонах Швейцарии, во Франции и т. д.

Буржуазные теоретики права различают целый ряд референдумов: конституционный референдум, когда изменение конституции требует народного голосования; различают факультативный референдум — такой референдум, когда закон может быть предложен народу по требованию определенного числа граждан, или когда определенные законодательные акты требуют санкции народа. Так, 30 тыс. имеющих право голоса швейцарских граждан могут потребовать народного голосования и т. д.; или так называемая система обязательного референдума, когда

все принятые законы должны быть подтверждены народом.

Однако все эти конституционные, факультативные, обязательные референдумы не являются подлинным опросом народа и тем более — народным голосованием. В буржуазных странах нередко издаются срочные законы, их издание освобождает правительство от референдума, поэтому буржуазные правительства часто прибегают к изданию этих срочных законов. Известно, что к так называемому «народному» опросу прибегают даже и фашисты, но в этом случае фашистские варвары раньше штыком и мечом завоевывают ту или иную территорию, захватывают ее, а потом циничски спрашивают об этом «согласии» народа, как это мы знаем на примере с захватом Австрии Германией и т. д. Таким образом, там референдум — это по существу лишь инсценировка народного голосования.

Наш советский референдум коренным образом отличается от буржуазных референдумов. Советский референдум будет подлинным опросом народа, будет подлинным народным голосованием, тогда как буржуазный референдум лишь маскирует диктатуру буржуазии. Советский референдум еще больше сблизит широчайшие народные массы со своими избранниками и со своими избранными органами власти.

Избранные органы власти на практике осуществления референдума будут также проверять правильность своих действий, отражение интересов народных масс. Всенародное обсуждение Сталинской Конституции, закона о запрещении абортов показало, что наши органы государственной власти действительно отражают и представляют интересы народа; их законодательная работа направлена на обеспечение интересов народных масс. Референдумы, которые будут проводиться Президиумом Верховного Совета, будут также подтверждать эту тесную связь народа с его органами власти.

Президиум Верховного Совета имеет право в период между сессиями Верховного Совета освобождать от должности отдельных народных комиссаров и назначать новых по представлению председателя Совета народных комиссаров, с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР.

Правительство СССР образуется Верховным Советом — каждый член правительства утверждается Верховным Советом СССР — об этом гласит ст. 56 Сталинской Конституции. Однако в интересах социалистического строительства, укрепления мощи нашего государственного аппарата, Президиуму Верховного Совета предоставлено право смещать и назначать новых народных комиссаров. Здесь же Сталинская Конституция подчеркивает, что эти акты Президиума Верховного Совета должны утверждаться Верховным Советом СССР. Этим самым еще раз подчеркивается зависимость Президиума Верховного Совета от Верховного Совета, его подотчетность, подчиненность Верховному Совету.

В буржуазных же странах правительства не образуются демократическим путем, как в Советском Союзе. Буржуазия не хочет избирать свои правительства, ибо парламенты, являясь по выражению Ленина, говорильней, не творят всех конкретных, повседневных дел буржуазии; эти дела должны творить правительства, — поэтому буржуазия образование правительства от-

водит к компетенции единоличного главы государства.

Во Франции правительство назначается президентом, путем поручения формировать совет министров одному из лидеров партии парламентского большинства. Президент республики назначает на все гражданские и военные должности. В Америке же сам президент, являясь главнокомандующим армии и флота Соединенных штатов и милиции, назначает всех своих секретарей (министров) и т. д.

Советский коллегиальный президент не образует правительство. Это — функция Верховного Совета СССР.

Президиум Верховного Совета СССР награждает орденами и присваивает почетные звания СССР, осуществляет право помилования, назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР.

Награждение, присвоение почетных званий, осуществление права помилования, назначение высшего командования делается снова же коллективным органом, в составе 37 человек, избранного советским парламентом, а не как в буржуазных странах, где все эти вопросы отнесены к ведению единоличного, безответственного главы государства. По всем этим вопросам Президиум Верховного Совета может издавать указы.

На Президиум Верховного Совета возложены огромные задачи по охране неизгладимости границ СССР, обороноспособности Советского Союза. Мы имеем в виду такие вопросы, которые отнесены к ведению Президиума Верховного Совета, как объявление в период сессии Верховного Совета СССР состояния войны в случае военного нападения на СССР и в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии; мы имеем в виду функцию Президиума Верховного Совета объявления общей и частичной мобилизации, и, наконец, внесенное первой сессией Верховного Совета СССР дополнение к Сталинской Конституции о праве Президиума Верховного Совета объявлять в отдельных местностях или по всему СССР военное положение в интересах обороны СССР или обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. Это дополнение полностью вытекает из задач укрепления обороны СССР и необходимости повышения мобилизационной готовности советского народа.

Президиум Верховного Совета в системе высших органов власти занимает вслед за Верховным Советом первое место. Никто, кроме Верховного Совета или Президиума Верховного Совета не может, объявлять состояние войны, военное положение и общую или частичную мобилизацию.

В капиталистических странах такого огромного значения вопросы, решающие судьбу народа, решает один человек — президент. Французский президент, согласно французской конституции, сам располагает вооруженной силой, он назначает на все военные должности. Французский президент может объявить войну другому государству, предварительно запросив согласия обеих палат.

На Президиум Верховного Совета возложены функции сношения с иностранными государствами. Никто иной, кроме Президиума Верховного Совета (за исключением, конечно, самого Вер-

ховного Совета), не имеет права ратифицировать международный договор, назначать и отзываться полномочных представителей СССР в иностранных государствах, принимать верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств. Сталинская Конституция указывает, что дипломатические представители аккредитовываются при Президиуме Верховного Совета, тогда как в буржуазных странах дипломатические представители аккредитовываются при единоличном президенте или же при главе государства. Президиуму Верховного Совета предоставлено также право отмены постановлений и распоряжений СНК СССР и СНК союзных республик в случае их несоответствия закону.

Таковы права и обязанности Президиума Верховного Совета. Компетенция и деятельность Президиума Верховного Совета говорят о том, что этот орган является подлинно демократическим в системе высших органов власти СССР, что такого органа не знало еще не только советское государство, но и вообще история человеческого общества.

Кроме перечисленных в ст. 49 Сталинской Конституции прав и обязанностей Президиума Верховного Совета, на Президиум Верховного Совета возлагается также обязанность в промежутках между сессиями Верховного Совета решать вопрос о привлечении к ответственности депутатов Верховного Совета. Когда нет сессии Верховного Совета, ни один депутат Верховного Совета не может быть арестован без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

Президиум Верховного Совета СССР действует до тех пор, пока вновь избранный Верховный Совет не изберет себе новый Президиум Верховного Совета.

Единоличные президенты буржуазных республик, отличаясь от королей тем, что они избираются на определенный срок, в то время как короли, монархи, цари действуют пожизненно, — избираются на различные сроки. Так, президент США — на 4 года, французский президент — на 7 лет, польский президент — на 7 лет и т. д. Длительность сроков существования президентов также диктуется интересами буржуазии в том смысле, чтобы при удобном случае лучше ограничивать права парламента и подавлять трудящиеся массы.

Наш Президиум Верховного Совета обязан созывать вновь избранный Верховный Совет, причем Сталинская Конституция указывает, что Президиум Верховного Совета обязан созвать сессию Верховного Совета не позже, как через месяц после выборов. В буржуазных странах единоличным президентом право созыва вновь избранных парламентов используется также в интересах господствующего класса — в интересах буржуазии.

Демократическая сущность нашего президента — Президиума Верховного Совета выражена в частности и в том, что ему не предоставлено право назначения судей.

Известно, какое давление оказывают на суд президенты буржуазных стран. Президиум же Верховного Совета не имеет права ни назначать, ни увольнять судей.

По отношению к Верховному суду это может сделать Верховный Совет, а по отношению к народному суду — его избиратели.

Президиум Верховного Совета СССР отличает-

ся от Президиума Центрального исполнительного комитета, который был по старой конституции высшим законодательным, исполнительным, распорядительным органом власти в промежутках между сессиями ЦИК, являвшимся, в свою очередь, высшим органом власти в промежутках между всесоюзными съездами советов. Президиум Центрального исполнительного комитета имел право издавать декреты, постановления и распоряжения, рассматривать и утверждать проекты декретов и постановлений, вносимых СНК, отдельными ведомствами СССР, ЦИК союзных республик, их президиумами и другими органами власти.

Президиум же Верховного Совета СССР, как мы уже указывали, не имеет права издавать законы.

Во время всенародного обсуждения проекта Сталинской Конституции было вынесено предложение о предоставлении Президиуму Верховного Совета права издавать временные законодательные акты.

Товарищ Сталин, высказавшись в своем докладе «О проекте Конституции» против этого предложения, указал: «Я думаю, что это дополнение неправильно и не должно быть принято Съездом. Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР»⁵.

⁵ Сталин, О проекте Конституции, Партиздат, 1936, стр. 41.

Таким образом, коренное отличие Президиума ЦИК от Президиума Верховного Совета заключается в том, что первый имел право издавать законы, тогда как второй такого права не имеет.

Этим, однако, не исчерпывается отличие Президиума ЦИК от Президиума Верховного Совета.

Можно указать еще и на то, что Президиум ЦИК СССР имел право отменять постановления ЦИК и СНК союзных республик и приостанавливать постановления съездов советов союзных республик, тогда как Президиум Верховного Совета СССР не имеет такого права в отношении высших советов союзных республик и их президиумов, а также и на то, что сессии ЦИК проводил Президиум ЦИК, тогда как Президиум Верховного Совета не проводит сессий Верховного Совета, а только их созывает. Имеется в общем между Президиумом ЦИК и Президиумом Верховного Совета: так например, принцип представительства от союзных республик сохранился как в Президиуме ЦИК Союза ССР, так и в Президиуме Верховного Совета СССР; Президиум ЦИК в своем составе имел председателей ЦИК по количеству союзных республик; Президиум Верховного Совета имеет также в своем составе количество заместителей председателей по количеству союзных республик; однако коренная разница состоит в том, что Президиум Верховного Совета, в отличие от Президиума ЦИК Союза ССР, не является законодательным органом.

Таким образом, в системе высших органов государственной власти Союза ССР мы имеем два органа: советский парламент — Верховный Совет СССР, и Президиум Верховного Совета, избираемый Верховным Советом СССР и являющийся коллегиальным президентом Союза Советских Социалистических Республик — первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Участие прокурора в судебном следствии

Методическое письмо Прокуратуры Союза ССР, составленное т. М. С. Строговичем, под редакцией т. А. Я. Вышинского

Задача строжайшего и неуклонного надзора за соблюдением социалистической законности и борьбы с ее нарушениями, возложенная на органы прокуратуры Сталинской Конституцией, для успешного ее осуществления требует широкой и четкой постановки государственного обвинения на суде. Должна быть признана в корне ошибочной иногда встречающаяся среди работников прокуратуры точка зрения, согласно которой выступление прокурора на суде в качестве государственного обвинителя рассматривается как какая-то второстепенная функция, не связанная с основной функцией прокурора — надзором за соблюдением социалистической законности. Всеми работниками прокуратуры должно быть твердо усвоено положение, что поддержание обвинения на суде не только не может противопоставляться задаче охраны законности, но должно быть рассматриваемо именно как наиболее эффективный метод борьбы прокуратуры за социалистическую законность. Эту борьбу прокурор осуществляет различными, законом установленными, средствами, пресекая всякие нарушения закона, кем бы они ни производа-

лись, опротестовывая незаконные постановления, привлекая виновных к уголовной ответственности в случаях, когда нарушение закона составляет преступление, поддерживая обвинение на суде, когда произведенное расследование подтвердило обвинение достаточно вескими данными.

Практика прокурорской работы показывает, что на этот участок прокурорской работы в действительности обращается внимание явно недостаточное, что фактически поддержание обвинения на суде занимает крайне незначительное место в системе работы прокуратуры, что прокуроры выступают на суде в качестве государственных обвинителей крайне редко и не всегда оказываются достаточно подготовленными к столь ответственному делу, как выступление на суде.

Правильная постановка государственного обвинения на суде требует полного овладения прокурорами всей сложной методикой участия в судебном следствии, умения активно проводить на суде допросы и исследование всех доказательств, требует большой культуры государствен-

ного обвинителя. Это на практике достигается далеко не везде и далеко не всегда на достаточно высоком уровне.

В целях улучшения дела государственного обвинения на суде и устранения имеющихся существенных недостатков в этой области — в настоящем методическом руководстве сообщаются основные принципиальные и методические указания, относящиеся к участию прокурора в судебном следствии и в предстоящей ей подготовительной части судебного заседания. Участию прокурора в прениях сторон и произнесении обвинительной речи будет посвящено отдельное методическое руководство.

1. Процессуальное положение прокурора в качестве государственного обвинителя

Выступающий на суде в качестве государственного обвинителя прокурор является представителем государственного обвинения. Он поддерживает на суде обвинение от имени государства, в интересах охраны и укрепления социалистического государства рабочих и крестьян, борьбы с врагами народа и дезорганизаторами социалистического правопорядка. Защищаемый прокурором интерес — есть интерес государственный, публично-правовой. Выступая в качестве государственного обвинителя, прокурор на суде не перестает быть блюстителем социалистического закона и охранителем прав граждан, предоставленных им законом.

Тем самым прокурор на суде является участником и активным деятелем социалистического правосудия. Выступая на суде, прокурор помогает суду осуществлять правосудие и все свои усилия направляет на то, чтобы обеспечить вынесение судом правильного, справедливого судебного приговора.

Выступление прокурора на суде обеспечивает более полное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела, тщательную проверку всех доказательств и тем самым придает всему судебному процессу большую убедительность для всех граждан, которые следят за рассмотрением дела на суде. Активный, умелый и культурный обвинитель значительно усиливает общественно-политический и воспитательный результат судебного рассмотрения дела и в то же время обеспечивает правильность и обоснованность разрешения дела судом.

От прокурора на суде требуется максимальная бдительность в разоблачении перед судом и перед широкими массами трудящихся врагов народа, диверсантов, троцкистско-бухаринских изменников, фашистских шпионов и других. От прокурора на суде требуется максимальное умение, максимальная решительность и настойчивость в изобличении лиц, виновных в совершении преступлений, посягающих на социалистический правопорядок и права граждан СССР. От прокурора требуется в то же время полная обоснованность всех его выступлений и утверждений на суде и неуклонное соблюдение предписаний социалистического закона.

Для советского прокурора руководящими должны быть указания Владимира Ильича Ленина, данные им в письме о борьбе с волокитой. Ленин писал, что обвинитель должен «перед всеми и разнести вдрызг, осмеять и опозорить»... преступление; в то же время обвини-

тель должен «поставить обвинение разумно, правильно, в меру»¹.

Прокурор выступает в качестве обвинителя на суде тогда, когда проведенные следственные обзоры такие данные, которые убеждают прокурора в обоснованности обвинения, в виновности привлеченных к уголовной ответственности лиц. Поэтому на суде прокурор обвиняет подсудимых, выступает как обвинитель. Но прокурор на суде настаивает на обвинении, поддерживает его лишь в той мере, в какой данные судебного следствия подтверждают обвинение. Поэтому прокурор не может обвинять ради обвинения, обвинять во что бы то ни стало, вопреки тем данным, которые устанавливаются судебным следствием. Прокурор не может и не должен допускать искусственной, односторонней трактовки обстоятельств дела и игнорировать все те данные, которые говорят в пользу подсудимого.

В судебной практике встречаются случаи, когда прокурор на суде настаивает на обвинении в явное противоречие с данными судебного следствия, делает утверждения, не основанные на достаточно проверенных данных, считая, очевидно, что его задачей является во что бы то ни стало отстаивать сформулированное в обвинительном заключении обвинение, хотя бы оно на суде полностью не подтвердилось или подтвердилось лишь частично. Несомненно, прокурор в этих случаях извращает существо своих функций и не содействует осуществлению правосудия. Как было указано выше, прокурор, поддерживающий обвинение на суде, не перестает быть блюстителем социалистической законности. При выполнении прокурором своих обвинительных функций, он больше чем когда-либо должен быть требователем и строг к соблюдению закона судом и участвующими в деле лицами.

Однако в практике встречаются факты совершенно недопустимого поведения прокурора на суде, когда прокурор попустительствует нарушениям процессуального закона, а иногда сам его нарушает. Возмутительный случай такого рода имел место в нарсуде Горловского района Донецкой области УССР, при рассмотрении дела по обвинению гр. Метивовского в ведении гр-ки Калошиной до самоубийства. По этому делу председатель суда лишил защитника права участвовать на той части судебного следствия, которая происходила при закрытых дверях. Участвовавший на суде прокурор никак не реагировал на это грубейшее нарушение прав подсудимого и его защитника и спокойно продолжал участвовать в рассмотрении дела при закрытых дверях, хотя защитник в этой части судебного следствия был лишен возможности участвовать.

Особое внимание должно быть обращено на правильное отношение прокурора к суду. Содействуя суду в правильном разрешении дела и обеспечивая неуклонное соблюдение всех требований закона, прокурор все свои действия на суде должен производить таким образом, чтобы всемерно укреплять авторитет суда в глазах граждан. Все выступления и высказывания прокурора на суде должны быть проникнуты уважением к суду. Совершенно недопустимыми должны быть иногда имеющие место случаи, когда прокурор выступает с судом в пререкания, ведет себя по отношению к суду вызывающе и т. д. Твердо и последовательно проводя свои

¹ Ленин, т. XXIX, стр. 415.

линию, делая суду представления, возбуждая ходатайства и давая заключения по различным процессуальным вопросам, прокурор должен иметь в виду, что по всем этим вопросам решающее слово принадлежит суду и решению суда он должен подчиниться. Если же прокурор усматривает, что суд допустил то или иное нарушение закона,— прокурор должен сделать суду соответствующее представление и просить о занесении данного действия суда в протокол судебного заседания, с тем чтобы по вынесении приговора опротестовать таковой по поводу этого нарушения. Но все это должно быть произведено прокурором в такой форме, чтобы ни в малейшей мере не колебать авторитет суда.

2. Определение круга дел, по которым прокурор поддерживает обвинение

В практике отмечается, что многие прокуроры вообще крайне неохотно выступают в качестве обвинителей, считая это отвлечением от своих основных задач. Выше была показана несостоятельность этой точки зрения. Тем не менее многие прокуроры считают, что если им нужно выступать на суде, то только в так называемых «показательных процессах», когда дело привлекает общественное внимание, рассматривается в выездной сессии и т. д. Это — абсолютно неверная точка зрения. Надо иметь в виду, что вообще никакой особой категории «показательных процессов» не существует. Каждое дело должно рассматриваться судом в той обстановке, которая обеспечивает наиболее полное и всестороннее исследование обстоятельств дела и соответствующий общественно-воспитательный результат. Гласность процесса, о которой говорит ст. 141 Сталинской Конституции СССР, возможность для всех желающих присутствовать при рассмотрении дела судом, должна быть обеспечена по каждому судебному делу (кроме случаев, когда на основании ст. 19 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик дело слушается при закрытых дверях). По любому делу выступление прокурора в качестве обвинителя может иметь положительный результат. Если выступление прокурора обычно целесообразно по тем делам, которые органами расследования направляются в суд непосредственно, минуя прокурора (ст. 208 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик), то по тем делам, обвинительные заключения по которым утверждаются прокурором, выступление прокурора в качестве обвинителя всегда желательно. Если в настоящее время еще нельзя требовать, чтобы прокуроры поддерживали обвинение по всем этим делам, то во всяком случае необходимо требовать, чтобы прокуроры выступали в качестве обвинителей по тем делам, которые представляют известную сложность, по которым обвинение основано на косвенных уликах, по которым обвинение опирается на обвиняемыми и т. д. Необходимо, кроме того, иметь в виду, что прокурор, выступающий по большому и сложному делу, имеющему большое общественное значение, сможет успешно выполнить свою задачу лишь при условии, если у него имеется достаточный опыт выступлений на суде. А этот опыт приобретается практикой выступления по самым различным судебным делам, начиная с простых и переходя ко все более и более сложным. Некоторые прокуроры не высту-

пают по обычным судебным делам именно на том основании, что они простые и обычные и не требуют поддержания прокурором обвинения; когда же этим прокурорам приходится выступать по большим и сложным делам — они не могут с ними справиться и допускают на суде грубейшие ошибки лишь потому, что редко выступали в суде, не имеют опыта и плохо ориентируются в сложной обстановке гласного судебного процесса. Таким образом, прокуроры должны всемерно развертывать свою работу по поддержанию обвинения на суде, не выжидая каких-либо особых дел и не пренебрегая обычными делами, ежедневно рассматриваемыми в судах.

Следует иметь в виду, что в связи с предстоящими выборами народных судей на новых основаниях, установленных ст. 109 Сталинской Конституции СССР, прокуроры должны будут значительно усилить свое участие в суде и свою помощь суду — прежде всего по линии выступления в судах в качестве государственных обвинителей.

3. Подготовка прокурора к выступлению в суде

Обязательным условием правильного и успешного выступления прокурора в качестве государственного обвинителя является тщательная подготовка к делу. Требование это является элементарным и само собой разумеющимся — прокурор не может выступать на суде, не зная дела, — по вопросу заключается в том, что подготовка к выступлению на суде является достаточно сложной и не сводится только к ознакомлению с материалами следствия.

Прокурор, рассматривая поступившее к нему дело с обвинительным заключением, прежде чем утвердить последнее, обязан ознакомиться со всем следственным производством, проверить, достаточно ли полно проведено следствие, соблюдены ли расследованием все требования закона, рассмотрены ли ходатайства обвиняемого о вызове свидетелей (и истребовании тех или иных документов, правильно ли составлено обвинительное заключение, отражает ли оно материалы дела, правильно ли оно квалифицирует действия, инкриминируемые обвиняемому. Только при положительном ответе на все эти вопросы прокурор может утвердить обвинительное заключение и направить дело на предание суду. Однако и такого знания дела недостаточно для выступления на суде: готовясь к выступлению на суде в качестве обвинителя, прокурор должен помимо указанного выше ознакомления с материалами дела подготовить имеющиеся в деле данные таким образом, чтобы их можно было наиболее удобно использовать на суде, чтобы можно было правильно построить судебное следствие и провести допросы подсудимых и свидетелей. Не только ознакомление с материалами дела, но и тщательная подготовка к судебному следствию, к проверке на суде каждого доказательства — являются необходимым условием для выступления на суде прокурора.

Практика показывает ряд случаев, когда прокуроры выступали на суде, не подготовившись к делу, что имело крайне отрицательные результаты. Так, в Ярославском областном суде по делу Чугунова, Яценева и др. выступавший пом. облпрокурора знал дело очень плохо; дело было очень сложным, расследовано оно было неполно,

и прокурор, выступавший на суде, запутался в деле и по существу его смазал на глазах большого количества рабочих, присутствовавших на суде. По другому делу, рассматривавшемуся в Московском городском суде, прокурор не успел как следует подготовиться к делу к началу судебного заседания; дело было сложным, привлечено было большое количество обвиняемых, обвинение составлялось из многих эпизодов (т. е. отдельных фактов преступлений). Чтобы как-нибудь выйти из положения, прокурор поступил таким образом: так как дело рассматривалось по эпизодам, прокурор на каждый день судебного заседания готовился только к ближайшему эпизоду, подлежащему рассмотрению на судебном следствии, а после того как рассмотрен данный эпизод было закончено, просил у суда объявить перерыв до следующего дня и готовился к следующему эпизоду. Неудивительно, что не зная дело в целом, не изучив всего материала следствия, прокурор при таком своеобразном методе дробного изучения дела не мог справиться с делом, запутался на суде, в результате чего суду рассмотренные дела пришлось прервать. Подобные безобразные факты являются абсолютно нетерпимыми, они только дискредитируют в глазах граждан и прокурора и суд.

Но и в тех случаях, когда прокурор дело знает, изучил его достаточно внимательно, часто сказывается на суде недостаточная подготовка прокурора к делу в том смысле, что прокурор недостаточно продумывает одновременно свою линию поведения на суде, недостаточно готовится для себя материалы дела для их использования на суде.

Готовясь к выступлению на суде, прокурор должен иметь в виду, что основная его роль на суде будет заключаться в участии в судебном следствии. Некоторые прокуроры считают, что главная роль государственного обвинителя заключается в произнесении обвинительной речи, к которой они смогут подготовиться в процессе судебного следствия и по окончании его. Это неверно. Обвинительная речь прокурора имеет громадное значение, но она может иметь положительный результат только в том случае, когда она опирается на тщательно, полно и умело проведенное судебное следствие. Если же судебное следствие проведено поверхностно, бледно, путанно — самая яркая обвинительная речь прокурора ничего не даст ни суду, ни гражданам, следящим за процессом. Поэтому основное внимание прокурора должно быть направлено на подготовку к участию именно на судебном следствии.

Для того чтобы подготовиться к участию на судебном следствии, прокурору необходимо тщательно проанализировать каждое доказательство, которое будет исследоваться на судебном следствии, и наметить для себя те вопросы, которые нужно будет на судебном следствии выяснить. Особенно это относится к показаниям подсудимых и свидетелей. Прокурор должен подготовиться к допросу на судебном следствии каждого подсудимого и каждого свидетеля, разработать содержание и порядок этих допросов. Для этого прокурор должен иметь особую запись для каждого подсудимого и каждого свидетеля, не полагаясь на свою память и находчивость.

В отношении каждого подсудимого прокурор должен записать, признает ли подсудимый или оспаривает каждый пункт предъявленного ему

обвинения и если оспаривает — какие доводы подсудимый выдвигает против этого пункта обвинения. Тут же должны быть указаны доказательства, на которых основано обвинение и которыми опровергаются объяснения подсудимого.

Схематически такая запись может быть дана в следующем виде:

Подсудимый Иванов П. А.

Обвинение	Объяснения	Доказательства	Примечания
1) Растрата 4 600 р.	Признает недостачу, отрицает корысть (л. д. 56).	Акт ревизи — л. д. 18. Показ. свид. Васильева — л. д. 46. Показ. свид. Калинова — л. д. 91.	
2) Составление подложного счета на продажу 5 пуд. овощей.	Отрицает подложность подписи.	Экспертиза подложка л. д. 162. Показ. свид. Александра л. д. 04. Показ. подсудимого Петрова — л. д. 14.	

В графе «примечание» делаются отметки о тех моментах, на которые нужно будет особо обратить внимание на судебном следствии, и о тех действиях, которые нужно будет произвести например, «огласить показания обвиняемого на предварительном следствии — л. д. 56», или «выяснить противоречия в показаниях обвиняемого относительно продажи овощей — сперва он вообще отрицал участие в этой операции — л. д. 58, потом признал, но отрицает подлог — л. д. 73».

Особая запись должна быть сделана также на каждого свидетеля, вызываемого на суд, с тем чтобы заранее были намечены вопросы, которые нужно будет задать свидетелю, и обстоятельства, которые следует выяснять показаниями этого свидетеля.

Примерная схема записи для свидетеля такова:
Свидетель Васильев А. К.

Показания	Вопросы	Примечания
Пьянство Иванова — л. д. 46.	Видели ли Иванова пьяным на работе, как часто.	Показания св. Васильева противоречат показаниям свид. Калиновой (л. д. 78). Сделать очную ставку
Иванов пустил за прилавком и посторонних лиц — л. д. 46-об.	К кому свидет. заявлял об этом. Почему не протестовал.	Выяснить взаимоотношения с обвиняемым.

Указанные выше записи должны помочь прокурору участвовать в судебном следствии и обеспечить планомерное и исчерпывающее выяснение

на суде всех существенных обстоятельств дела и тщательную проверку каждого доказательства. Вместе с тем при пользовании такими записями необходимо избегать механизирования участия прокурора на судебном следствии. На судебном следствии картина дела может существенно меняться по сравнению с предварительным следствием, могут возникать новые вопросы, выявляться новые обстоятельства, поэтому прокурор не должен себя связывать этими схемами, а должен пользоваться ими лишь как подсобным материалом, перестраивая свои вопросы и действия применительно к ходу судебного следствия. Необходимо всегда иметь в виду, что важнейшей частью процесса является именно судебное следствие, так как приговор суда основывается на данных судебного, а не предварительного следствия; принцип устности процесса требует, чтобы каждое доказательство было на суде подвергнуто устному обсуждению при участии сторон и чтобы по каждому обстоятельству дела были заслушаны устные объяснения подсудимого. Поэтому составленные прокурором записи должны служить одной цели — путем умелой, продуманной и систематической постановки вопросов и анализа доказательств обеспечить ясное, наглядное и убедительное установление обстоятельств дела, относящихся к обвинению преданных суду лиц.

Изложенное выше относится к подготовке прокурора к проверке на судебном следствии отдельных доказательств, к проведению отдельных допросов. Но этим не ограничивается подготовка прокурора к выступлению на суде. Необходимо тщательно продумать всю линию поведения прокурора на суде, всю постановку обвинения по данному делу. Какие обстоятельства дела исследовать в первую очередь, на каких фактах сосредоточить главное внимание как на уловках и решающих, как расположить на судебном следствии собранные предварительным следствием данные, с тем чтобы на суде получилась ясная и выразительная картина преступления, чтобы внимание суда и присутствующих на суде граждан не рассеивалось по мелочам, чтобы процесс имел соответствующее его содержанию общественно-политическое значение — все это заранее должно быть продумано и подготовлено прокурором.

4. Подготовительная к судебному следствию часть судебного заседания

Судебному следствию, т. е. исследованию на суде всех обстоятельств дела и проверке доказательств предшествует так называемая «подготовительная к судебному следствию часть судебного заседания». Процессуальные правила проведения этой части судебного заседания сформулированы в ст.ст. 257—278 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик. Существом этой части судебного заседания заключается в выполнении ряда требований процессуального закона и производстве ряда процессуальных действий, направленных на установление условий, необходимых для того, чтобы по данному делу можно было провести судебное следствие, т. е. можно было рассмотреть и разрешить дело по существу. Сюда относятся — проверка наличия вызванных подсудимых и свидетелей, разрешение вопроса о возможности слу-

шать дело в данном заседании, рассмотрение ходатайства сторон, разрешение вопроса об отводе судей и представителей сторон и т. д. Все эти действия проводятся судом и его председателем, однако роль прокурора в этой части судебного заседания очень велика. Прокурор дает суду свое заключение по всем возникшим процессуальным вопросам и возбуждает перед судом ходатайства, направленные к обеспечению полноты предстоящего судебного следствия и правильности разрешения дела. Все свои заключения о возможности слушать дело, об удовлетворении или отклонении ходатайств подсудимого и его защитника, об основательности заявления об отводе и т. д. прокурор дает на суде в строгом соответствии с законом, не допуская ни малейшего отклонения от закона, решительно возражая против всяких попыток нарушить закон, от кого бы они ни исходили.

На практике нередки случаи, когда прокуроры допускают сами нарушения закона в этой части процесса, а подчас толкают суд на такие нарушения. Нередки случаи, когда на суд не явились некоторые из вызванных свидетелей, чьи показания имеют значение для рассмотрения дела, а прокурор, вместо того чтобы дать заключение об отложении дела, настаивает на слушании дела, мотивируя тем, что показания неявившихся свидетелей имеются в материалах следствия, тем самым допуская нарушение принципов устности и непосредственности процесса.

Отмечается, что некоторые прокуроры считают себя обязанными возражать против всех ходатайств подсудимого и защитника о вызове свидетелей, приобщении к делу документов и т. д. Вместо того чтобы поддержать ходатайство, направленное на выяснение обстоятельств, говорящих в пользу подсудимого, прокуроры иногда возражают против удовлетворения ходатайств противной стороны, опасаясь, что новые свидетели и документы могут поколебать обвинение. В Москве в одном из судов по очень сложному делу об убийстве, обвинение по которому было основано на косвенных уликах, вследствие чего требовалось особо тщательное и непредвзятое исследование всех обстоятельств дела, государственный обвинитель огульно возражал против всех ходатайств защиты, применяя одну и ту же графаретную мотивировку: «Обвиняемый на предварительном следствии такого ходатайства не возбуждал». Этим обвинитель допустил грубое нарушение процессуального закона (ст. 272 УПК РСФСР), который предоставляет сторонам право возбуждать любое ходатайство, вне зависимости от того, было ли оно ранее заявлено и какое решение по нему состоялось.

Имеют место случаи, когда прокурор дает суду заключение о возможности слушать дело, хотя подсудимому не была вручена или была вручена несвоевременно копия обвинительного заключения или он не был ознакомлен с материалами дела, по тем мотивам, что сам подсудимый не возражает против слушания дела. Здесь прокурор упускает из виду, что требования закона о предоставлении обвиняемому возможности ознакомиться с материалами дела (ст.ст. 206 и 252 УПК) и о вручении ему копии обвинительного заключения в установленный законом срок (ст. 235 УПК РСФСР) носят совершенно категорический характер и суд не имеет права нарушать закон, независимо от того, согласен ли

подсудимый на это или нет. Ниже приводятся несколько примеров подобных незаконных и неправильных действий прокурора и суда.

По делу по обвинению гр. Пахомовой и др. по закону 7 августа 1932 года, рассмотренному Верхсудом Чувашской АССР, на суде выяснилось, что подсудимым не была предоставлена возможность ознакомиться с материалами дела в порядке ст.ст. 206 и 252 УПК РСФСР. Защитник возбудил ходатайство перед судом об отложении слушания дела для того, чтобы подсудимые могли ознакомиться с делом. Прокурор возражал, и суд отклонил ходатайство защиты, указав в своем определении: «Защитники с делом тщательно ознакомились и имеют необходимые записи. Явная незаконность действий прокурора и суда совершенно очевидна, так как речь шла о незнакомлении с делом не защитников, а самих подсудимых».

По делу по обвинению гр. Воробьева в бандитизме (ст. 59-3 УК РСФСР), рассматривавшемся в Хакасском облсуде в октябре 1937 г., на суде выяснилось, что копия обвинительного заключения подсудимому была вручена за одни сутки до суда (а не за трие суток, как требует закон). Подсудимый просил отложить дело слушанием для того, чтобы подготовиться к своей защите, а также просил вызвать свидетелей, которые должны установить его алиби (т. е. нахождение его в другом месте в то время, как было совершено преступление, вследствие чего он в этом преступлении участвовать физически не мог). Прокурор дал суду заключение в том смысле, что несвоевременное вручение копии обвинительного заключения не является существенным нарушением закона, а свидетели, о вызове которых просил подсудимый, для дела не нужны, а потому дело следует продолжать слушанием. Суд согласился с незаконным заключением прокурора и незаконно отклонил ходатайство подсудимого.

В одном суде в УССР имел место безобразный случай нарушения закона при разрешении вопроса об отводе. Подсудимый возбудил ходатайство об отводе прокурора по тем мотивам, что этот прокурор до своего поступления на прокурорскую работу работал в том же учреждении, что и подсудимый, и до него занимал ту же должность, вследствие чего ряд действий по службе, которые инкриминируются подсудимому, должны быть отнесены на счет того лица, которое в этом деле выступает в качестве государственного обвинителя. Прокурор в данном деле допустил грубейшее нарушение закона тем, что выступил по делу в качестве государственного обвинителя и не отвел себя сам, не дожидаясь того, чтобы ему отвод был заявлен подсудимым. Но в данном случае прокурор это нарушение еще усугубил, так как на суде возражал против отвода, заявляемого ему подсудимым, и суд, согласившись с незаконным заключением прокурора, этот отвод отклонил. Подобные действия, даже не в таких грубых формах, ни в коем случае не должны быть терпимы: прокурор, призванный блюсти закон и этот закон нарушающий, перестает быть прокурором и дискредитирует прокуратуру в глазах народа. По всем приведенным выше делам суд вынес обвинительные приговоры, которые были отменены в виду допущенных судом нарушений закона.

Судебное следствие состоит в исследовании на суде всех обстоятельств дела, в проверке всех доказательств, как тех, на которых основано обвинение, так и тех, при помощи которых подсудимый защищается против предъявленного ему обвинения. Это — важнейшая часть процесса, именно на ней рассматриваются все данные дела по существу; правильное и полное проведение судебного следствия создает все необходимые условия для вынесения правильного судебного приговора.

Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает, что прежде чем суд и стороны приступят к исследованию всех доказательств (допросы подсудимого и свидетелей, экспертиза и т. д.), должны быть выполнены следующие процессуальные действия: а) оглашение обвинительного заключения, б) опрос председателем подсудимого о том, понятно ли ему обвинение, по которому он предан суду, и признает ли он это обвинение правильным и в) установление порядка судебного следствия (ст.ст. 279—281 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Первые два действия производятся судом, и от прокурора требуется лишь одно — следить, чтобы эти действия были фактически выполнены. В частности, прокурор должен следить за тем, чтобы при оглашении обвинительного заключения не допускалось никакого упрощения (напр. оглашения только резолютивной части обвинительного заключения, а не полностью, как этого требует закон). Помимо обвинительного заключения должно быть оглашено и определение подготовительного (распорядительного) заседания об утверждении обвинительного заключения и предании обвиняемого суду. В отношении опроса председателем подсудимого о том, признает ли он себя виновным, прокурор должен иметь в виду, что в этот процессуальный момент еще не должно производиться допроса подсудимого по существу предъявленного ему обвинения, а лишь выясняется, согласен ли подсудимый с этим обвинением, признает ли он его правильным или же оспаривает. Самый же допрос подсудимого и заслушивание его объяснений по существу будут произведены позднее, после того как суд определит порядок судебного следствия.

6. Установление порядка судебного следствия

Для участвующего на суде прокурора особенно важное значение имеет следующий (третий) процессуальный момент — определение порядка судебного следствия. Прежде чем приступить к исследованию доказательств, суд должен определить порядок судебного следствия, т. е. последовательность проверки отдельных обстоятельств дела и допросов подсудимых, свидетелей, экспертов. Вопрос об установлении порядка судебного следствия на практике часто недооценивается, а в ряде случаев суд вообще упускает определить порядок судебного следствия, а прокурор на это упущение не обращает внимания. Такое отношение к этому очень важному процессуальному моменту является в корне неверным: неправильно думать, что важно лишь то, чтобы допросить всех вызванных на суд лиц, а в каком порядке это сделать — не имеет значения. В действительности же полнота, всесторонность

и доказательность судебного следствия в значительной мере зависят от того, в какой последовательности будут проверяться на суде отдельные доказательства, будет ли подсудимый допрошен до допроса свидетелей или после них, какие свидетели будут допрошены раньше, какие — позднее, в какой момент судебного следствия будет заслушано заключение экспертизы и будут допрошены эксперты.

Определение порядка судебного следствия производится таким образом: сперва свое предложение о порядке судебного следствия дает прокурор, затем — защитник и подсудимый, после чего суд выносит свое определение. Основная роль здесь принадлежит прокурору — именно он должен представлять суду развернутый и обоснованный план проведения судебного следствия. На практике обычно бывает иначе; после того как председатель суда спрашивает у прокурора его мнение относительно порядка судебного следствия, прокурор часто ограничивается трафаретной формулой: «Прошу судебное следствие вести в том порядке, какой указан в обвинительном заключении». Под этим подразумевается список лиц, подлежащих вызову в суд, который составляется следователем и прилагается к обвинительному заключению (ст. 207 УПК РСФСР). Такие действия прокурора ни в коем случае нельзя считать правильными. В прилагаемом к обвинительному заключению списке вызываемых на суд лиц лишь перечисляются обвиняемые и свидетели, но ни в какой мере не устанавливается необходимая последовательность их допросов на судебном следствии. Поэтому если суд будет вести судебное следствие по этому списку, никакого порядка и плана судебного следствия не будет и оно пройдет бессистемно и беспорядочно. Именно поэтому порядок, в котором необходимо проводить судебное следствие, должен быть заранее продуман и разработан прокурором при подготовке к выступлению на суде, о чем было сказано выше. Какой-либо общей обязательной схемы порядка судебного следствия, годной для всех дел, не существует, этот порядок может быть установлен для каждого дела в отдельности, исходя из его особенностей. Однако могут быть указаны некоторые общие соображения. Если подсудимые себя виновными признали и факт предъявленного им обвинения не отрицают, оспаривая лишь отдельные моменты и детали — судебное следствие целесообразно начать с допроса подсудимых, а затем перейти к допросу свидетелей; при таком порядке подсудимые смогут дать объяснения по всем пунктам предъявленного им обвинения, а затем — допросом свидетелей можно будет выяснить и уточнить те моменты, которые при допросе подсудимых остались неясными. Именно такой порядок судебного следствия был принят по предложению прокурора на процессах антисоветского троцкистского центра и антисоветского «правотроцкистского блока».

Иной порядок судебного следствия целесообразен по делам, где подсудимые отрицают свою виновность, где очевидцев преступления нет и обвинение основано на косвенных уликах. В таких случаях нет никакого смысла начинать судебное следствие с допроса подсудимых, так как допрос последних, до рассматривания на суде тех доказательств, на которых основано обвинение — как правило, ничего не дает и повлечет лишь

потерю времени. Поэтому в этих случаях судебное следствие надлежит начать с допроса свидетелей, на показаниях которых основано обвинение, и лишь после этого перейти к допросу подсудимого.

Именно такой порядок был принят по предложению прокурора по делу К. Д. Семенчука и С. П. Старцева (убийство доктора Вульфсона на о. Врангеля), рассмотренному Верховным судом РСФСР в мае 1936 г.

Далее необходимо определить, в каком порядке следует допрашивать подсудимых и свидетелей — каких раньше, каких позже. В отношении подсудимых этот вопрос по общему правилу решается в зависимости от роли каждого подсудимого в совершении преступления и характера его показаний, данных на предварительном следствии. В отношении свидетелей этот порядок зависит главным образом от существа тех обстоятельств, для установления которых вызван каждый свидетель: свидетели на судебном следствии должны располагаться таким образом, чтобы их показаниями последовательно освещались все обстоятельства дела, чтобы в процессе их допросов планомерно развертывались перед судом и следящими за процессом гражданами вся картина рассматриваемого дела. Так, свидетели, чьи показания относятся к одним и тем же обстоятельствам, должны допрашиваться друг за другом; если один свидетель вызван для опровержения показаний другого свидетеля — их также следует допросить друг за другом.

Иной порядок судебного следствия должен быть установлен для тех дел, обвинение по которым является сложным и состоит из нескольких эпизодов. Это относится главным образом к делам о крупных должностных и хозяйственных преступлениях, по которым предано суду несколько обвиняемых по обвинению в ряде преступных действий. По этим делам судебное следствие целесообразно проводить по эпизодам, т. е. сперва допросить подсудимых и свидетелей, чьи показания относятся к одному эпизоду; после того, как обстоятельства одного эпизода исчерпаны, перейти к следующему эпизоду; и т. д.

Все эти вопросы, связанные с определением порядка судебного следствия, должны быть тщательно разработаны прокурором, который должен свое предложение предъявить суду, как правило, в письменном виде, предварительно огласив его устно, с тем чтобы с этим планом могла ознакомиться защита, которая и может по нему представить суду свои соображения и замечания.

7. Взаимоотношения прокурора и суда в процессе судебного следствия

После того как определен порядок судебного следствия, судом и сторонами в этом порядке производится все судебное-следственные действия по установлению всех обстоятельств дела и проверке каждого доказательства (допросы подсудимых и свидетелей, заслушивание заключения экспертизы и допрос экспертов, ознакомление с вещественными доказательствами, оглашение документов).

Важнейшим вопросом этой части судебного заседания является вопрос о том, на ком лежит

обязанность проведения этих судебно-следственных действий, в первую очередь допросов — на председателе суда или на прокуроре — государственном обвинителе. Управление всем ходом судебного заседания и общее направление судебного следствия лежат на председателе суда (ст. 257 УПК РСФСР), все возникающие при рассмотрении дела вопросы решаются судом. Таким образом, «хозяином процесса» (*dominus litis*, по терминологии римского права) является суд, а не стороны, не прокурор. Прокурор на суде никакой решающей властью не располагает и, выступая в качестве представителя стороны государственного обвинения, все свои предложения, ходатайства и соображения представляет суду, от которого и зависит их разрешение. Таким образом, на суде прокурор сотрудничает с судом, помогает суду в правильном исследовании дела, но не главенствует над судом, а подчиняется суду. Однако это подчиненное по отношению к суду положение прокурора на судебном заседании не означает, что суд в лице председателя суда принимает на себя выполнение тех функций, которые принадлежат прокурору, как представителю государственного обвинения. Расследование дела производилось под наблюдением прокурора; прокурор санкционировал обвинительное заключение и направил дело в суд, когда пришел к убеждению в обоснованности обвинения; следовательно, прокурор должен на судебном следствии располагать всеми возможностями для того, чтобы продемонстрировать суду те доказательства, на которых основано обвинение, и обосновать свою точку зрения. А это означает, что проведение судебного следствия, т. е. составляющих его процессуальных действий (главным образом допросов) должно быть возложено на прокурора. Допросы подсудимых и свидетелей, на показаниях которых основано обвинение, должен производить прокурор, председатель же суда и члены суда могут задавать подсудимым и свидетелям дополнительные вопросы по тем обстоятельствам, которые остались невыясненными вопросам прокурора и защиты. Роль суда и его председателя от такого распределения функций по ведению судебного следствия ни в какой мере не уменьшается — руководство процессом, определение его направления и рамок принадлежат только суду, но в этих границах ведение судебного следствия должно лежать на прокуроре, как представителе государственного обвинения, обязанному обосновать перед судом те выводы, которые он сделал из данных предварительного следствия. Не уменьшаются ни в какой мере от такого порядка и роль и права защиты и самого подсудимого. Защитник может задавать вопросы каждому подсудимому и свидетелю после их допроса прокурором по всем тем обстоятельствам, которые он считает нужным установить; допрос свидетелей, вызванных по указанию защитника или подсудимого, производит защитник первым (ст. 287 УПК РСФСР), и в этом случае прокурору принадлежит право задавать свидетелю дополнительные вопросы по окончании допроса свидетеля защитником; самому подсудимому принадлежит право допроса свидетелей и других подсудимых, независимо от допроса их защитником, а также ему (подсудимому) принадлежит право давать объяснения по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия (ст. 277 УПК РСФСР). Таким образом возложена

на прокурора проведения судебного следствия и допросов подсудимых и свидетелей (кроме свидетелей, вызванных по указанию защитников и подсудимого) не только не ограничивает прав защиты, но, наоборот, усиливает и укрепляет принцип состязательности процесса, т. е. такое построение процесса, при котором рассмотрение дела на суде протекает в форме состязания сторон, оспаривающих выводы друг друга, проверяющих каждое обстоятельство с различных точек зрения, а в конечном счете — сотрудничающих друг с другом и с судом в деле отыскания материальной истины. Стороны — обвинение и защита — равноправны в процессе, т. е. пользуются равными процессуальными правами в исследовании обстоятельств дела и отстаивании своих позиций, и прокурор на суде не имеет никаких особых процессуальных прав, которыми не пользовался бы защитник. А из этого вытекает, что проверка на суде всех доказательств, на которых основано обвинение путем допросов подсудимых и свидетелей, должна лежать на прокуроре и именно он должен проводить в основном судебное следствие, под контролем суда. Такой порядок целесообразен также и потому, что, возлагая обязанность проведения допросов на прокурора — государственного обвинителя, — он дает возможность председателю суда в полной мере сохранять надлежащее положение в процессе, т. е. положение руководителя процесса, не становящегося на позиции какой-либо стороны. Судья должен быть беспристрастен и объективен, иначе — он не судья. Если же председатель будет самолично проводить все допросы подсудимых и свидетелей — он очень легко может скатиться на позиции обвинителя и потерять тем самым свое судейское лицо.

Именно такой порядок распределения функций между прокурором и председателем суда был проведен по делам антисоветского троцкистского центра и антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренным военной коллегией Верховного суда СССР, и он себя полностью оправдал.

Но такая роль прокурора на судебном следствии возлагает на прокурора громадную ответственность. Для того чтобы провести судебное следствие, от прокурора требуется — исчерпывающее знание дела, глубокая продуманность всех его действий, большая опытность, умение и культура. Для того чтобы успешно выполнить свои задачи на суде, прокурору необходимо непрерывно работать над собой, повышать свою квалификацию и не относиться к выступлению на суде как к некоторому развлечению, которое можно себе изредка позволить, «отдыхая» от своих непосредственных прокурорских обязанностей. Именно в суде — основная точка приложения опыта, знаний и способностей прокурора; именно выполнение этой задачи показывает, насколько прокурор овладел своей работой, насколько он соответствует своему высокому назначению.

8. Допрос подсудимых и свидетелей

На самом судебном следствии деятельность прокурора проявляется, главным образом, в допросах подсудимых и свидетелей, проводимых в соответствии с принятым судом порядком судебного следствия. При допросах от прокурора тре-

буется в первую очередь максимальная настойчивость, решительность и неуклонность в выяснении тех обстоятельств дела, которые имеют существенное значение для правильного разрешения дела.

На практике имеют место случаи неподвижности, вялости прокуроров на судебном следствии, когда прокурор не решается взять в свои руки допрос подсудимого и свидетелей, задает им вопросы медленно, нерешительно, в путанной и неясной форме, часто прерывая допрос для обдумывания дальнейших вопросов. Это, разумеется, не соответствует действительной роли прокурора на судебном следствии и снижает ее. Причина такого явления, очевидно, коренится либо в недостаточной подготовке прокурора к делу, либо в недостаточном опыте и умении, либо же в отсутствии у прокурора ясной линии и достаточно твердого убеждения в правильности своих обвинительных позиций. Ни в коем случае такое явление не может быть признано нормальным. Прокурор должен быть последовательным, непреклонным и принципиальным на всем протяжении судебного процесса и принимать все меры к тому, чтобы обосновать обвинение и изобличить действительно виновных лиц. Но подобная настойчивость и последовательность обвинения ни в какой мере не может выливаться в излишнюю придирчивость к допрашиваемому и всегда должна сочетаться с корректными, культурными методами допроса. Иногда встречающиеся в практике случаи сбивания прокурором подсудимых и свидетелей, «подавления» их, а иногда и задугования — должны быть признаны несоместимыми с задачами и достоинством советского обвинителя. Например, по одному делу прокурор начал допрос одной очень существенной свидетельницы с вопроса «не являетесь ли вы дочерью губернатора», чем привел свидетельницу в такое смущение, что получить от нее маломальски связанные показания было невозможно. Кстати, эта свидетельница ни к какому губернатору ни малейшего отношения не имела.

Всем прокурорам следует основательно изучить стенограмму судебного следствия по делу антисоветского «право-троцкистского блока». По этому делу настойчивый и энергичный допрос прокурором подсудимых и свидетелей неизменно проводился в очень культурных и корректных формах. Ни в коем случае недопустимо задавание прокурором так называемых «наводящих вопросов», т. е. вопросов, в которых уже содержится желательные прокурору ответы. Недопустимым является также применяемый некоторыми прокурорами метод допроса — самому излагать то или иное обстоятельство или событие и предлагать подсудимому или свидетелю лишь подтвердить или отвергнуть это изложение; допрашиваемый подсудимый или свидетель должны давать показания свободно, в том виде, как именно они восприняли данный факт, и их показание не должно подменяться произвольной интерпретацией этого факта прокурором. Вообще вопросы прокурора должны быть очень короткими с тем, чтобы ответы на них были обстоятельными и подробными, а не наоборот. Далее, вопросы, которые задает прокурор, должны быть ясными и недвусмысленными, так чтобы на них мог быть дан также ясный и недвусмысленный ответ — положительный или отрицательный. Вообще во всей системе допроса, проводимого про-

курором, должна быть четкая логическая связь, так чтобы из допроса каждого подсудимого и свидетеля мог быть сделан совершенно определенный вывод.

В отношении допроса подсудимого может быть признан целесообразным такой метод: после того как подсудимый дал ответы на все вопросы прокурора, прокурор суммирует все данные подсудимым ответы, задавая подсудимому сводный вопрос, из ответа на который можно было бы судить, какие же обстоятельства подсудимый в конечном итоге признает, а какие отрицает и оспаривает.

По делу антисоветского «право-троцкистского блока» (равно как и по некоторым другим делам этого же рода) прокурором применялся своеобразный метод, который можно назвать «шахматным допросом». Существо этого метода заключается в том, что прокурор, допрашивая одного подсудимого, попутно задает вопросы и другим подсудимым по тем обстоятельствам, которые оказываются неясными, ни на минуту не прерывая нити основного допроса; таким образом, в допрос одного подсудимого все время втягиваются и другие подсудимые. По делам о преступных организациях этот метод очень эффективен, но для его применения требуется очень большое умение, так как иначе очень легко среди попутных вопросов другим подсудимым потерять нить основного допроса.

В отношении допросов подсудимых и свидетелей необходимо сделать еще такое замечание. Во время допроса прокурором подсудимого и свидетеля иногда выясняются такие обстоятельства, которые говорят не в пользу обвинения, а в пользу подсудимого. Некоторые прокуроры в этих случаях теряются и пытаются как-то смазать, обойти эти места, которые им кажутся с точки зрения обвинения «опасным». Это абсолютно недопустимо. При проведении допросов, как и при проведении всего судебного следствия, прокурором должно руководить одно стремление — найти истину, поэтому прокурор должен стремиться выяснить все обстоятельства дела; если при допросе выяснится какое-либо обстоятельство, противоречащее обвинению, прокурор не только не должен его обойти, а наоборот, обязан со всей тщательностью его выяснить до конца, не оставляя места никаким неясностям, недоговоренностям и т. д., и в дальнейшем сделать из этого соответствующие выводы.

9. Иные судебные-следственные действия

Помимо допросов подсудимых и свидетелей, на судебном следствии значительное место занимают допрос экспертов, исследование вещественных доказательств и оглашение имеющихся в деле документов.

— Позиция прокурора в отношении экспертов вытекает из всего изложенного выше. Помимо этого от прокурора требуется одно: перед тем, как эксперты удалятся для составления заключения, прокурор должен поставить перед ними четко сформулированные и в письменной форме изложенные вопросы, ответы экспертов на которые он считает нужными для правильного разрешения дела. Естественно, что эти вопросы должны быть прокурором заблаговременно продуманы и сформулированы, так как ставить их экспертом, невозможно.

Исследование вещественных доказательств на судебном следствии производится судом в форме их предъявления сторонам и заслушания соображений и замечаний сторон по поводу каждого вещественного доказательства. Прокурор должен следить за тем, чтобы это требование было выполнено, без чего ни суд, ни стороны не смогут сделать из имеющихся вещественных доказательств никаких выводов. В одном суде по делу об убийстве имел место такой факт: по делу фигурировал чемодан со следами крови; при окончании судебного следствия защитник просил суд предъявить этот чемодан сторонам, но суд эту вполне основательную и законную просьбу отклонил, указав, что «суд осмотрит чемодан в совещательной комнате». Вопреки требованиям ст. 299 УПК РСФСР, прокурор не счит нужным возражать против такого незаконного ограничения устности, непосредственности и состязательности процесса, и в своей обвинительной речи все же приводил этот чемодан в качестве доказательства, подтверждающего обвинение.

Оглашение имеющихся в деле документов, согласно ст. 299 УПК РСФСР (и соответствующим статьям УПК других союзных республик), производится как по инициативе суда, так и по ходатайству сторон в любой момент судебного следствия, в зависимости от его хода.

Прокурор может просить суд огласить тот или иной документ или, с разрешения суда, огласить его самостоятельно — как в процессе допросов подсудимого и свидетелей, так и при окончании судебного следствия. Оглашение документа при допросе подсудимого и свидетелей производится в тех случаях, когда этим документом можно проверить показания, или обратно, показаниями можно проверить этот документ. Если документ слишком длинен и сложен, так что текстуальное его оглашение затруднительно, прокурор может просить суд удостоверить, что в деле имеется

документ соответствующего содержания. Помимо этого оглашение документов, имеющих в деле, может иметь место в конце судебного следствия; об этом прокурор должен просить суд в тех случаях, когда те или иные документы, содержащиеся в деле, с точки зрения прокурора имеют значение для решения дела и прокурор намерен сослаться на них в своей обвинительной речи. Необходимо иметь в виду, что в соответствии с принципами устности и непосредственности процесса, сформулированными в ст.ст. 305 и 319 УПК РСФСР и в соответствующих статьях УПК других союзных республик, стороны могут сослаться, а суд при постановлении приговора может основываться только на тех доказательствах, которые были рассмотрены на судебном следствии. Поэтому, если тот или иной имеющийся в деле документ имеет значение для разрешения дела, прокурор должен обеспечить его оглашение на судебном следствии, без чего прокурор не может на него сослаться в своей обвинительной речи, а суд не может его использовать как доказательство при постановлении приговора.

* * *

Выше приведены методические указания относительно поведения прокурора на судебном следствии. Ими не исчерпывается круг вопросов, связанных с участием прокурора в судебном следствии. Выполнение этих указаний не должно быть механическим, трафаретным, так как участие прокурора в судебном следствии требует в первую очередь инициативы, находчивости, умения, культуры и юридической подготовленности поддерживающего обвинение прокурора. Но в сочетании с этими условиями изложенные в настоящем руководстве методические указания должны быть внедрены в практику работы прокуратуры в целях улучшения постановки государственного обвинения на суде.

А. ВИНБЕРГ и П. КОЧЕТКОВ

Значение обстоятельств дела при графической экспертизе

Криминалист-эксперт при исследовании документов строит свои выводы не только из наблюдений над различными признаками почерка, свойственными автору исследуемых сомнительных документов, но обращает при этом серьезнейшее внимание и на такие вопросы, как содержание документа, его целевое назначение и те обстоятельства дела, которые имеют значение при производстве графической экспертизы.

В настоящее время среди наших экспертов трудно себе представить специалиста, который при исследовании документа ограничился бы перечислением одних лишь свойств почерка, как-то нажим, наклон или напряжение, и упустил бы из поля зрения такие важнейшие вопросы, как целевое назначение и содержание документа.

Содержание исследуемого документа нередко приводит эксперта к отысканию правильного и безошибочного пути исследования. Содержание документа, если оно не подвергалось частичному

изменению путем травления или подчисток текста, в первую очередь удостоверяет те или иные события, т. е. говорит о фактах. Мы знаем, что письменный документ призван оформить самые разнообразные правовые отношения между людьми.

Документы подтверждают денежные расчеты, удостоверяют различные обстоятельства от имени государственных или общественных организаций, а также частных лиц.

При криминалистическом исследовании документов совершенно неверно было бы предать забвению те мысли пишущего, которые изложены им на бумаге, а также оставить без внимания назначение документа (т. е. для чего предназначался документ). Ведь целевое назначение документа является далеко не безразличным, даже с точки зрения исполнения его внешней формы, т. е. почерка. Воля человека при подписании, например, чека на большую сумму, руководит рукой пишущего так, чтобы подпись

была четкой, ясной. Совсем иной подпись того же лица может быть при небрежном исполнении какой-либо записки частного характера (например, записка к жене с просьбой купить на ужин не колбасу, а 200 граммов сыру).

С одной стороны, — подпись на документе, имеющая серьезное государственное назначение, с другой — несколько ничего не значащих фраз. Причины, которыми руководствовался пишущий при внешнем оформлении документа, становятся ясными при ознакомлении с содержанием и назначением этих документов.

Трудно себе представить изучение, скажем, анонимного письма и установление по нему автора, если мы не ознакомимся с содержанием того, что приводится в этом письме, с мотивами, которыми руководствовался автор анонимки, если мы не уясним себе причины происхождения этого письма. Содержание письма часто объясняет ту обстановку, в которой письмо составлялось. Предсмертная записка самоубийцы часто объяснит нам и неровность строки, пропуск букв в словах и пр.

Документ, трактуемый о дебиторской задолженности, будет отличен от письма пылкого юноши, объясняющегося в любви... Словом, содержание письма часто дает возможность судить о тех условиях, при которых составлялся тот или иной документ, те мотивы, которыми руководствовался его автор, что, конечно, имеет существенное значение для криминалиста. Еще в XVII столетии автор одной из первых книг о графической экспертизе — Равено — обращал внимание на то, что не следует основываться на сравнении рукописей неоднородного содержания, например, любовного письма с долговой распиской.

Из содержания письма следует и его целевое назначение: в зависимости от назначения документа можно прийти к выводу, чьи интересы преследовала та или иная подделка в документе, кем используется этот подлог, и, наконец, кто же мог быть составителем данного поддельного документа.

Какое актуальное значение приобретает анализ содержания документов, можно усмотреть в наглядном примере по делу о подделке старинных документов-автографов, имевшему место в 1869—1870 гг. в Парижской академии наук.

В 1867 г. на очередное заседание Парижской академии наук академиком-математиком Шаль были переданы четыре подлинных письма поэта Ротру, из которых два — адресованных кардиналу Ришелье. Спустя некоторое время Шаль передал в академию два письма Паскаля к английскому химику Роберту Бойлю и 4 лоскутка бумаги с заметками Паскаля. Академия все эти материалы занесла в протокол заседания, а затем вместе с протоколом обнародовала их. Вскоре стали поступать от разных ученых из некоторых стран указания, что автографы поддельные.

Ниже мы приводим одно из поддельных писем, якобы написанное Паскалем к Ньютону:

«Мой юный друг! Я узнал, что Вы с большим рвением занимаетесь изучением математики и геометрии. Посылаю Вам для упражнения вашего ума несколько задач на закон абстракции, которыми я в прежнее время много занимался. Работайте, учитесь, но знайте меру. Это лучший способ учиться и извлекать пользу из учения.

В этом письме вместо слова «аттракции» (притяжение) было написано «абстракции», — кроме этого в письме было много пустых фраз, подходящих больше к стилю малоопытного тогдашнего сельского учителя.

Известный в Эдинбурге физик Давид Бревертер, почетный член Парижской академии, популярный своими трудами о жизнеописании Ньютона, писал по поводу опубликованных писем:

«Письма Паскаля к Ньютону от 1658 г. не отличаются большой достоверностью. Ньютон в это время еще ничего не понимал о тех предметах о которых в них говорится, а занимался еще, подобно со своим возрастом, пусканием змея, устройством маленьких мельниц и солнечных часов».

Проспер Фашер, считая письма подложными, возражал против содержания одного из писем Паскаля к Бойлю (письмо от 1652 г.). В этом письме Паскаль приводил как пример силы притяжения муху, плавающую в чашке с кофе и с заметной скоростью направляющуюся к краю чашки.

«Этот пример естественно предполагает, что во времена Паскаля кофе было довольно распространенным напитком, между тем достоверно известно, что только семь лет спустя после смерти Паскаля и именно в 1669 г. турецкий посол при дворе Людовика XIV Селиман-Ага впервые ввел в употребление кофе во французском обществе».

Специально созданная комиссия в Академии наук установила, что содержание заподозренных писем бралось из сочинений Вольтера и др. и что все письма являются подложными. Автор подделок был установлен и предан суду.

Эксперты установили, что ни по слогу, ни по орфографии эти письма не могли быть написаны теми лицами, которые якобы их писали. Кроме того, все заподозренные документы имели большое сходство между собой по их внешнему виду и по характеру их воспроизведения, хотя должны были представлять собою произведения разных лиц различных эпох и стран.

Из приведенного примера видно, что если бы эксперт изучал спорные документы по одному лишь почерку, то при искусных подделках не исключена была бы возможность допущения ряда ошибок. Однако анализ содержания этих документов оберег исследователей от ошибочных заключений и позволил с достоверностью утверждать, что автографы являются поддельными. Действительно, что может противостоять такому аргументу, как, например, упоминание якобы в автографе Паскаля о чашке кофе, в то время как кофе появилось спустя лишь несколько лет после смерти Паскаля; или же упоминание в письме Галилея об одном из спутников Сатурна, хотя этот спутник в то время еще не был открыт, и т. д.

Мы подчеркиваем еще и еще раз, что исследование письма рассматривается нами как целостный процесс его всестороннего изучения, т. е. как изучение содержания документа, его целевого назначения, стиля и самого почерка. Поэтому та или иная сторона исследования берется нами не оторванно от остальных его сторон. Мы не противопоставляем значение содержания документа — стилю или почерку. Наоборот, все признаки письма мы берем в их совокупности, в причинной связи и взаимозависимости, и стараемся все вышеприведенные при-

знаки письма в максимальном количестве отыскать в исследуемом документе.

Лишь тогда мы достигнем наибольшей степени достоверности в своих заключениях, лишь тогда наше графическое исследование документов будет покояться на широком и всестороннем анализе материала.

Меньшее значение для эксперта приобретает и знание тех обстоятельств следственного или судебного дела, которые стоят в связи с производимым графическим исследованием. В криминалистической литературе мы не имеем в этой области единого мнения.

Виднейшие криминалисты и эксперты подходят с чрезвычайно предвзятым мнением к вопросам изучения экспертами обстоятельств дела. Эти ученые считают недопустимым изучать, например, то следственное дело, по которому назначена графическая экспертиза, и рекомендуют всячески отрешиться от какой бы то ни было конкретной обстановки, а исследовать графический и только узко графический материал. Так, проф. Оттоленги заявлял, что «эксперт, производящий графический анализ, должен стоять в стороне от всяких исследований фактов и даже стараться абсолютно игнорировать все, касающееся фактов, — обстановку, затронутые интересы...»

«Я настаиваю, — писал Оттоленги, — что графический анализ должен производиться абсолютно объективно, абсолютно отвлеченно от содержания документов, ограничиваясь изучением черт почерка для обнаружения признаков его».

Таким образом, по мнению Оттоленги, понятие объективности и добросовестности в работе экспертов находится в противоречии с исследованием фактической стороны дела, содержания документов и т. д. По тем же взглядам наиболее объективным экспертом окажется как раз не тот, кто придет к заключению на основе глубокого и всестороннего изучения не только графических признаков, но и содержания дела, а тот, кто закроет глаза на все обстоятельства дела, на содержание документа, на его целевое назначение, тот, кто будет на подобие «чревоушателя» изрекать «с научных высот» свои взгляды, миная «низменную» практику — изучение обстановки, в связи с которой произошел спорный документ, личность обвиняемого и иные вопросы судебного дела.

Столь же осторожной, но на наш взгляд неправильной, позиции придерживается и французский ученый д-р Локар, который пишет о том, что «не следует знакомиться с материалами по делу, пока не закончено техническое исследование, чтобы не поддаваться внушению и влиянию разных соображений морального характера. Читать дело следует лишь по окончании анализов».

Проф. Локар прямо указывает, что знакомство эксперта с обстоятельствами дела грозит эксперту поддаться под внушение и влияние такого рода, которое собьет эксперта с его объективного пути. Так ли это?

Мы ни в коем случае не можем согласиться с подобной постановкой вопроса. Наоборот, для эксперта-криминалиста имеет большое значение изучение уголовного или гражданского дела в той его части, которая имеет отношение к оценке графических признаков.

Для эксперта-криминалиста исследование отдельных признаков письма приобретает значение

в причинной связи с фактическими обстоятельствами судебного дела, а не взятое в отдельности и искусственно оторванное от существа дела. Письмо не может рассматриваться криминалистом изолированно от обстоятельств дела, а исследуется в связи и в аспекте всех тех условий, в которых оно воспроизводилось.

С этой целью эксперт, знакомясь с обстоятельствами дела, должен изучить все относящееся к лицу, обвиняемому в подлогах, с тем чтобы выяснить его образование, подготовку, его особенности, как например — близорукость, левша, его болезни (паралитическое состояние, алкоголизм и т. п.). Знание всех этих вопросов позволит эксперту правильно оценить имеющийся графический материал, особенно если наблюдаются отдельные аномалии в почерке.

Убедившись, что обвиняемый — малограмотный человек, работал, к примеру, кладовщиком — эксперту станет ясным, что обвиняемым не могло быть выполнено, скажем, анонимное письмо, исполненное хорошо выработанным почерком, с терминологией и оборотами речи, присущей высококультурному человеку; с другой стороны, знание обстоятельств дела, позволит эксперту представить ту обстановку, в которой создавался тот или иной заподозренный документ. Например, исследованию подлежит документ, графические признаки в котором несколько отличаются от представленных образцов письма. Где кроется причина этого? Из материалов дела эксперт узнает, что подделыватель выполнял текст заподозренного документа, стоя, например, перед окошечком кассы, или в вагоне поезда, во время движения последнего и т. п.

Мы сошлемся на практику Лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры СССР.

Из практики работы этой лаборатории явствует, какое часто неопценное значение приобретает знание экспертом обстоятельств дела.

Приведем пример этого. В феврале текущего года от нарследователя г. Орла Курской области поступил в лабораторию материал по делу гр. В., для производства графического исследования. Обстоятельства этого дела были следующие:

При проверке состояния тары на базе Орловского производственного управления «Главхлеб» по Курской области была выявлена недостача мешков в количестве 1 213 шт. В недостатке установлена ответственность кладовщика. Стремясь погасить числящуюся за ним недостачу, гр. В. решил свою ответственность в этом вопросе переложить на неопытного, недавно приступившего к работе зав. базой гр. О.

С этой целью гр. В. обратился к гр. О. с просьбой о том, чтобы последний вторично написал химическим карандашом свою подпись на корешке накладной № 76, мотивируя это якобы трудностью прочтения полустертых штрихов его подписи. Одновременно гр. В. к корешку накладной через копирку подложил бланк квитанции № 66. Гр. О., согласившись с предложением гр. В., повторил свою подпись химическим карандашом, не подозревая при этом, что через копирку подложен другой документ, на котором также получилась подпись.

В связи с указанным на разрешение экспертизы был поставлен вопрос — выполнена ли подпись О. на корешке накладной № 76 одновременно под копирку с подписью О. на кви-

танция № 66? Приводим часть акта экспертизы по этому вопросу.

«1. Исследованием подписи О. на корешке накладной № 76 устанавливается, что эта подпись исполнена химическим карандашом фиолетового цвета. Под штрихами химического карандаша имеются следы красящего вещества копировальной бумаги.

2. Исследованием подписи О. на квитанции № 66 устанавливается, что эта подпись исполнена под копирку.

3. Для установления, одновременно ли исполнены обе исследуемые подписи, были изготовлены диагностивные пленки с этих подписей. При совмещении диагностивов подписи О. на обоих документах совпадают во всех точках, что служит доказательством одновременного исполнения обеих подписей.

Заключение

Исследуемые подписи О. на корешке накладной № 76 и квитанции № 66 исполнены одновременно».

Проанализируем эту часть акта.

Допустим, что эксперту не были известны обстоятельства дела. В этом случае эксперт испытывал бы большие затруднения. Одна из подписей, как мы видели, исполнена химическим карандашом, под штрихами которого видны следы красящего вещества — копирки. Другая подпись исполнена под копирку. Сравнить между собой две подписи, одна из которых выполнена под копирку, — дело рискованное, ибо под копирку можно срисовывать любую подпись. Таким образом, не зная обстоятельств дела, эксперт не смог бы прийти к определенному выводу.

Однако, ознакомившись с обстоятельствами дела, эксперт узнал те технические приемы, к которым прибегнул обвиняемый при совершении подделок, и это-то направило эксперта по верному пути исследования. Только знание обстоятельств дела позволило эксперту дать определенное заключение, которое, повидимому, будет весьма полезно и для дальнейшего ведения следствия, ибо заключение эксперта о том, что обе подписи исполнены одновременно, в то время как содержание обоих документов различно, уже дает нить в руки следователя. Действительно, в получении такого рода документов был заинтересован, как мы видим из дела, кладовщик, который пытался оправдать свою недостачу этими двумя заподозренными документами.

Бесспорно, что только из обстоятельств дела можно с меньшей затратой сил и большими результатами определить, к какому техническому приему имел возможность прибегнуть обвиняемый при производстве подлога.

Приведем другой пример.

Гр-ка Г. предъявила иск к сберкассе, за выдачу якобы по поддельной подписи кому-то части ее вклада. Возник вопрос, подлинная или поддельная подпись получателя на заподозренном документе. Образцом несомненной подписи гр. Г. служила ее подпись на лицевого счета. Эта подпись была выполнена твердыми уверенными движениями руки, в то время как заподозренная подпись производила впечатление маловероятной подписи, с извилистыми штрихами.

Не зная обстоятельств дела, эксперт пришел бы к заключению, что подпись получателя вклада исполнена не гр. Г. Однако, ознакомившись с обстоятельствами дела, эксперт установил, что дата получения денег по вкладу совпадает с периодом паралитического состояния гр. Г., почерк которой в это время обладал той же неуверенностью и некоординированными движениями, которые наблюдались в заподозренной подписи.

Из приведенного примера видно, что эксперту необходимо знать обстоятельства дела не для какого-то «угадывания» или «приноравливания» своего заключения к этим обстоятельствам, а для учета всех тех особенностей дела, знание которых приводит эксперта к наиболее правильному и справедливому заключению.

Поэтому абсолютно неправы те следователи или судьи, которые твердят, что эксперту нельзя давать знакомиться с обстоятельствами дела, что от эксперта следует все скрывать, предоставив ему лишь один почерк на спорном документе. Этой «медвежьей» услугой некоторые практические работники пытаются создать с их точки зрения условия, при которых гарантирована объективность заключения эксперта. Эти «блюстители» объективности экспертов забывают при этом, что если исследователь под влиянием знакомства с обстоятельствами дела сойдет с пути беспристрастного анализа и подпадет под влияние предвзятого мнения, то такой «исследователь» вообще не может быть экспертом.

Правильно указывает Буринский, что «при исследовании экспертизы неопределенного задания необходимо хорошо знать все подробности следственного производства».

«Если следователь отказывает эксперту в разрешении прочитать все производство, то эксперт обязан по совести письменно заявить, что он не видит возможности исполнить данное ему поручение. Уголовная экспертиза документа должна идти рука об руку со следствием, черпать из следственного производства необходимые сведения и, в свою очередь, давать таковые же следователю.

Следователь или судья должны, направляя материалы на графическое исследование, либо высылать эксперту для ознакомления все следственное или судебное дело, либо, не высылая дела, направить эксперту подробное изложение всех тех обстоятельств дела, которые связаны с вопросами производства графической экспертизы. Совершенно недопустимо, когда следователь, направляя на графическую экспертизу различные материалы, в кратеньком и не всегда понятном препроводительном письме предъявляет лишь требование о производстве экспертизы, ни одним словом не обмолвившись о значении поставленных им на разрешение вопросов в цепи других доказательств, умолчав об обстоятельствах дела.

Здесь уместно напомнить следователю указания Г. Гросса о том, что «самые разнообразные причины часто сопровождаются одинаковыми последствиями; когда же научно-образовательный эксперт ознакомлен со всеми сопровождавшими событие преступления обстоятельствами, прочел показания свидетелей, видел предполагаемое орудие преступления, то он не делает в силу этого поспешного заключения, наоборот, взвесив все возможные комбинации, имея перед собой

полную картину события, он выскажет суждение свое смелее, совершеннее...»¹.

В заключение укажем, что наш Уголовно-процессуальный кодекс в ст. 171 говорит, что «эксперт имеет право с разрешения следователя знакомиться с теми обстоятельствами дела, выясне-

ние которых необходимо ему для дачи заключения».

Это указание закона еще и еще раз подтверждает нашу мысль о значении изучения экспертом обстоятельств дела при производстве экспертизы.

С. ПОТАПОВ

Новости судебной фотографии

Методы криминалистики служат для раскрытия фактической стороны событий, являющихся предметом уголовного расследования. События этого рода обычно оставляют после себя вещественные изменения в окружающей обстановке в зависимости от выявившихся данное событие причин, обнаружение которых и составляет основную следственную задачу. Поэтому методы криминалистики строятся по преимуществу на достижениях естественных наук, изучающих, как известно, причинную связь между явлениями природы. От тех же наук криминалистика заимствует технические средства и приемы, приспособляя их к целям расследования.

Изменения в вещественной обстановке события, если их изучать в ближайшие моменты после того, как они произошли, дают полноценный материал для анализа предшествовавших фактов как ряда связанных между собой причин и следствий в их последовательном движении, возникновении и развитии, столкновениях и взаимодействиях.

Но эта полноценность материала очень кратковременна. С другой стороны, — причины, вызвавшие данное событие, часто представляют собой слишком сложное сцепление всевозможных данных, чтобы полное овладение ими, без применения сокращающих время и труд технических приемов и средств, могло уложиться в пределы, допускаемые обычным течением жизни. А в то же время необходимыми качествами расследования являются быстрота, точность, полнота, детальность и объективность доказательств.

Именно потребность обеспечить все эти качества следственной работы, выполняемой в указанных условиях, и были вызваны к жизни методы криминалистики, в частности — судебной фотографии. Последняя оказалась в этом отношении особенно ценной, так как получаемые с ее помощью результаты сопровождаются, по общему правилу, всеми перечисленными свойствами.

Необходимость еще более улучшить расследование с точки зрения тех же качеств служит основанием дальнейшего развития криминалистики, осуществляемого в двойной форме: или в виде постепенного усовершенствования существующих методов, или же в виде скачкообразной замены одних методов другими. В первом случае нововведение выражается в том, что старый метод видоизменяется в сторону более це-

лесообразного приспособления его к практическому использованию. Во втором — старый метод полностью отбрасывается, если найден новый, лучше ведущий к той же цели.

Так например, простая портретная фотография, применявшаяся вначале для опознания личности, была усовершенствована рядом нововведений и превратилась специально в примето-описательную (сигналетическую). Для фотографической съемки открытых видов и внутренних помещений при производстве расследования были приспособлены отвечающие этой потребности камера и метрический объектив, давшие возможность ускорить фиксирование обстановки места преступления путем получения фотограмметрического снимка. Устройство репродукционного аппарата видоизменено с целью придания ему возможности служить для съемки не только документов с экрана, но и вещественных доказательств с предметного стола, а самый экран сделан вращающимся и т. п.

Особенно показательна судьба «датского метода идентификации на расстоянии», предложенного Йоргенсеном. Им были разработаны многочисленные цифровые формулы для передачи примет личности по телеграфу. Но вскоре после принятия этого метода буржуазными странами «в международном масштабе» был изобретен фототелеграф, и метод Йоргенсена с его обширным кодом (указателем) полностью отпал.

Такого рода новости судебной фотографии, появившиеся в процессе ее развития, ясно показывают, что каждое нововведение в этой отрасли криминалистики становится ее достоянием только при условии, если оно практически удовлетворяет большей быстроте, точности, полноте, детальности и объективности доказательств или же более высокой степени хотя бы только одного из этих качеств, не снижая ценности других. Из того же условия вытекает стремление сделать технические средства и приемы более простыми и удобными в обращении, а результаты их применения — более убедительными по степени их наглядности. К этим же свойствам может быть отнесена еще и дешевизна того или иного нового прибора, если последний дает те же результаты, что и более дорогой.

Таковы основные требования, предъявляемые к методам судебной фотографии со стороны существа современной следственной работы, строящейся на научных основах. В практическом отношении эти требования важно иметь в виду потому, что они, во-первых, указывают правильный путь творческой мысли, направленной на усовершенствование старых и создание новых судебно-фотографических методов, и, во-вторых, дают точный критерий для оценки всевозмож-

¹ Гросс, «Руководство для судебных следователей», изд. 1895 г., стр. 181.

ных предложений, относящихся к новостям судебной фотографии.

Лаборатория по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР осуществила конструкцию следственного чемодана, в котором одно из главных мест принадлежит фотоаппарату с принадлежностями для оперативной работы при выездах на места преступлений. Этот факт, уже сам по себе являющийся большой новостью, полька за собой еще и некоторые другие.

Прежде всего следует отметить значительно возросший интерес к фотографированию со стороны прокурорских, следственных и судебных работников.

Во-вторых, ввиду того что фотоаппарат, включенный в состав следственного чемодана, не является специально судебным, а «фотокором» (для фотокорреспонденций), потребовались некоторые новые указания для получения с его помощью судебно-фотографических снимков необходимого качества.

Наконец, в-третьих, заметно оживилась научная разработка методов судебной фотографии в лабораториях и институтах, предназначенных для криминалистической лаборатории.

Отмечаемые новости, несомненно, окажут самое благотворное влияние на качество расследования.

В частности, непосредственный практический опыт применения судебно-фотографических методов лицами, ответственными за исход уголовного дела, не может не дать богатейшего материала для развития теории следственной науки, — другими словами, криминалистики, главным образом, в ее особенной части, которая изучает методику расследования отдельных видов преступлений и которая, несмотря на достигнутые ею в последнее время успехи, все еще недостаточно разработана. По поводу же значения для науки опыта, практики, всегда необходимо иметь в виду незабываемые указания товарища Сталина на первом всесоюзном совещании становцев.

Помимо этого, занятие фотографией чрезвычайно развивает те личные качества, которые указываются уголовной практикой как необходимые условия для успеха расследования: это — внимание, наблюдательность и объективность.

Всякое невнимание, постоянно наблюдаемое у начинающих фотографов (забыл отметить снятую пластинку или передвинуть катушку с кинолентой, забыл открыть крышку кассеты или завести затвор, не учел освещения, объект съемки или светочувствительности эмульсии и т. п.) неизменно наказывается негодностью результатов труда и порчей фотоматериалов. А это может касаться важнейших снимков, сделанных с общей обстановки места преступления или отдельных следов. Такого рода неудачи приучают к полному сосредоточению внимания на всех «мелочах» фотографического процесса и вместе с тем закрепляют в сознании ту простую истину, что «малые» причины нередко влекут за собой большие последствия.

Отсутствие наблюдательности также часто обесценивает доказательное значение фотографического снимка. При фиксировании, например, обстановки преступления только от наблюдательности зависит выбор как лучшего места для установки аппарата, так и ряда других условий (диафрагмы, применения светофильтра, отра-

жающих свет поверхностей, затемнения окон и пр.). Иначе важные следы и предметы могут оказаться на снимке скрытыми другими предметами или густой тенью, детали на стене у окна смазанными ярким светом, соотношения цветных оттенков искаженными и т. д.

Что же касается присущей фотографии объективности, то последняя невольно отучает лицо, производящее расследование, останавливаться исключительно на том, что в данную минуту субъективно кажется имеющим существенно значение, так как фотографический снимок с одинаковой мерой способен объективно охватить и то, что может оказаться существенным уже впоследствии.

Останавливаясь на новостях судебной фотографии, вызванных заменой специально судебного фотоаппарата «фотокором», следует отметить, что таких новостей пока еще мало. Сюда относится изданная Киевским институтом научно-судебной экспертизы под редакцией Б. И. Вахлиса небольшая работа двух авторов — В. М. Павловского и Б. Р. Кирчицкого — с несколько странным заглавием: «Краткое руководство по судебной и судебно-метрической фотографии» (как будто судебно-метрическая фотография не является частью судебной!).

В этой работе В. М. Павловский предлагает «новый метод судебно-метрической фотографии», сущность которого состоит в следующем: если при фотографировании места преступления положить соответствующим образом на снимаемую плоскость квадратный лист плотной бумаги со стороной в один метр (или 50 см) со вписанным в него кругом и отмеченным центром, то на полученном снимке можно при помощи графических построений по определенным формулам вычислять размеры предметов и расстояния между ними.

Такое же применение для метрической съемки квадрата со стороной 50 см, нарисованного со своими диагоналями на деревянной доске, описал еще в 1915 г. известный в криминалистической литературе Гейндль. Квадрат изменяется на фотоснимке в соответствии с законами перспективы: это дает возможность расчертить все изображение постепенно уменьшающимися к точке схода четырехугольниками в натуре 50 кв. см и таким образом определять числовые значения размеров предметов и расстояний («Фотограмметрия без специальной камеры», на немецком языке).

Получающаяся сетка из четырехугольников способствует также составлению плана, но мешает рассмотрению деталей изображения. Поэтому Гейндль считает более целесообразным простой (не метрический) снимок с места преступления и план, сделанный путем чертежа.

С этим не согласен другой автор — Сарнецкий (аннотация № 229 Института уголовной политики и аннотируемая статья), так как чертежный план не может предусмотреть всех измерений, которые окажутся важными впоследствии. Придавая больше значения фотограмметрическому снимку, он предлагает, вместо сетки из четырехугольников, пользоваться графическим способом и вычисленным по формулам.

Таким образом, предложения В. М. Павловского и Сарнецкого совпадают. Но у первого имеются две новости: он называет квадратный лист бумаги со вписанным в него кругом и от-

меченным центром «квадратно-круговым масштабом», а линию, проводимую параллельно основанию снимка для производства вычислений, — «линейный масштаб». Однако эти «новости» искажают общепринятое в науке понятие масштаба и поэтому совершенно неприемлемы. Квадратный лист имеет значение перспектометра, а не масштаба.

По поводу опасений, что с вычислениями на фотографическом снимке могут справиться только хорошо подготовленные техники, Сарнецкий считает, что по соответствующему руководству это может быть доступно и оперативным работникам.

С точки зрения указанных выше требований, предъявляемых к новым методам судебной фотографии, более рациональным следует признать другое предложение того же В. М. Павловского: составить для снимка «фотокором», выполненного с соблюдением правил метрической фотографии, соответствующий бланк, подобно выработанному Бертильоном, вырезать из этого бланка середину и пользоваться им для всех снимков, сделанных в одних и тех же условиях, как шаблоном.

Вместо такого шаблона можно рекомендовать изготовление специального прибора для измерений по фотограмметрическому снимку в форме линейки, от средней части которой вертикально отходит вторая линейка. На вертикальной линейке прибора размечаются две шкалы расстояний (как на бланке Бертильона): справа — расстояния от объектива в единицах длины главного фокусного расстояния, являющиеся «коэффициентами восстановления», слева — «метры в глубину», т. е. произведения коэффициентов восстановления на длину главного фокусного расстояния.

При производстве измерений горизонтальная линейка передвигается по основной линии фотоснимка, и вычисления по цифрам вертикальной линейки производятся с большим удобством.

Вполне понятно, что такой прибор может служить только для снимков, сделанных совершенно в одинаковых условиях. Например, если при вычислениях шкалы расстояний (по размеченной длинной бумажной полосе или по отметкам на ровной почве) ось объектива «фотокора» была параллельна снимаемой плоскости и центр объектива находился на высоте 1 м 20 см, то изготовленный на основании полученных данных прибор будет годен для всех снимков, выполненных только при такой же постановке «фотокора». При изменении высоты или наклона оси объектива нужны другие вычисления и другие приборы. Изготовление их возможно из разного материала, даже из плотной бумаги.

Наибольшее число новостей судебной фотографии следует ожидать от криминалистических лабораторий и институтов. Часть новостей находится еще в периоде разработки по плану на этот год, но одна из них, отсылающаяся к фотографии в инфракрасных лучах, уже в значительной степени осуществлена и применяется на практике.

Существенным для судебной фотографии свойством инфракрасных лучей является их способность проникать через различные вещества, непроницаемые (непрозрачные) не только для глаза, но и для других лучей. Благодаря этому свойству лабораторией по научно-следственной

работе Прокуратуры Союза ССР были разрешены некоторые задачи, наглядно показывающие огромное значение этого нового метода для следствия и суда.

Так например, по одному делу оказалось необходимым восстановить чернильный текст документа, густо зачеркнутый другими чернилами. На фотоснимке в инфракрасных лучах текст появился полностью, а от чернил, которыми производилось зачеркивание, почти не осталось следа.

По другому делу возникло подозрение, что подпись под документом была подделана путем обведения чернилами контуров предварительной подготовки карандашом. Фотография в инфракрасных лучах дала совершенно ясное изображение одних только карандашных контуров, а чернильная их обводка оказалась на снимке исчезнувшей.

По третьему делу снимок в инфракрасных лучах обнаружил под чернильным текстом денежного документа, имевшего написанную карандашом подлинную подпись, стертый карандашный текст другого содержания и с другой датой. Как и в предыдущих случаях, чернила исчезли, и прежнее содержание выявилось с достаточной ясностью.

Описанный метод исследования с помощью инфракрасных лучей в полной мере удовлетворяет отмечавшимся раньше требованиям, которые должны предъявляться к новостям судебной фотографии. Если бы этого метода еще не было, следовало бы по всем трем указанным делам обратиться к сложному цветоделительному процессу, и, вместо десятисекундной экспозиции и пятиминутного проявления, потребовалось бы много дней, большое количество труда и фотоматериалов, и все же не удалось бы получить такой полноты, точности, детальности и наглядности результатов, какие были достигнуты во всех приведенных случаях.

Институты научно-судебной экспертизы продолжают исследование для криминалистических целей методов фотографии как в инфракрасных, так и в ультрафиолетовых лучах. Из других плановых предположений намечены: разработка портативной камеры для судебно-метрической фотографии, изыскание способов как усиления контрастов на фотоснимках, так и рецентов проявителей, выравнивающих контрасты, изучение так называемого «эффекта Сабатье». Этот фотоэффект состоит в том, что если пластинку, экспонированную при слабом освещении, подвергнуть во время проявления более сильному источнику света, то вместо негативного изображения получается позитивное.

Чем новым обогатятся методы судебной фотографии благодаря «эффекту Сабатье» и разработке других намеченных задач, покажет, очевидно, будущее.

В числе плановых предположений институтов научно-судебной экспертизы имеется много вопросов, относящихся к исследованию документов и следов. Несомненно, что разработка этих вопросов также может многое дать для выявления и других новостей судебной фотографии, так как последняя играет при разрешении таких вопросов существенную роль. Особенно важно это было бы по отношению к некоторым видам современных документов, поступающих на предмет исследования их подлинности. Несмотря на

то, что многие из них должны являться эквивалентами многотысячных сумм, они нередко пишутся на измятых, потертых и загрязненных клочках бумаги, иногда оберточной, иногда вырванной из старых книг или использованных тетрадей, словом, откуда понало.

Вполне понятно, что при таких условиях перед исследователем ставится крайне трудная задача отличить от «естественного» состояния подобной бумаги какие-нибудь признаки, появившиеся в результате подделки. В отдельных случаях лаборатории по научно-следственной работе приходилось с помощью фотографии разрешать этот вопрос по-новому: исследовать не лицевую, а обратную сторону документа.

Надо обратить самое серьезное внимание на систему документации, особенно в районах: это в большой степени послужило бы не только к более успешному раскрытию преступлений, но и к значительному сокращению всякого рода злоупотреблений с документами, требующих каких-то новых, специальных методов.

В заключение следует отметить, что растущие успехи советской фотопромышленности вносят в

практику применения методов судебной фотографии немало новостей, хотя и не меняющих их сущности, но много способствующих улучшению результатов фоторабот. Сюда относятся, главным образом, фотоматериалы, например, новейшие сорта пластинок, дающие хорошую проработку деталей и тем ценные для исследовательской фотографии, чувствительны для фотографии в инфракрасных лучах, светофильтры для невидимых лучей спектра и пр. Достигнуто устройство очень чувствительного прибора — «экспонометра ФЭД» для определения освещенности снимаемых объектов и в зависимости от этого — экспозиции. Основными его частями являются: селеновый фотоэлемент, чувствительный гальванометр и счетная линейка, имеющая четыре шкалы, нанесенные на цилиндрической части прибора. Экспониметр ФЭД пока еще, к сожалению, дорог и не может рассчитываться на широкое распространение среди работников расследования, хотя и является очень желательным для пополнения содержания следственного чемодана.

В. РЯСЕНЦЕВ

К вопросу о новации обязательств в советском гражданском праве

Вопрос о том, что считать новацией¹ обязательства в советском гражданском праве, вовсе не столь бесспорный, как это может показаться на первый взгляд.

Судебная и арбитражная практика дает доказательства тому, что в данном вопросе нет необходимой ясности. В результате одни видят новацию обязательства там, где ее отрицают другие.

В этом смысле характерно дело, рассмотренное 30 декабря 1937 г. Московским городским судом по жалобе на действия Городской нотариальной конторы. Касса взаимопомощи одного московского завода обратилась к нотариусу за получением исполнительных надписей по 23 обязательствам должников кассы. Нотариус отказал в выдаче исполнительных надписей на том основании, что прошло более года со дня наступления срока требования².

В своей жалобе касса взаимопомощи указывала, что произошла новация обязательств, так как получатели ссуд выдали на сумму своей задолженности новые обязательства взамен старых, и по этим новым обязательствам годичный срок не истек.

Городской суд не согласился с тем, что здесь имела место новация обязательств, и жалобу отклонил как неосновательную.

¹ Новация означает обновление, происходит от латинского слова *novatio*.

² § 2 ст. 26 Положения о государственном нотариате.

Суждение о том, правильно ли городской суд не признал в данном случае новации, мы выскажем после того, как попытаемся установить понятие и объем новации.

Прежде всего следует обратиться к ГК, и выяснить, какие правила он содержит в отношении новации обязательств.

В ст. 129 ГК, перечисляющей способы прекращения обязательств, имеется пункт «г», предусматривающий погашение обязательства «соглашением сторон, в частности заключением нового договора, долженствующего заменить прежний». В то время как «соглашение сторон» о прекращении старого обязательства еще никакого нового обязательства не рождает, заключение нового договора, заменяющего первоначальный, несомненно, представляет собою новацию. В этом нас убеждает и ст. 209 ГК, которая реализует в конкретном виде общее правило ст. 129. Как это явствует из текста ст. 209, могут быть обременены в форму заемного обязательства, т. е. новироваться, не только долги, возникающие из купли-продажи, найма, но и из другого основания. Таким основанием может быть, кроме договора, и внедоговорное обязательство. Этот вывод поддается как ст. 129 (глава «Обязательственное право»), так и первой статьей этой главы — 106, дающей перечень различных обязательств, в том числе и внедоговорных, на которых также распространяется действие ст. 129. Поэтому может быть подвергнуто новации обязательство из неосновательного обогащения (ст. 399 ГК) и из причинения вреда (ст. 403). Лицо, обязанное к возврату неосновательно полученного или к возмещению вреда, может выдать потерпевшему за-

емное обязательство на соответствующую сумму, договорившись с ним о прекращении прежнего введоговорного обязательства.

Однако новация не обязательно должна происходить в формах, указанных в ст. 209 ГК. Пункт «г» ст. 129 дает возможность проводить новации и в иных формах. Например, договор хранения новировать через договор безвозмездного пользования или договор найма через договор купли-продажи, и т. д.

Недостаточно одного заявления стороны о прошедшей новации обязательства; новация должна быть доказана. При этом бремя доказательств лежит, согласно ст. 188 ГК, на том, кто утверждает совершение новации.

О новации говорят не только ст. ст. 129 и 209 ГК, но также и специальный закон — постановление ЦИК и СНК от 23 июня 1930 г. о договоре контокоррента, в частности, ст. 7 этого постановления гласит, что «сальдо, признанное другой или не оспоренное ею в срок, указанный в договоре, а при отсутствии указания в договоре в течение 15 дней со дня вручения выписки из счета, погашает требования, занесенные на контокоррентный счет». Таким образом, сальдо, признанное или не оспоренное стороной, новировует все требования, включенные в общий расчет по контокорренту, независимо то того, из каких оснований вытекают эти требования: из поставки ли подряда, или имущественного найма и т. д.

Из ст. 129 ГК вытекает, что условиями новации являются: 1) прекращение старого обязательства, 2) возникновение нового, 3) намерение сторон прекратить старое обязательство путем установления нового.

Для возникновения новации прежде всего требуется, чтобы первоначальное обязательство (договор) действовало к моменту новации³. Если договор о безвозмездном пользовании закончился 1 мая 1938 г., в силу истечения договорного срока, и на это имущество (предположим, домашнюю обстановку) заключен между теми же лицами договор имущественного найма, то никакой новации не происходит, так как первый договор уже не существовал ко времени заключения второго, и, следовательно, воля сторон не была направлена (как это необходимо по ст. 129 ГК) на прекращение старого договора.

В данном случае окончание одного договора и заключение другого являются только последовательными действиями, но между ними нет той внутренней причинной связи, которая необходима для новации, состоящей в том, что прежнее обязательство прекращается сторонами ради установления нового обязательства.

Если выяснится, что погашенное при помощи новации требование не существовало вообще, то налицо будет различный результат, в зависимости от того, произошла ли новация в форме каузального обязательства (содержащего указание на основание долга — купля-продажа, наем и т. д.) или в форме абстрактного обязательства

(например, векселя). В первом случае новое требование не может существовать, поскольку не имелось в наличии старого требования. Во втором случае требование из абстрактного обязательства будет действительным.

Этот вывод подтверждается, по нашему мнению, ст. 10 и 17 Положения о переводном и простом векселе, введенного постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г.⁴

Однако, поскольку при этих обстоятельствах у получателя векселя возникает неосновательное обогащение, возможно предъявление к нему иска по ст. 399 ГК.

Новое обязательство (договор) должно соответствовать всем требованиям закона, иначе новация не произойдет, и останется в силе первое обязательство. Однако для действительности нового обязательства необходимо, чтобы и старое не было дефектным в смысле ст. ст. 30, 31, 32 ГК, ибо тогда недействительность первоначального обязательства распространится и на новое, с последствиями по ст. ст. 147, 148, 149, 151 ГК. Впрочем, если прежний договор был недействителен из-за несоблюдения формы (ст. 29), но новировавший его договор обличен в надлежащую форму, то нет оснований считать новый договор недействительным, поскольку этот дефект устранен при новации.

Новое обязательство нельзя признать недействительным и в том случае, если оно возникло из обязательства, лишенного искомой силы, но не являющегося недействительным в силу закона (ст. 401 ГК). Скажем, гражданин, пропустивший 3-летний давностный срок на истребование части причитающейся ему суммы за дом, проданный другому лицу, берет от последнего заемное обязательство. Заемное обязательство, новирующее старое неиское обязательство, несомненно, будет обладать полной юридической силой.

Несколько более спорной такая постановка вопроса представляется в отношении социалистических предприятий и организаций. Все же мы полагаем, что и здесь новирование неискоем обязательство должно считаться действительным, поскольку это в каждом отдельном случае не запрещено законом. Например, колхоз предоставил другому колхозу во временное бесплатное пользование лишний сепаратор до востребования. Согласно ст. 45 ГК при этом условии течение исковой давности начинается с момента возникновения обязательства, т. е. со дня передачи сепаратора в пользование. Спустя два года требование первого колхоза уже погашено давностью. Однако, если стороны, невзирая на пропуск исковой давности, заключат новый договор (направленный на отмену старого) о предоставлении сепаратора в наем или о продаже его, то нет оснований признавать новацию недействительной по мотивам утраты первым колхозом права на иск по первоначальному договору, подтвергнутому новации.

Упомянутое выше постановление ЦИК и СНК о контокоррентном договоре подкрепляет, как нам кажется, высказанные соображения, ибо ст. 9 устанавливает, что «требование, занесенное на контокоррентный счет, должно быть принято в расчет при определении сальдо, хотя бы дав-

³ На это условие возникновения новации указывает ГКК Верховного суда УССР в определении от 19 июля 1926 г. по делу Гомлеса с Украинбанком. То же условие выдвигает и ВАК в решении от 22 мая 1925 г. Дело по иску в Кавказской Крайконторе «Хлебопродукт», вып. II, № 105.

⁴ ФХЗ № 25-26 1937 г., стр. 14.

ность по этому требованию истекла до заключения счета». В то же время она запрещает заносить на корреспондентный счет требования, по которым истекла давность. Таким образом, там, где новация требований, погашенных давностью, законом не запрещена, ее следует считать действительной.

Следовательно, от признания новации зависит, в частности, решение такого важного вопроса для реализации прав сторон, как вопрос о давности.

При новации прекращение старого и возникновение вместо него нового обязательства означает аннулирование прежнего срока давности, истекшего до момента установления нового обязательства.

Если новое обязательство подлежит исполнению по востребованию кредитора, то исковая давность начинает течь снова со времени возникновения этого обязательства (ч. 2 ст. 45). В тех же случаях, когда исполнение нового обязательства связано с определенным сроком, новое течение давности начинается с наступления этого срока (ч. 1 ст. 45). Так или иначе, время, истекшее до совершения новации, отбрасывается, а после нее давность считается начавшейся снова. Не удивительно поэтому довольно частые ссылки на новацию договоров в судах и арбитражах по спорам, где истцу угрожает отказ в иске из-за пропуска исковой давности. Больше всего в обращениях к спасительной новации нуждаются в таком положении социалистические предприятия и организации, которым запрещено в спорах между собой ссылаться на признание как на обстоятельство, прерывающее давность⁵. Поэтому, только доказав новацию, они смогут отвести угрозу отказа в иске по мотиву истечения исковой давности.

Хотя признание долга⁶ и новация вызывают в отношении давности сходные последствия, а именно течение давности начинается снова,— но сами по себе признание и новация совершенно разные категории.

В то время как признание направлено на подтверждение старого долга, новация есть создание нового обязательства путем уничтожения и замены старого.

В попытках воспользоваться новацией, в частности, как средством защиты против возражений о пропуске давности, стороны нередко практикуют новацию неправильно, и судьи и арбитры не всегда могут эти ошибки вскрыть, поскольку не установилось достаточно четкого понимания содержания и объема новации в советском гражданском праве.

Новацию обязательств может оформить при известных условиях внесудебная или судебная мировая сделка⁷. Мировая сделка либо полностью прекращает существующее обязательственное отношение, либо лишь изменяет последнее, либо, наконец, аннулирует его, устанавливает вместо него новое. В первом случае ми-

ровая сделка, являясь «соглашением сторон» о прекращении обязательства (п. «г» ст. 129 ГК), новации не создает. Например, участники общей собственности на домостроение, спорящие о расчетах по произведенным расходам (ст. 43 ГК), договариваются о прекращении дела ввиду наличия взаимных претензий.

Во втором случае существующее обязательство подвергается в мировой сделке лишь корректированию, без изменения его существа. Скажем, гражданин, взыскивающий с пошивочной мастерской стоимость принадлежащего ему материала, испорченного мастерской, совершает с последней мировую сделку о том, что заказанный костюм ему будет шить из материала мастерской. В третьем случае уже происходит новация, поскольку мировая сделка устанавливает новое обязательство, прекращая старое. Например, по мировой сделке должник, вместо взятых в заем денег, обязуется передать кредитору в собственность какую-нибудь вещь. Здесь заем новирруется посредством купли-продажи.

Заслуживает также внимания вопрос о том, может ли новация производиться условно — под отлагательным или отменительным условием (ст. 41 ГК). Мы склонны думать, что новация допустима только под отменительным условием. Это будет означать, что права и обязанности, установленные новым договором, с наступлением определенного условия должны прекратиться, а вместо них будут действовать права и обязанности по старому договору, который вновь обретет силу. Например, клуб заказал художнику картину на условиях перехода ее в собственность клуба. Затем стороны заключили новое соглашение, в отмену старого, о передаче этой картины клубу лишь в прокат, однако, в новом договоре содержится пункт, что если на предстоящей выставке картина не будет отобрана в музей, то выйдет в силу старый договор о продаже картины в собственность клуба.

Новация под отлагательным условием (ч. 1 ст. 41) нам представляется невозможной потому, что до наступления условия правомочия и обязанности, предусматриваемые новым договором, не возникают и, следовательно, старый договор остается в силе.

Последствием новации является прекращение не только старого договора, но, как правило, и всех придаточных требований (неустойка, задаток, поручительство, залог). Иное может иметь место лишь при наличии специального на этот счет указания закона или особого соглашения сторон о сохранении для нового договора способов обеспечения, установленных по первоначальному договору.

Специальное предписание закона об оставлении в силе поручительства даже после новирования требования, обеспеченного им, мы находим в ст. 12 постановления ЦИК и СНК от 23 июля 1930 г. «О договоре корреспондента»: «Если требования, занесенные на корреспондентный счет, обеспечены поручительством или возникли из солидарного обязательства, то поручитель и солидарный должник в пределах своих обязательств отвечают по салдо, определенному в пользу кредитора».

В связи со всем сказанным выше, новое обязательство свободно от возражений, связанных со старым требованием, и эти возражения сохраняют свою силу лишь при условии, что ста-

⁵ Ст. 50 ГК в новой редакции (пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1936 г.).

⁶ В отношениях между гражданами и последних с социалистическими организациями и предприятиями признание долга прерывает давность.

⁷ Циркуляр Верховного суда от 7 декабря 1923 г., № 70-ЕСЮ, № 40 1923 г.

рое обязательство было недействительным. Если, например, новируется в форме заемного обязательства требование из купли-продажи о выплате покупной цены, то новое требование, вытекающее из заемного обязательства, не подлежит возращению из прежнего невыполненного договора⁸. Напротив, при заключении сторонами второго договора уже после того, как прекратился первый договор (т. е. при отсутствии новации), возможны возражения и претензии, вытекающие из первого договора⁹.

Существует мнение, что новирование обязательства имеет место при передаче требования или при переводе долга. Эта точка зрения уходит своими корнями в римское право, которое прибегало к новации и при передаче права требования и при переводе долга¹⁰, так как оно не знало изменения обязательств и этой цели достигало обходным путем, при помощи новации, т. е. прекращения старого и создания нового обязательства. Часть старых буржуазных законодательств стоит на той же позиции¹¹.

Першеневич в объяснении новации также указывает в своем учебнике, что новое обязательство отличается от прежнего или переменной пассивного субъекта или же переменной основания¹². Такая трактовка новации для нашего гражданского права неприемлема, так как мы в ГК не находим данных для того, чтобы считать уступку требования (ст. 124) или передачу долга (ст. 126) прекращением старого обязательства и обоснованием нового.

Не подлежит сомнению, что эти статьи предусматривают лишь изменение обязательственного отношения, т. е. замену одного из его субъектов (кредитора — ст. 124 или должника — ст. 126 ГК).

Одним из наиболее распространенных случаев, подпадающих под действие ст.ст. 124 и 126, является обмен жилищной площадью, ныне урегулированный ст. 28 закона от 17 октября 1937 г., которая устанавливает, что обмен происходит со взаимной передачей прав и обязанностей по договорам аренды. О том же говорит § 5 изданного НКХ типового арендного договора найма жилого помещения в доме местного совета от 3 февраля 1938 г. Это лишний раз подтверждает то положение, что, несмотря на вступление в договор нового лица, он сохраняет силу и происшедшее изменение не нарушает его содержания. Так например, остается в силе срок договора, хотя бы обмен совершился незадолго до окончания последнего. Иначе обстояло бы дело при новации: тогда бы отношения сторон сложились заново, и в частности не остался бы в силе старый срок. Сохранить его стороны смогли бы посредством специальной договоренности. Новация может произойти при уступке требования или пе-

редаче долга лишь при том условии, если стороны договорятся о новации уступаемого требования или уступки долга. Скажем, домовладелец, продавая свой дом, передает покупателю право на взыскание старой задолженности по квартплате и одновременно договаривается с жильцом о выдаче им новому хозяину заемной расписки на сумму этой задолженности. Замена одного исполнения другим при погашении старого требования новым создает некоторое сходство новации с теми случаями, когда должник вместо одного предмета исполнения предлагает кредитору другой предмет исполнения и кредитор принимает его. Возьмем такой пример: фабрика-поставщик сообщает торговой организации, что она может доставить лишь ткани другого сорта, чем это было предусмотрено договором, покупатель принимает это предложение. Будет ли здесь новация? Конечно, нет. Должник-фабрика здесь полностью освобождается от обязательства перед кредитором в результате исполнения. При новации же должник остался бы обязанным перед своим кредитором, но не из прежнего, а из нового обязательства.

От новации следует отличать также и другие виды изменений содержания обязательства при сохранении последнего в силе. Такого рода изменения могут состоять в увеличении или уменьшении исполнения (предположим, стороны договариваются о том, что наемная плата за дачу будет повышена до 150 руб. в месяц, вместо обусловленных первоначально 100 руб., или кроме двух комнат в первом этаже наймодавец предоставляет еще в пользование веранду). Ясно, что поскольку прежние соглашение остается в силе, ибо воля сторон не направлена на его прекращение, а лишь на изменение одного или нескольких условий, не нарушающих природы договорных отношений, новации в смысле 129 ст. ГК здесь также нет¹³.

Не является, равным образом, новацией обязательства отсрочка, предоставляемая кредитором или обусловленная особым соглашением сторон. Первоначальное требование продолжает существовать, и претензии кредитора вытекают из него, так как соглашение об отсрочке не преследует цели прекращения старого договора, а лишь корректирует условие о сроке исполнения.

Отсутствует новация и при выдаче нового долгового документа взамен старого. Например, займодавец берет с заемщика новую расписку в том, что тот должен такую-то сумму. При этом в расписке ставится новая дата. Такого рода замена старого долгового документа новым производится по инициативе кредитора для предотвращения погашения давностью иска из существующего обязательственного отношения. Старое требование остается в силе, но оформляется новым документом. В выдаче последнего, при сохранении старого обязательства, можно видеть лишь признание со стороны должника, которое и должно быть принято во внимание, когда это разрешено законом, согласно ст. 50 ГК.

Обращаясь к решению горсуда, упомянутому в начале нашей статьи, мы должны констати-

⁸ См. постановление Верховного суда от 16 ноября 1925 г. (Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, 1931 г., стр. 140).

⁹ Определение ГКК Верховного суда УССР от 22 августа 1924 г. по делу Е-кого коммунального хозяйства к Элькиной, вып. III, 1924 г., № 243.

¹⁰ Дернбург, Пандекты, обязательственное право, стр. 197.

¹¹ Синайский, Русское гражданское право, 1917 г., стр. 51.

¹² Першеневич, Учебник русского гражданского права, стр. 434.

¹³ Верховный суд УССР не признал новацией дополнительное соглашение сторон, оставляющих старый договор в силе (определение ГКК от 21 августа 1925 г., № 811).

ровать, что новые обязательства, выданные должниками кассы взаимопомощи взамен старых, представляют из себя лишь новые долговые документы, оформляющие старые долги, и, как мы установили выше, они новацию не создают. Поэтому горсуд был прав. Остается лишь сожалеть, что он не привел доводов в опровержение неправильного понимания жалобщиком существа новации.

Н. РАЙГОРОДСКИЙ

Основные проблемы изобретательского права¹

Вопросы, которым посвящена настоящая статья, рассматриваются в системе нашего гражданского права в разделе «Исключительных прав». Нужно признать, что этот раздел является одним из наименее разработанных разделов нашего права и что вопросам изобретательского права, как и вопросам смежной области — авторского права, нашими цивилистами до сих пор уделялось очень мало внимания.

Технический прогресс — одна из важнейших основ нашего развития. Освоение достижений мировой техники, приспособление их к условиям социалистического хозяйства и дальнейшее поступательное движение социалистической техники — такова задача, которая стоит перед нами.

Капиталистическое хозяйство, имеющее в своей основе и своей целью извлечение прибавочной стоимости, лимитирует развитие этой техники, ставит ей преграды, которые она, несмотря на заложенные в ней огромные возможности, преодолеть в капиталистических условиях не может. Только в обществе, которое ставит своей целью уничтожение классов, только при диктатуре пролетариата возможно неограниченное развитие техники, выражающее стремление трудящегося человека к максимальному овладению силами природы и подчинению их своим целям и потребностям. Направление развития техники, применяемой в условиях отсутствия эксплуатации человека человеком, прекрасно выражено Марксом: «Свобода в этой (производительной. — Н. Р.) области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных его человеческой природе»². Совершение производственного процесса «с наименьшей затратой сил», т. е. совершение этого процесса при максимально бережном отношении к труду человека, находящее свое выражение в стремлении к достижению наибольшей производительности тру-

Новация является вполне жизненным и потому необходимым институтом в нашем гражданском праве. Она дает возможность социалистическим предприятиям и организациям в их имущественных взаимоотношениях и гражданам в их многообразном распоряжении и использовании имущественных и неимущественных прав прекращать старые договоры, путем заключения новых, более отвечающих их интересам и целям.

да, и «при условиях, наиболее достойных и адекватных его человеческой природе», то есть при условиях, максимально гарантирующих жизнь и здоровье самих трудящихся, возможно лишь в социалистическом обществе, в котором трудящийся работает на себя, где он создает ценности для общезнания, полноправным членом которого он сам является. «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры»³.

...«Это новое отношение рабочих к предприятию, это чувство близости рабочих к предприятию является величайшим двигателем всей нашей промышленности. Этим обстоятельством нужно объяснить тот факт, что количество изобретателей в области техники производства и организаторов промышленности из рабочих растёт с каждым днем»⁴.

Этим новым отношением к труду объясняется и стахановское движение. «Это движение ломает старые взгляды на технику, ломает старые технические нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы и требует создания новых, более высоких технических норм, проектных мощностей, производственных планов»⁵.

Стахановское движение имеет своей целью такую организацию производственного процесса, при которой на основе существующей техники достигался бы максимальный производственный эффект. Стахановцы — «...это — люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать»⁶. В стахановской работе проявляется социалистическое отношение к труду — желание «работать по способностям». Люди, освоившие новую технику, стремятся к устранению тех отсталых — в сравнении с полученными ими новыми знаниями — методов работы, которых они до приобретения этих зна-

³ Ленин, т. XXII, стр. 161.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 185.

⁵ Сталин, Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935 г., стр. 6.

⁶ Там же, стр. 11.

¹ В порядке обсуждения. Ред.

² Маркс, Капитал, т. III, стр. 722.

ний не замечали. Но, по гениальному предвидению товарища Сталина, стахановское движение «содержит в себе первые начатки, правда, еще слабые, но все же начатки такого именно культурно-технического подъема рабочего класса нашей страны»⁷. Эти, вполне овладевшие техникой своего дела, люди, в своем стремлении сделать существующую технику адекватной своему культурно-техническому уровню, неизбежно начнут изменять существующую технику путем внесения усовершенствований и изобретений. Мы являемся тогда свидетелями того, что изобретательство, которое в условиях страны социализма и теперь является явлением массовым, примет еще более массовый характер. Вот почему перед изобретательским правом, как одним из разделов нашего гражданского права, стоит чрезвычайно важная, ответственная задача: необходимо создать условия, наиболее благоприятствующие вовлечению в изобретательскую работу максимального количества трудящихся путем правового обеспечения и правовой охраны тех преимуществ, которые закон предоставляет каждому изобретателю. Если партия и правительство всегда считали, что «организация и использование массового изобретательства должны стать важнейшим делом хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и партийных организаций», то такое значение организации и использования массового изобретательства особенно возрастает в настоящее время.

Проблема новизны. «Массовое изобретательство — одна из важнейших форм непосредственного участия рабочих в социалистической рационализации производства» (Пост. ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г.). Это участие проявляется в двух формах: путем внесения усовершенствований и путем изобретений. Для более четкого выявления различий этих форм приведем несколько примеров.

Допустим, что рабочий, прошедший хорошую техническую подготовку, приходит на рабочее место, где какая-нибудь операция совершается вручную. Между тем, изучая технику своего производства, он встречался с указанием, что эту работу можно механизировать, что имеются станки, прекрасно выполняющие работу, которая здесь выполняется вручную. Рабочий подает предложение о механизации существующих процессов и, ссылаясь на учебники, по которым он обучался, предлагает установить описанные в этих учебниках станки. Предложение принимается, труд механизирован.

Другой пример: рабочий на том же самом рабочем месте, желая механизировать указанные процессы, в результате размышлений и работы над этим вопросом, сам «изобретает» конструкцию соответствующего станка и вносит соответствующее предложение, которое реализуется. Но такой станок уже описан в технической литературе, хотя предложивший его конструкцию рабочий об этом не знал.

Третий пример: желая механизировать процессы на том или ином рабочем месте, рабочий начинает изучать соответствующую техническую литературу и на основании указаний, которые в этой литературе имеются, путем выводов из этих технических указаний, предлагает конструкцию станка.

Наконец четвертый пример: ради той же механизации рабочий разрабатывает проблему последней, знакомится с существующей по этому вопросу технической литературой, но ответа на интересующий его вопрос не находит; он продолжает над этой темой работать, и в результате изобретает новый станок.

Во всех этих случаях мы видим, что перед рабочим стояла проблема механизации процессов на данном производственном участке, и во всех этих случаях мы имеем конкретное разрешение проблемы. Общее этим случаям то, что предложенное разрешение проблемы повысило технический уровень на данном участке. Но между этими случаями имеется существенное различие.

Первое разрешение технической проблемы представляет собой применение таких технических мероприятий, которые в точности описаны в технической литературе. Во втором случае, хотя предложенное мероприятие разработано самим лицом, предложившим его, которое и может считать себя автором предложенной конструкции, однако с объективной точки зрения данное мероприятие, хотя и неизвестное предложившему, было в технике известно, и в литературе описано. В третьем случае мероприятие является с субъективной точки зрения новым, ибо оно разработано самим лицом, предложившим его; кажется новым и с объективной точки зрения, так как технике оно неизвестно; однако, являясь логическим выводом из того, что технике было известно, оно в действительности представляет собой раскрытие — выявление — того, что уже имеется в технике. И, наконец, в четвертом случае мы имеем новое с субъективной точки зрения, так как мероприятие до его окончательной разработки не было известно самому автору; оно ново и с объективной точки зрения, ибо оно неизвестно было технике; особенностью его по сравнению с предыдущим случаем является то, что, не будучи технике известным и не являясь в скрытом виде содержанием уже известного технике, — оно для своего появления требовало не только логических выводов из известного; оно должно было быть создано, оно требовало творческой работы, в результате которой явился новый, до этого технике неизвестный технический эффект.

Вот почему о последнем случае говорят как о «творческом разрешении технической проблемы», а о мероприятии, указанном в третьем случае, как о «не выходящем за пределы конструктивных изменений».

Если в первых трех случаях при наличии повышения уровня техники, применявшейся на данном предприятии, вынесенном этих предложений уровень техники вообще (или, как говорят в этих случаях, «уровень мировой техники») не повысился, то в последнем случае мы имеем нечто новое для мировой техники, нечто повышающее ее уровень.

Первые три мероприятия, повышающие уровень техники на определенном предприятии, применение которых влечет за собой изменение существующих орудий и средств производства, технологических процессов, или изменение форм изделий, изготовляемых при помощи этих орудий и средств производства, или, иначе говоря, мероприятия, влекущие за собой изменение существующих конструкций или технологических

⁷ Сталин, Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935 г., стр. 10.

процессов, называются техническими усовершенствованиями. Последнее же мероприятие принадлежит к категории изобретений.

Мы можем, таким образом, установить, что для наличия изобретения необходимо, чтобы предложенное мероприятие, разрешающее какую-нибудь техническую проблему, явилось не только субъективно, но и объективно новым, и именно новым с точки зрения уровня мировой техники. При этом для «нового», требуемого для наличия изобретения, недостаточно, чтобы оно только логически вытекало из того, что технике известно; требуется, чтобы оно было «существенно новым», чтобы оно влекло за собой новый технический эффект.

Наш закон в ст. 46 указывает: «Не признается новым такое изобретение, которое до заявки применялось в пределах Союза ССР или за границей, или было описано в печатном произведении, либо иным путем оглашено во всеобщее сведение таким образом, что осуществление изобретения сделалось доступным для сведущих лиц».

Для определения наличия в том или другом мероприятии такой именно новизны и для признания такого мероприятия изобретением существуют специальные органы, патентные учреждения. У нас существовало Бюро новизны Комитета по изобретательству при СТО, а с июля 1936 г. исследованием наличия новизны занимаются союзные наркоматы, и это определение новизны производится путем сравнения предлагаемого мероприятия с тем, что в технике было известно.

Мерилом для определения новизны, требуемой для изобретения, служат свойства самого объекта изобретения: его «существенная новизна» в указанном выше смысле.

Исследуя заявленное изобретение с точки зрения наличия в нем требуемой новизны, предложенное мероприятие сравнивают с тем, что было известно в технике на день заявки этого мероприятия, на так называемый «день приоритета» заявки. Днем приоритета или первенства этот день считается потому, что за заявителем считается первенство авторства на заявленное мероприятие в сравнении со всяким другим, кто заявит такое же мероприятие позже, хотя бы фактически этот другой изобрел это же мероприятие и ранее. Новизну порочат либо описание этого мероприятия в литературе, либо его открытое применение, если это описание или применение имеет место до дня приоритета. При этом не имеет значения, кто именно описал это мероприятие в литературе или кто его открыто применял — хотя бы это было сделано самим автором. По нашему закону (ст. 46), если на изобретение испрашивается авторское свидетельство, то новизну не порочит применение этого изобретения в пределах шести месяцев для его испытания или усовершенствования, равно как и оглашение также не более, как за шесть месяцев, этого изобретения путем докладов в научно-исследовательских учреждениях или в тех предприятиях, в которых изобретение можно изготовить, испытать или использовать. Только оглашение изобретения без согласия изобретателя не лишает изобретателя права получить авторское свидетельство.

Мы полагаем, что в наших условиях нет никакого основания для сохранения этого правила: опубликование заявки (либо ее открытое

применение) самим автором не должно служить основанием для отрицания авторства на изобретение и для отказа в выдаче авторского свидетельства. Если кто-либо действительно является автором изобретения, то отказать ему в признании этого авторства только потому, что он сам опубликовал это изобретение, или потому, что по его предложению это изобретение применено, не следует.

Правда, имеются практические соображения в пользу скорейшей заявки изобретения: благодаря последней получается возможность в порядке переноса опыта применить данное мероприятие во всех тех предприятиях и отраслях промышленности, где данное изобретение может быть с пользой применено, почему и следует стимулировать возможно скорейшую заявку изобретений в соответствующие органы. С другой стороны, так как за мероприятием признается право на повышенное вознаграждение (об этом ниже), причем это вознаграждение уплачивается за время со дня применения данного мероприятия, то более поздняя заявка влечет за собой необходимость произвести перерасчет за истекший период применения изобретения, а это в свою очередь создает неудобства, ибо при калькуляции производства с применением этого изобретения не были учтены те расходы, которые вызываются повышенным вознаграждением изобретателя. Исходя из этих практических соображений, необходимо установить срок для заявки изобретения для получения на него авторского свидетельства, но срок этот должен быть во всяком случае более продолжительный, чем существующий шестимесячный: можно установить трехлетний срок со времени опубликования или начала применения. Отметим, что американский патентный закон признает, что опубликование автором своего изобретения или открытое его применение им не более чем за два года до заявки не порочит новизну изобретения.

Необходимо учесть, что опубликование изобретения до его заявки за границей может послужить препятствием для получения патентов на наши изобретения за границей. Но если, несмотря на это, наш закон признал возможным установить, что опубликование или открытое применение за шесть месяцев до заявки изобретения не препятствует получению на него авторского свидетельства, если наличие двухлетнего срока для заявки опубликованного автором или применяющегося им изобретения не препятствует американским изобретателям получать патенты на их изобретения в других странах, то мы полагаем, что при соответствующей популяризации среди изобретательской массы последствий такого опубликования или применения, мы — ради охраны прав наших изобретателей — можем и должны допустить трехлетний срок на непорочание новизны изобретения опубликование или применение. Во всяком случае практика показывает, что удлинение существующего шестимесячного срока необходимо.

Проблема полезности. Изобретением является обладающее новизной в указанном смысле или, иначе говоря, творческое решение технической задачи. Каждое изобретение, какого бы небольшого технического вопроса оно ни касалось, представляет собой шаг в развитии техники. Было бы, однако, неправильно думать, что каждое изобретение может быть немедленно

реализовано. В капиталистических странах реализуется около 4% тех изобретений, на которые получают патенты, и, если учесть, что за редкими исключениями там на изобретения всегда выбираются патенты, то можно сказать, что реализуется всего около 4% всех изобретений.

Конечно, огромное большинство этих изобретений не реализуется потому, что их не желают реализовать, так как капиталистам невыгодно их реализация. Однако значительное количество изобретений не реализуется по причинам и другого порядка.

Каждое изобретение должно обязательно удовлетворять условию его осуществимости, то есть возможности реализации при существующих технических условиях. Когда решение технической задачи найдено, требуется еще детальная разработка изобретения, приспособление его к техническим условиям того предприятия, где оно будет применяться. Не говоря уже о так называемых «проблемных изобретениях», то есть таких изобретениях, которые не только по новому разрешают старые технические проблемы, но ставят и разрешают совершенно новые технические проблемы, реализация изобретений зависит от конкретных технических условий: необходимо время, необходимые затраты на разработку изобретения, для внедрения его в этих конкретных условиях.

Независимо от этого, почти каждое изобретение после получения на него патента или авторского свидетельства нуждается в детальной разработке. Практика знает огромное количество случаев, когда изобретение подвергается дальнейшему усовершенствованию именно в результате его разработки, в результате приспособления к определенным техническим условиям. Вот почему наш закон знает, в частности, так называемые «дополнительные изобретения», т. е. изобретения, являющиеся усовершенствованием другого, уже заявленного основного изобретения. Для возможности создания таких дополнительных изобретений, изобретателю, имеющему авторское свидетельство, предоставляется срок в четыре месяца (ст. 69 закона), в течение которого он пользуется преимущественным правом на заявку этого дополнительного изобретения. В течение этого срока закон предоставляет ему право усовершенствовать основное изобретение, и, если в течение этого срока он это дополнительное изобретение заявит, то приоритет сохраняется за ним, хотя бы ранее его кем-либо была подана заявка на это же усовершенствование основного изобретения. Этот институт дополнительных авторских свидетельств на дополнительные изобретения должен быть сохранен и в новом законе.

Можно вообще выставить положение, что чем существеннее новизна в изобретении, тем больше последнее отличается от существующего и известного, тем больше должно оно преодолевать и технических препятствий и препятствий психологических. Поэтому неправильно было бы считать, что авторские свидетельства должны выдаваться лишь на те изобретения, которые могут быть немедленно реализованы. Высказываются, однако, мнение, что авторские свидетельства надо выдавать на «полезные изобретения», под которыми понимают именно такие изобретения, которые могут быть немедленно реализованы. Более того, несмотря на то, что в

действующем законе такого требования «полезности» для признания наличия изобретения не имеется, мы встречаемся на практике со случаями предъявления таких требований к изобретениям, на которые испрашивается авторское свидетельство.

Понятие «полезности», в смысле возможности немедленной реализации, как условие для выдачи авторского свидетельства, вводить в закон не следует. Не следует вводить требования «полезности», понимая под последней, как это указывают другие, возможность реализации вообще, то есть в настоящем или будущем: такое требование, означающее не что иное, как осуществимость изобретения, само собой разумется, и поэтому оно является излишним.

Говорят, далее, что «полезность» следует ввести, чтобы подчеркнуть, что изобретение должно содержать в себе преимущества перед существующими способами разрешения тех или иных технических задач. Но так понимаемая полезность также содержится в существе самого понятия изобретения, так как каждый новый способ разрешения технической задачи потому-то и является изобретением, что он содержит в себе преимущества в сравнении с тем, что до сих пор применялось и известно⁸.

Проблема планирования массового изобретательства. Проблема полезности изобретений тесно переплетается в наших условиях с проблемой планирования изобретательства, то есть направления изобретательской мысли на разрешение актуальных вопросов советской техники. Идея возможности планирования изобретательства встретила вначале у некоторых более чем недоверчивое отношение. Такое планирование, совершенно неизвестное, невиданное в капиталистических условиях, некоторым казалось невозможным, — казалось, что изобретательская мысль не поддается такому регулированию, не поддается направлению на разрешение заранее поставленных задач⁹.

Практика опровергла это неправильное в корне утверждение: научно-исследовательские институты разрабатывают в плановом порядке целый ряд тем и в результате приходят к решениям, являющимся изобретениями; на предприятиях ежегодно намечаются планы рационализации и реконструкции, и в результате реализации этих планов мы очень часто встречаемся с крупными изобретениями. Поэтому не приходится доказывать, что изобретательская мысль может и должна быть планирована, что изобретения могут и должны появляться в результате работы, производимой по определенному плану. Еще 26 октября 1930 г. ЦК ВКП(б) указал, что «вся работа изобретателей и изобретательских органов на предприятиях должна быть теснейшим образом увязана с общими планами рационализации и реконструкции».

Практика выработала много способов планирования изобретательства: темники, социалистические заказы, займы массового изобретательства и т. д.¹⁰. Надо, однако, признать, что пла-

⁸ Ср. П и ц к е р, Patentgesetz, стр. 60.

⁹ Ср. ст. Мартенса, журн. «Изобретатель» № 1, 1931 г.

¹⁰ См. нашу брошюру «Заем массового изобретательства».

нированию изобретательства уделяется за последний период меньше внимания, чем это требуется существом этой работы. В новом законе необходимо уделить вопросам планирования изобретательства серьезное внимание, начиная с низовых производственных звеньев — цеха и кончая управлениями наркоматов, необходимо возложить на соответствующие органы руководства обязанность и ответственность за состояние планирования на соответствующих участках народного хозяйства.

Проблема реализации изобретений и усовершенствований. Право автора на реализацию принятого предложения. Реализация изобретений — одна из важнейших задач, разрешение которой обеспечивается и должно обеспечиваться нашим изобретательским правом. В этом одно из существеннейших отличий нашего изобретательского права от патентного права капиталистических стран: реализация изобретения не может быть в буржуазном патентном законодательстве принудительного регулирования, реализация изобретения предоставляется здесь свободному усмотрению владельца патента.

В наших условиях каждое мероприятие — изобретение или усовершенствование, — признанное соответствующими органами полезным и подлежащим поэтому реализации, должно быть реализовано в возможно кратчайший срок: необходимо помнить, что мероприятие это дает возможность совершать производственный процесс либо «с наименьшей затратой сил», либо «в условиях, наиболее достойных и адекватных человеческой природе». Пронизывающий все наше законодательство принцип уважения к человеку и его труду должен найти свое выражение в данном случае в том, что всякое изобретение или усовершенствование, как улучшающее условия производственного процесса, должно быть внедрено как можно скорее, для того чтобы были реализованы связанные с ним преимущества.

Огромную помощь в деле реализации предложенной может оказать сам автор, и поэтому необходимо в законе обеспечить как привлечение автора к разработке и внедрению предложений, так и самую возможность его участия в этой работе (путем обеспечения ему среднего заработка на время разработки предложения и т. д.).

Этой же цели возможно более полного масштаба применения рационального предложения служит и обмен между предприятиями опытом технических достижений. Надлежащая правовая регулировка вопроса об обмене опытом может значительно содействовать этому обмену, и закон должен четко указать на эту обязанность хозяйственного руководства и обеспечить ее выполнение.

Необходимо помнить, что каждый автор принятого предложения имеет право требовать реализации его предложения и в полном объеме: активный участник социалистического строительства, вносящий свой вклад в это строительство, он вправе требовать, чтобы вклад его был принят и реализован. Это право изобретателя на реализацию принятого предложения может быть обеспечено законом: так как за принятое, признанное полезным, мероприятие полагается вознаграждение, то можно и должно предоставить лицу, внесшему предложение, признанное полезным, но не реализованное в

срок, право получить полное вознаграждение с возложением на лиц, персонально ответственных за нереализацию мероприятия, ответственности за убытки, причиненные предприятию. Такое сочетание личного и общественного интереса будет немало содействовать реализации изобретений. Общественный же интерес реализации должен быть обеспечен тем, что нереализация полезного изобретения как нарушение обязанности перед обществом и государством должна влечь за собой уголовную ответственность.

Закон об изобретениях 1931 г. возложил надзор за внедрением изобретений и усовершенствований на Комитет по изобретательству при СТО. Последний с этой задачей не справился. Одной из причин этого является то, что реализация изобретений происходит на предприятиях, то есть в порядке децентрализации, почему и надзор за реализацией может быть действенным только в том случае, если он децентрализован. Это осуществлено постановлением ЦИК и СНК от 22 июля 1936 г. «О реализации руководством изобретательским делом». Постановление это возложило на наркоматы ответственность за состояние изобретательского дела и, в частности, за разработку и внедрение изобретений и технических усовершенствований в подведомственных им отраслях народного хозяйства. Правильное, в соответствии с точным указанием закона, выполнение этого постановления может действительно обеспечить реализацию изобретений.

Необходимо, однако, признать что «комиссары до сих пор не выполняют решения правительства. Ни народные комиссары, ни их заместители, за редкими исключениями, изобретательством не руководят. В наркоматах возникли лишь новые канцелярии — отделы по изобретательству. Важнейшее дело передано второстепенным работникам. В главах положение еще хуже»¹¹

Новый закон об изобретениях должен уточнить и развить установленные в указанном постановлении принципы организации надзора за реализацией изобретений. Необходимо, в частности, в новом законе четко указать, что отбор и внедрение важнейших изобретений лежит на обязанности всех народных комиссаров в подведомственных им отраслях, так как в постановлении от 22 июля это недостаточно ясно выражено.

С другой стороны, необходимо в законе установить введенное различными ведомственными распоряжениями положение об особом вознаграждении лиц, содействующих быстрой реализации предложений. Необходимо применить все возможные меры для того, чтобы право изобретателя на реализацию предложения и обязанность хозяйственников внедрять полезные предложения были обеспечены в законе.

Две формы защиты изобретений. Патенты и авторские свидетельства. Право на авторство. В буржуазном праве охрана изобретений осуществляется в форме предоставления автору или заявителю изобретения исключительного права в форме па-

¹¹ См. «Правда» от 12 июня 1937 г. ст. «Дорогу техническому творчеству».

тента. Патент содержит в себе: а) исключительное правомочие патентовладельца на использование изобретения, на которое выдан патент — только патентообладатель или его правопреемник вправе использовать изобретение, и б) право запрещения использования этого изобретения другими лицами без согласия управомоченных лиц.

Как исключительное правомочие, так и право запрещения являются фактически правами капиталистических групп, ибо само использование изобретения в условиях капиталистического производства возможно только при условии принадлежности к классу капиталистов. С другой стороны, согласие на использование реализуется в порядке «свободы договоров»: общеизвестны случаи буквального ограбления изобретателей, когда последние вынуждены уступать сделанные ими изобретения, иногда очень ценные, на условиях ничтожного вознаграждения.

Наш закон знает две формы защиты права на изобретение: патент, как форму исключительного права, и авторское свидетельство, явившееся в результате необходимости «создать иные формы взаимоотношений изобретателей трудящихся с социалистическим государством, которые соответствовали бы роли рабочего изобретателя, как непосредственного участника социалистического строительства» (постановление «О введении в действие положений об изобретениях и технических усовершенствованиях»).

Авторское свидетельство удостоверяет только авторство на изобретение. Право же использования изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, принадлежит государственным и кооперативным организациям, причем разрешения владельца авторского свидетельства на такое использование не требуется. За автором признается только право на вознаграждение за используемое изобретение, причем размер этого вознаграждения точно регламентируется в законе.

Необходимо, однако, иметь в виду особенности и отличия наших патентов от патентов капиталистических стран. Наши патенты выдаются на имя действительного изобретателя или его правопреемника (ст. 59 закона об изобретениях).

Далее, наш закон признает возможность принудительного отчуждения патентов или выдачи принудительной лицензии, когда изобретение имеет существенное значение для государства, а с обладателем патента не будет достигнуто соглашение об уступке патента (п. «е», ст. 5 закона об изобретениях).

Установившаяся форма защиты прав наших советских изобретателей — авторское свидетельство — имеет огромное значение. Авторское свидетельство, как свидетельство того, что автор сделал свой вклад в социалистическое строительство, является весьма ценным средством для стимулирования массового изобретательства.

Путем заявок изобретений для получения на них авторских свидетельств в центральных хозяйственных органах создается возможность применения изобретений во всех тех отраслях промышленности, где только это изобретение может найти себе применение, создается возможность поднять на высшую ступень возможно большее количество участков техники, обеспечивается

тот обмен техническими достижениями, который в отличие от секретности, применяемого в капиталистической технике, является одним из отличительных свойств нашей советской техники.

В связи с этим возникает вопрос об отличии задач и методов работы наших экспертов новизны и экспертов патентных учреждений капиталистических стран.

Задача патентных учреждений капиталистических стран — регистрация изобретений по установлении наличия в них новизны и присвоение заявителям патентных — исключительных — прав. Эксперты патентов не вправе проявлять инициативу. В частности, последние считается недопустимой для раскрытия истинного содержания изобретения и объема применения последнего. В формулу изобретения — в патентную формулу — эксперт вправе вносить лишь то, что указано в заявке. Если же в изобретении в скрытом виде содержится более широкая техническая идея, или изобретение может найти себе более широкую сферу применения, эксперт не вправе выявлять это и отражать в выводимой им патентной формуле.

Такой метод работы мы считаем в наших условиях неприемлемым. Эксперт, как при определении новизны изобретения, так и при определении полезности и сферы применения последнего, может и должен выходить за пределы описания и формулы изобретения, как они изложены заявителем. Это — обязанность эксперта как в отношении изобретателя, так и в отношении социалистического хозяйства, в котором изобретение может найти себе применение. Эксперт новизны должен выявлять ту техническую идею, которая, может быть, в недостаточно выявленной форме, лежит в изобретении, он должен выявлять «истинное техническое содержание изобретения». Равным образом и при экспертизе полезности должна быть выявлена с максимальной полнотой сфера «возможного объема применения этого изобретения».

Неправильно было бы предполагать, что при таком методе определения новизны на эксперта возлагается обязанность продолжить изобретательскую работу заявителя и тем самым создается возможность, благодаря такой деятельности эксперта, присвоения лицу, заявившему изобретение, тех прав, которых он не имеет, так как ему будет выдано авторское свидетельство также и на то изобретение, которое сделал не он, а эксперт: речь идет только о том, чтобы эксперт, не внося никакой изобретательской работы, а только анализируя заявленное изобретение, выявляя его истинную техническую сущность, речь идет не о дополнительной «изобретательской работе», а только о том, чтобы было выявлено действительное содержание и ценность изобретения, и ни о чем больше.

Необходимо, наконец, отметить, что благодаря заявкам на получение авторских свидетельств создается возможность учета производимой в стране изобретательской работы.

По действующему закону авторские свидетельства (как и патенты) выдаются на изобретения, выполненные промышленным путем (ст. 3 закона об изобретениях). Аналогичные же положения мы встречаем в патентных законодательствах буржуазных государств: патенты

выдаются только на изобретения, применяемые в промышленности. Изобретения же в сельском хозяйстве до сравнительно недавнего времени были лишены патентной охраны.

Этим положением давалось теоретическое обоснование. Указывалось на то, что патентной охраной могут пользоваться только такие изобретения, которые относятся к области воздействия на «мертвую» природу. Деятельность же, имеющая своим объектом растительный и животный мир, не может претендовать на патентную охрану. Указывалось также на то, что продукция сельского хозяйства является предметом массового потребления, и поэтому патентная охрана влекла бы за собой удорожание соответствующей продукции и ложилась бы бременем на массового потребителя. Не приходится останавливаться на несостоятельности и лицемерии указанных теорий: объем применения патентной охраны — результат соотношения сил различных капиталистических групп. Патентная практика опровергла эту теорию, и патентная охрана, хотя и значительно позже, была распространена и на изобретения в области сельского хозяйства. Международная конференция в Гааге положительно разрешила этот вопрос в 1925 г.¹² Но и после этого многие объекты, в частности способы воздействия на животный мир, остались изъятыми из правовой охраны¹³.

И наш Комитет по изобретательству долгое время совершенно неправильно ограничительно толковал понятие «выполненные промышленным путем», употребленное в ст. 3 закона, и отказывал в выдаче авторских свидетельств на изобретения, сделанные в области сельского хозяйства. Только в последнее время Бюро новизны начало выдавать авторские свидетельства на изобретения в области сельского хозяйства.

В развитие этой практики необходимо провести в новом законе тот принцип, что нет таких технических изобретений, на которые нельзя было бы выдавать авторских свидетельств.

Права авторов научных открытий на изобретения, в которых использованы эти открытия. Закон охраняет изобретение, то есть конкретное решение практической технической задачи. Научные же открытия, то есть констатирование различных свойств явлений, законов и соотношений между явлениями, охране не подлежат. Научные открытия, как лицемерно утверждает буржуазная теория, являются достоянием человечества, которое может пользоваться всякими открытиями и использовать их для изобретений, не выдавая авторам открытий никакого вознаграждения. Этим дается идеологическое обоснование того положения, что «наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что несколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал захватывает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд»¹⁴.

В наших условиях эта проблема легко разрешается на основе принципов нашего изобретательского права.

В том случае, когда научное открытие содержится в себе хотя бы в скрытом виде возможность его практического использования, мы должны признать лицо, сделавшее открытие, и автором изобретения.

Такое же положение мы имеем в том случае, когда научное открытие может быть использовано как изобретение, путем применения способов, технике известных. И в этом случае, так как никакой дополнительной изобретательской деятельности не требовалось, лицо, сделавшее открытие, должно быть признано и автором изобретения.

Как в первом, так и во втором случае, если бы изобретение было заявлено для получения авторского свидетельства другими лицами, авторы открытий имели бы право оспаривать авторство заявителей и требовать признания этого авторства за ними.

И наконец, в том случае, когда открытие сделано одним лицом, а автором изобретения (технического мероприятия, благодаря которому создавалась возможность использования открытия) является другое лицо, мы имеем соавторство на изобретение: авторами изобретения должны быть признаны как лицо, сделавшее открытие, так и автор того способа — изобретения, благодаря которому создавалась возможность практического использования этого открытия.

Оформление авторского права на изобретение, проблема организации порядка выдачи авторских свидетельств. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 июля 1936 г., в связи с ликвидацией Комитета по изобретательству при СТО была возложена на народные комиссары Союза ССР выдача авторских свидетельств и патентов на изобретения. Это постановление было реализовано таким образом, что союзные наркоматы приняли на себя всю работу по выдаче авторских свидетельств и патентов, организовав отделы по исследованию новизны изобретений¹⁵. Практика применения этого постановления выявила, что существующая система страдает очень крупными недочетами. Мы остановимся на серьезнейших из них.

Авторские свидетельства выдаются только союзными наркоматами, благодаря чему остались важные области народного хозяйства — местная промышленность, промкооперация, — где создаются серьезные изобретения, и с этими изобретениями нигде обращаться. В силу такого положения масса изобретателей, работающих в этих отраслях, фактически лишена права получать авторские свидетельства на свои изобретения.

Необходимо, далее, учесть, что деление по отраслям народного хозяйства не может, конечно, совпадать с разграничением по кругу технических вопросов: одни и те же технические вопросы возникают в нескольких, а иногда почти во всех отраслях хозяйства. В результате различные наркоматы занимаются разрешенным вопросам о новизне одних и тех же изобретений в одних и тех же областях техники; со-

¹² С. М. Osterrieth, Die Haager Konferenz, 1925, стр. 25 и след.

¹³ Ср. Пицкер, стр. 40.

¹⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 314, прим. 108.

¹⁵ Ср. Положение о работе по изобретательству в системе НКЗП, опубликованное в «Финансовом и хозяйственном законодательстве» за 1937 г., № 1, и в системе НКЗП, опубликованное там же в № 3.

здается различная методика исследования новизны и признания мероприятия изобретением, в то время как в этом отношении необходимо и ценно однообразие и единство.

Это различие подхода к оценке изобретений влечет за собой то, что один и тот же автор, подав заявки на одно и то же мероприятие в различные наркоматы, может получить прямо противоположные ответы по вопросу о новизне своей заявки или о признании мероприятия изобретением. С такими несколькими заявками одного и того же изобретателя приходится встречаться уже и сейчас, причем это объясняется как вполне добросовестным желанием автора применить свое изобретение во всех тех отраслях промышленности, где это изобретение может найти применение, так и тем, что автор стремится «застраховать» себя подачей заявок в несколько наркоматов: откажут в одном наркомате, но могут выдать авторское свидетельство в другом. Не приходится говорить, что такая различная оценка одного и того же изобретения различными наркоматами не может не подрывать авторитета организаций, уполномоченных на выдачу авторских свидетельств, не может не подрывать значения самого свидетельства.

Положение значительно ухудшается, когда авторы аналогичных заявок, подав последние в различные наркоматы, получают от них различные ответы: одному присуждается авторское свидетельство, другому в нем отказывается. При этом возможно, что авторское свидетельство присуждено именно тому изобретателю, который и о з же подал свою заявку в другой наркомат: ведь общего учета заявок по их приоритету не ведется. Выдача авторского свидетельства в одном случае и отказ по такой же заявке в другом может получиться не только потому, что различные наркоматы выработали у себя различную методику исследования заявок, но и потому, что, например, наркомат, предполагающий выдать авторское свидетельство по изобретению, по которому другой наркомат в такой выдаче отказал, об «отказных» заявках последнего и не знает, а часто и не может знать. Предположение сосредоточить все материалы по «отказным» заявкам в библиотеке Госплана мало может этому помочь: рассмотрение заявки в наркомате, признавшем возможной выдачу авторского свидетельства, может окончиться ранее, чем в другом наркомате, предполагающем отказ в выдаче, несмотря на то, что в этот последний наркомат заявка поступила раньше, чем в первый, и рассмотрение могло, с другой стороны, затянуться, вследствие наличия жалоб и т. д. Поэтому наркомат, отказавший в выдаче авторского свидетельства, будет в состоянии послать в библиотеку Госплана материалы по «отказной» заявке уже после того, как исследование новизны заявки в наркомате, признавшем возможной выдачу авторского свидетельства, будет окончено и само свидетельство будет уже выдано.

Неизбежны по той же причине коллизии и споры по поводу приоритета заявок, по которым признана возможной выдача авторского свидетельства, когда эти заявки поступают в Госплан для регистрации: Госплан может зарегистрировать изобретение с более поздним приоритетом в сравнении с заявкой, по которой

другим наркоматом также признано право на авторское свидетельство, но эта заявка поступила в Госплан позже, так как рассмотрение ее в другом наркомате затянулось, например, вследствие жалоб.

Внимания заслуживают (а это уже имеет иногда место) упреки — в случае отказа в признании новизны — в необъективности исследования новизны. В признании новизны, мол, отказано на том основании, что новизну, а как следствие этого и право на повышенное вознаграждение устанавливает тот же наркомат, предприятие которого должно будет впоследствии выдавать автору повышенное вознаграждение.

Необходимо учесть и следующее. Последующая регистрация Госпланом авторских свидетельств, выдаваемых Наркоматами, имеет конститутивное, а не только деклараторное значение: Государственное бюро последующей регистрации (ГБПРИ) не может подходить автоматически к постановлению наркомата о выдаче этих авторских свидетельств: оно обязано проверять новизну заявки. Если даже не проводить полного исследования новизны, то, во всяком случае, необходимо проверить, не опирается ли заявка, признанная наркоматом новой, ранее выданными свидетельствами, выданными уже другими наркоматами, равно как и «отказными» заявками других наркоматов, если материалы по «отказным» заявкам будут сосредоточены в библиотеке Госплана. Другими словами, ГБПРИ будет производить повторную, хотя и суженную, экспертизу, и нередко будет случай, когда, получив обработанное экспертом и готовое к печати описание, ГБПРИ должно будет признать, что авторское свидетельство не подлежит выдаче вследствие ранее выданного авторского свидетельства или вследствие наличия заявки, по которой правильно отказано в выдаче свидетельства.

Неизбежно будут возникать споры между наркоматом, признавшим право на авторское свидетельство, и ГБПРИ, которое признает постановление о выдаче авторского свидетельства ошибочным. Кто будет разрешать эти споры? Какому органу будет предоставлено право выносить окончательное решение по этому вопросу?

Все эти недочеты снижают ценность и стимулирующее значение авторских свидетельств, выдаваемых наркоматами.

Объясняются эти недочеты основным дефектом существующей системы — децентрализацией приема заявок экспертизы новизны, в то время как существо работы по экспертизе заявок требует ее централизации. Ведь в данном случае исследуется вопрос о том, кто первый дал новое разрешение технической проблемы, и в результате исследования выдается свидетельство, имеющее юридическую силу и значение для всего Союза: необходимо поэтому, чтобы все лица, притязавшие на признание за ними авторства на изобретение, были поставлены в одинаковые условия, подавали свои заявки в одно и то же учреждение, в котором и должно быть сосредоточено рассмотрение этих заявок.

Предполагают, что указанные недочеты могут быть устранены, если существующий классификатор, то есть распределение на классы и группы всех технических вопросов, разрешаемых изобретателями, разделить между наркоматами

и таким образом заранее выделить каждому наркомату круг тех технических вопросов, изобретения по которым он будет исследовать. Такое мнение мы считаем глубоко ошибочным, ибо оно представляет собой не что иное, как организационное построение работы не в соответствии с существом последней и подчинение этой работы неправильному организационному принципу. В самом деле: не вызывает никаких сомнений, что распределение технических вопросов между отраслями народного хозяйства невозможно, так как одни и те же технические вопросы возникают и разрешаются в различных отраслях хозяйства. Следовательно, такое распределение может носить только искусственный характер. Уточнив круг вопросов, рассматриваемых наркоматами, распределение это положений изобретательской массы, делающей заявки на изобретения, не только не улучшит, но внесет еще большую неясность и путаницу. Если теперь рабочий изобретатель может подать свое изобретение в наркомат, в ведении которого находится предприятие, на котором он работает, то при разбивке классов технических вопросов между наркоматами изобретатель совсем не будет знать, куда послать ему свою заявку. Ведь совершенно нежизненным было бы предположение о возможности популяризации классификатора в такой мере, чтоб с ним были знакомы широкие круги изобретателей. И если теперь в ГВРИ чуть ли не ежедневно поступают от изобретателей, делающих изобретения, не относящиеся к кругу деятельности предприятий, где они работают, запросы о том, куда надлежит им направить их заявки, то можно себе представить, какое количество таких запросов будет поступать в случае, если классификация будет проведена.

Между тем проведенная децентрализация не вытекает из постановления ЦИК и СНК СССР от 22 июля 1936 г.: постановление это было издано «в целях ускорения практического внедрения на предприятиях ценных изобретений и технических усовершенствований, а также обеспечения должной ответственности народных комиссариатов за состояние изобретательского дела». Оценка полезности изобретений, выяснение возможности их немедленного использования и внедрения, конечно, может и должно производиться на основе децентрализации на местах, где это мероприятие может быть применено и использовано, — на предприятиях. Что же касается экспертизы новизны, то децентрализация ее, не вытекающая из существа постановления от 22 июля 1936 г., должна быть ликвидирована. Необходимо создать единую межведомственную экспертизу новизны, только таким путем будут устранены указанные выше и неизбежно связанные с децентрализацией дефекты. За наркоматами необходимо сохранить возложенные на них постановлением от 22 июля 1936 г. экспертизу полезности, самое выдачу авторского свидетельства на основе междуведомственной экспертизы и ответственность за внедрение изобретений, признанных полезными.

Только так, по нашему мнению, может быть ликвидирован тот «организационный хаос в изобретательском деле», который констатирует в передовой статье Ц. О. «Правда» от 12 апреля 1937 г.

Проблема вознаграждения за

предложение, право автора принятого предложения на вознаграждение. Правовое регулирование нашим законодательством вознаграждения изобретателей является одним из существенных отличий нашего изобретательского права от капиталистического патентного права. Не может быть речи в капиталистических условиях о каком-либо регулировании вопроса об обеспечении права изобретателей на вознаграждение.

Наш закон об изобретениях 1931 г., поставив себе задачу «создать иные формы взаимоотношения изобретателей и трудящихся с социалистическим государством», подчеркнул, что необходимо «создать условия, поощряющие массовое изобретательство, обеспечив должное (нормированное) вознаграждение трудящихся изобретателей». Эта задача была выполнена инструкцией о вознаграждении за изобретения, технические и организационные усовершенствования¹⁶. Согласно этой инструкции устанавливается вознаграждение за каждое принятое, признанное полезным, изобретение или усовершенствование. При этом за изобретение устанавливается большее вознаграждение, чем за усовершенствование. Другими словами, материальное стимулирование массового изобретательства построено таким образом, что в соответствии с различной технической ценностью предложения, в зависимости от того, является ли оно изобретением или техническим усовершенствованием, устанавливаются различные размеры вознаграждения.

С другой стороны, учитываются результаты, получаемые от внедрения предложения на производстве либо в виде «меньшей затраты сил», что находит свое выражение в экономии от применения предложения, либо в создании «более достойных» условий работы, и в последних случаях предложение приравнивается для определения размера причитающегося вознаграждения, к другому, дающему экономии. Эти результаты являются вторым фактором, влияющим на размер вознаграждения.

Можно поэтому сказать, что вознаграждение за предложение поставлено в зависимость от качества и количества результатов труда изобретателя¹⁷.

Надо признать, что принцип «оплаты по труду» по существующей системе вознаграждения четко проводится. Чем больше экономии дал изобретатель производству своим предложением, чем больше он сэкономил общественного труда, — «количественный показатель предложения» — чем, с другой стороны, ценнее с технической точки зрения предложенное им мероприятие — «качественный показатель предложения» — тем больше получает и изобретатель за свое предложение. Это не означает, что инструкция не нуждается в некоторых корректи-

¹⁶ Эта инструкция была опубликована в «Вестнике Комитета по изобретательству при СТО» 31 октября 1931 г., № 10, с дополнениями, опубликованными в «Вестнике Комитета» за 1932 г. № 3-4.

¹⁷ Подробному изложению существующей системы правового регулирования вознаграждения изобретателей посвящена наша книга «Экономия от предложений и вознаграждение изобретателя», 1932 г.

вах¹⁸, но самые принципы системы вознаграждения должны быть, по нашему мнению, оставлены без изменения.

Указание вводного закона об изобретениях, что необходимо обеспечить изобретателю «должное — нормированное — вознаграждение», находит себе выражение в том, что вознаграждение изобретателя является его правом. Ни само решение вопроса о том, полагается ли вообще вознаграждение, ни вопрос о размере вознаграждения не зависят от усмотрения администрации предприятия: если, налицо указанные в законе предпосылки, изобретатель имеет право на вознаграждение, размер которого заранее точно определен. Вот почему мы считаем своевременным отказаться от понятия «премия», «премирование» в тех случаях, когда говорится о вознаграждении изобретателя. Эти понятия сохранились у нас с того времени, когда вознаграждение изобретателя действительно носило характер премии, то есть, само право на вознаграждение и вопрос о его размере находились в зависимости от усмотрения администрации.

Надо, однако, признать, что это право на вознаграждение в настоящее время лишено судебной защиты. Споры изобретателей с администрацией предприятий о вознаграждении в подавляющем большинстве случаев разрешаются конфликтными комиссиями, организуемыми при предприятиях¹⁹. Комиссии эти в составе представителей администрации и местной заводской ячейки общества изобретателей с председателем

¹⁸ К вопросу о необходимых изменениях инструкции мы вернемся в другой статье.

¹⁹ Только в случае, предусмотренном п. «е» ст. 4 Закона об изобретениях, споры о вознаграждении рассматриваются судом: «если изобретение, не признанное полезным для народного хозяйства, применяется на предприятии, изобретатель имеет право получить вознаграждение от этого предприятия; размер вознаграждения устанавливается по соглашению, а при недостижении соглашения — определяется судом». Положение это вызывает на практике ряд недомолвок относительно того, какие случаи здесь имеются в виду. Ведь если изобретение не признается полезным, — рассуждают некоторые, — то оно, с одной стороны, не может и применяться, а с другой — и не может возникнуть вопрос о вознаграждении автора его. Эти рассуждения основаны на недоразумении: само собой разумеется, что применяться могут только изобретения, признанные полезными, и только за такие именно изобретения может причитаться вознаграждение. И если п. «е» ст. 4 закона говорит об изобретениях, «не признанных полезными для народного хозяйства», то надлежит иметь в виду, что понятие «не признанные полезными для народного хозяйства» понимается в том смысле, какой придается этому понятию в ст.ст. 42, 20 и примечаний к ней и п. «а» ст. 15 закона, т. е. в смысле непризнания (отсутствия признания) полезности в порядке, этими статьями предусмотренном. Другими словами, п. «е» ст. 4 имеет в виду такие изобретения, которые применяются на предприятиях в то время, как признания полезности их в порядке ст. 42 закона не имеется. А это может быть в том случае, когда либо третий экземпляр описания заявленного изобретения вовсе не посылался на отзыв о полезности в порядке ст. 42, либо третий эк-

земпляр посылался, но отзыва на него получено не было (такие случаи очень часто встречаются в практике), либо от организации, производившей оценку полезности изобретения, получен отзыв, что изобретение не признано полезным для народного хозяйства, а в это время предприятие применяет это изобретение и нередко с очень большой пользой для предприятия (с такими случаями мы нередко встречаемся). В этих трех случаях и возможно, при недостижении соглашения о размере вознаграждения за использование изобретения, обращение к содействию суда.

В результате, вместо того, чтобы явиться основным органом, который на самом предприятии занимается бы охраной прав изобретателей, конфликтные комиссии в огромнейшем большинстве случаев вызывают недовольство изобретателей, и недовольство вполне заслуженное.

Надлежит отметить, что даже в этих пределах своей работы конфликтные комиссии выносят решения, которые не всегда удается привести в исполнение в том виде, как это указано законом. Согласно постановлениям СНК РСФСР от 19 января 1933 г. и от 9 декабря 1934 г.²¹, решения конфликтных комиссий подлежат исполнению путем нотариальной надписи об исполнении, для чего должна быть представлена нотариусу копия постановления комиссии о вознаграждении, а также справка администрации предприятия, что предложение признано полезным. Не говоря о том, что сплошь и рядом конфликтные комиссии выносят настолько нечеткие решения, что их трудно исполнять, сплошь и рядом администрация отказывает в выдаче справок о признании предложений полезными, отчего нотариусы и отказывают в выдаче надписи. В результате, право на вознаграждение, в случае его нарушения, оказывается лишенным возможности принудительной реализации²².

Существующее положение нуждается в изменении: разрешение конфликтов по вопросу вознаграждения должно быть передано суду.

Необходимо, далее, принять меры к тому, чтобы в наших правовых вузах вопросам изобретательского (равно как и вопросам авторского) права уделялось большее внимание. Необходимо принять все меры к тому, чтобы сделать охрану прав изобретателей реальной, и этим «создать условия, поощряющие массовое изобретательство».

земпляр посылался, но отзыва на него получено не было (такие случаи очень часто встречаются в практике), либо от организации, производившей оценку полезности изобретения, получен отзыв, что изобретение не признано полезным для народного хозяйства, а в это время предприятие применяет это изобретение и нередко с очень большой пользой для предприятия (с такими случаями мы нередко встречаемся). В этих трех случаях и возможно, при недостижении соглашения о размере вознаграждения за использование изобретения, обращение к содействию суда.

²⁰ См. Положение о конфликтных комиссиях, опубликованное в «Вестнике комитета» № 10, 1932 г., постановление № 17 Комитета по изобретательству, опубликованное в «Вестнике комитета» № 5-6, 1934 г.

²¹ Собр. узак. 1933 г. № 6, ст. 19, и 1934 г. № 43, ст. 176.

²² См. нашу статью «Конфликтные комиссии и их работа» в «Вестнике комитета» № 7-8, 1934 г.

Рабселькоры — неустрашимые борцы за социалистическую законность

Сталинская Конституция гарантирует гражданам СССР, в числе других свобод, свободу слова и печати.

Ни в одной стране мира гласность не завоевала такого положения, как в Советском Союзе. В стране социализма устное и печатное слово вознесено на громадную высоту. Советская печать не гонится за сенсациями, обывательской болтовней, не развращает читателя порнографией и уголовщиной, не занимается политической трескотней.

Свобода слова и печати служит многомиллионному народу нашей великой родины в его исторической борьбе за окончательную победу коммунизма.

Неизмеримая пропасть лежит между советскими и буржуазными корреспондентами. Это хорошо знают буржуазные журналисты. Они издеваются над словами «свобода печати» в капиталистическом обществе. Они называют проституцией свою профессию. Виднейший американский журналист Саллес в своей книге «Свобода печати» открыто пишет об этом.

Вся история большевистской печати насыщена прекрасными образцами, которые характеризуют органическую связь нашей печати с широкими трудящимися массами. Яркой формой этой связи являются рабселькоры.

Товарищ Сталин охарактеризовал рабселькоров как командиров «пролетарского общественного мнения, старающихся направить неисчерпаемые силы этого великого фактора на помощь партии и советской власти в трудном деле социалистического строительства»¹.

Мощным оживляющим потоком влилось рабселькорское движение в советскую общественность. Партия Ленина — Сталина нашла в лице рабселькорской армии десятки тысяч добровольных активных помощников. На всех участках борьбы и строительства социализма рабселькоры заняли передовые позиции. Везде, где происходит напряженная борьба за дело партии Ленина — Сталина, рабселькоры шли в первых рядах. Вместе с прокуратурой они единым фронтом выступали против врагов народа, разоблачая вредителей и расхитителей социалистической собственности. Рабселькоры вели упорную борьбу за повышение производительности труда, за высокое качество выпускаемой продукции, за трудовую дисциплину. Они боролись против бракоделов, против обезлички и уравниловки, за полное и правильное использование оборудования, за технику безопасности.

Селькоры вместе с прокуратурой единым фронтом выступали против вредительства в животноводстве и сельском хозяйстве, боролись за своевременное выполнение государственных заданий в посевной и уборочной кампаниях, за своевременное выполнение обязательств перед государством, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, против нарушений и

извращений Примерного устава сельскохозяйственной артели.

Вместе с прокуратурой рабселькоры борются за выполнение решений январского пленума ЦК ВКП(б), выступая против карьеристов, перестраховщиков и «копейметателей», против всех, кто мешает проводить очистительную борьбу от троцкистско-бухаринских бандитов — агентов фашизма.

Тысячи рабселькорских заметок направлены против бюрократов и хулиганов, казенного и бездушного отношения к гражданину великого Советского Союза, обывательского благодушия самодовольных вельмож. Рабселькоры борются за незыблемость советских законов, за точное исполнение Сталинской Конституции. Они поднимали и поднимают через советскую печать свой протестующий голос не во имя личных интересов или обид, а в интересах социалистического государства и всего многомиллионного народа. Они посылают свои подчас необычайной меткости и силы стрелы против пережитков капиталистического варварства, против врагов трудового народа.

Набатным колоколом часто звучат рабселькорские заметки, призывающие нас к усилению бдительности, призывающие нас не забывать слов руководителя доблестной советской разведки т. Н. И. Ежова о том, что «чем сильнее мы становимся, чем мы становимся богаче, тем больше злобы мы вызываем у оголтелой своры фашиствующей буржуазии, которая готовится к войне с нами и которая пока что засылает нам пакчами шпионов, диверсантов и вредителей. Она вдохновляет на борьбу с трудовым народом советской страны недобитые остатки капиталистических классов, мобилизуя под свои фашистские знамена жалкие остатки кулаков, уголовников и троцкистско-бухаринских выродков. Самые грязные, самые темные, самые чудовищные накости применяет в борьбе с нами вся эта отвратительная свора троцкистско-бухаринских выродков для того, чтобы как-нибудь приостановить победоносное движение нашего народа вперед к коммунизму»².

Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР сопровождалась по всей стране огромным ростом политической активности народных масс.

Троцкистско-бухаринские гады и их агентура — уголовщина, бандиты разных мастей, петлюровцы, проповедники сектантов, попы и всякая иная мразь пытались кой-где сорвать подготовку к выборам в Верховный Совет СССР.

Но рабселькорская армия, как и всегда, оказалась на своем боевом посту и дала сокрушительный отпор пронкам всяких врагов народа, пытавшихся извращать и нарушать Сталинскую Конституцию.

¹ Основные директивы и законодательство о печати, 1937, стр. 34.

² Н. И. Ежов, Речь на собрании избирателей Горьковского — Ленинского округа в Горьком, Партиздат 1937 г., стр. 12—13.

В редакции газет и в органы прокуратуры полетели сотни и тысячи рабселькоровских писем со всех уголков страны. Рабселькоры сигнализировали о неправоильном и несвоевременном составлении списков избирателей, о незаконном составе и засоренности избирательных комиссий, о волоките с разрешением жалоб граждан, о нарушении социалистической демократии и принципов ленинско-сталинской национальной политики, о срыве работы кружков по изучению Сталинской Конституции и избирательного закона, о бездействии местных органов власти по подготовке к избирательной кампании и т. д.

Органы прокуратуры получили от рабселькоров большую помощь в разрешении задач, возложенных на прокуратуру партий и правительством в связи с избирательной кампанией.

Выполняя свой великий долг перед многомиллионным народом по охране и укреплению социалистической законности, стоя на страже социалистической демократии и прав гражданина первого в мире социалистического государства — органы прокуратуры получали неоценимую помощь от своих верных и боевых помощников — рабселькоров.

Об этой действенной помощи красноречиво говорят следующие цифры:

Органами прокуратуры УССР в 1937 г. было получено и взято на учет 54 825 рабселькоровских заметок. В результате проверки и расследования подтвердилось 42 450 заметок, т. е. 77,4% общего количества полученных заметок.

Приводим таблицу, показывающую число полученных и подтвердившихся заметок по отдельным областям УССР (в старых границах) и полученных непосредственно Прокуратурой УССР.

Области	Всего получено заметок	Подтвердилось заметок	% подтвердившихся заметок
Киевская	13 338	10 276	77,0
Черниговская	3 423	2 829	82,6
Винницкая	6 708	4 964	74,6
Харьковская	8 481	6 799	80,2
Днепропетровская	8 034	5 892	73,7
Одесская	4 556	3 555	79,0
Донецкая	7 237	5 847	81,0
МА ССР	947	790	83,0
Прокуратура УССР	2 101	1 499	71,4
Всего	54 825	42 450	77,4

Из данных приведенной таблицы можно сделать три основных вывода:

- 1) что рабселькорская армия является боевым помощником органов прокуратуры в деле борьбы за укрепление социалистической законности;
- 2) что органы прокуратуры реагируют на рабселькорские заметки;
- 3) что 22,6% неподтвердившихся заметок являются показателем существенных недостатков как в работе редакций, так и самих рабселько-

ров, недостатков, особенно недопустимых сейчас, после решения январского пленума ЦК ВКП(б).

Немалая доля вины в том, что 22,6% заметок рабселькоров не подтвердились, лежит и на органах прокуратуры, так как по сей день наблюдаются случаи формально-бюрократического отношения этих органов к расследованию и проверке заметок. Это показывает непонимание отдельными прокурорами и следователями политического и общественного значения рабселькорских заметок, отсутствие в ряде случаев настойчивой и большевистской борьбы с волокитой в представлении различными органами и учреждениями материалов и сведений, необходимых для проверки и расследования фактов, изложенных в заметках рабселькоров. Известны факты неосновательного прекращения уголовных дел и производств по рабселькорским заметкам, несмотря на неудовлетворительное расследование и неполноту собранных материалов.

В подтверждение указанных положений привожу следующие факты.

В газете «Социалистическое земледелие» 28 декабря 1937 г. появилась заметка «Ликвидировать дебиторскую задолженность в МТС».

7 января 1938 г. прокуратура УССР запросила Харьковского и Винницкого облпрокуроров, что сделано по этой заметке...

20 января 1938 г. старший помощник Винницкого облпрокурора т. Сокальский отвечает:

«Поскольку мы не получаем газеты «Социалистическое земледелие», из вашего отношения не видно, где имела место дебиторская задолженность. Нами затребовано от редакции газеты «Социалистическое земледелие» заметка, после чего будет возможность Вам ответить...»

А помощник Харьковского облпрокурора через 23 дня после направления запроса пишет: «Харьковская облпрокуратура просит прислать копию заметки газеты «Соц. земледелие» за 28 декабря 1937 г. под заголовком «Ликвидировать дебиторскую задолженность в МТС», поскольку такой заметки у нас полученной не значится, и вообще газету «Соц. земледелие» у нас не получают...»

Эти два «ответа» являются классическими образцами бюрократического отношения прокуроров к проверке материалов печати. Неужели в Виннице и Харькове не оказалось экземпляра газеты «Соц. земледелие» за 28 декабря 1937 г.? Неужели товарищам прокурорам из Харькова и Винницы нужно было за этой заметкой обращаться — одному в Москву, другому — в Киев? Ведь после письма прокурора УССР по этим отпискам нужный номер газеты «Соц. земледелие» был найден и заметка была проверена и после вмешательства прокуратуры дебиторская задолженность по Винницкой области с 20 мил. руб. была доведена до 4 972 тыс. руб.

Приводим другой случай. В газете «Зоря Днепропетровщини» 15 октября 1937 г. появилась заметка «Бюрократични примхи прокурора». В этой заметке описывается случай волокиты, проявленной Запорожским прокурором т. Хантом в отношении жалобы трудящегося. В помещенном примечании к заметке редакция требует от областного прокурора немедленной проверки этого случая.

21 октября прокуратура УССР телеграммой потребовала от Днепропетровского облпрокурора представить к 11 ноября объяснение. Затем произошел разговор по телефону с помощником

облпрокурора, который обещал выслать материал, связанный с заметкой в газете.

23 ноября Прокуратура УССР вторично затребовала телеграммой ответ, а 19 декабря потребовала личной явки проверяющего заметку прокурора в Прокуратуру республики. Наконец был получен ответ от выполняющего обязанности Днепропетровского облпрокурора т. Прокопенко. Ответ гласит о том, что заметка правдива и что волокита у т. Хаита имеет место, но что т. Хаит... «очень перегружен».

Но заголовок заметки «Бюрократички примхи прокурора» может быть отнесен не только к Запорожскому прокурору. 20 ноября 1937 г. в газете «Комсомолец Донбасса» появилась заметка «Бездушные», описывающая несчастный случай, который произошел в 1935 г. с четырнадцатилетней девушкой Марусей Балюк, в то время служившей домашней работницей у гр. Сыгнкова. Во время уборки квартиры Балюк случайно задела заряженный револьвер, в результате чего произошел выстрел. Пуля пробила Марусе шею. И вот она уже три года лежит в больнице.

Балюк обращалась во все организации, умоляя оказать ей помощь в специальном лечении, но все ее письма остались без ответа.

4 декабря 1937 г. Прокуратура республики заинтересовалась этим случаем и потребовала от Донецкого облпрокурора объяснения, установив срок его представления 10 января 1938 г. Но ответ не был получен, и 16 января 1938 г. было послано напоминание. Ответа не последовало. Наконец, 11 февраля 1938 г. прокуратура УССР потребовала объяснения о причинах молчания. 15 марта 1938 г. вместо ответа облпрокурора была получена копия письма помощника Дзержинского прокурора, который сообщает, что Маруся Балюк действительно находится в больнице, но специальным лечением не обеспечена.

Можно было бы привести и другие факты бюрократического и бездушного отношения отдельных прокуроров к проверке и реализации рабселькорских заметок. Все это говорит о том, что некоторые товарищи забыли постановление ЦК ВКП(б) от 28 августа 1926 г., которым было предложено упорядочить дело расследованием рабселькорских материалов, борясь против формального, невнимательного отношения со стороны административных и судебных органов к помещенным в газете или к посылаемым в учреждение на расследование корреспонденциям (против бюрократических опровержений — отписок, против поручения расследований заинтересованным лицам и т. д.), следя за действительным привлечением к ответственности виновных.

В работе органов прокуратуры есть и другие недостатки. Например, совершенно недостаточна в большинстве мест живая связь органов прокуратуры с редакциями газет и рабселькорами; прокуроры ставят очень мало докладов на слетах и совещаниях рабселькоров о реализации их сигналов; рабселькоры мало привлекаются к проверке газетных заметок, не привлекаются в качестве общественных обвинителей на суде по делам, связанным с разоблачением печати; проверенные и расследованные рабселькорские заметки прокурорами не обобщаются и из них не делается общих выводов для постановки докладов и информации партийным и советским органам; органы прокуратуры несвоевременно

отвечают на запросы редакций газет по тем или иным материалам рабселькоров и т. д.

Враги народа, троцкистско-бухаринские бандиты и их агентура, расхитители социалистической собственности, хулиганы и растратчики, бюрократы и насильники чувствуют в рабселькорах настоящих, боевых и умелых борцов за дело Ленина — Сталина, поэтому они их так остро ненавидят и не останавливаются ни перед какими средствами в борьбе с ними. В арсенале средств, которые враги народа применяют в борьбе с рабселькорами, можно найти: террор, поджоги, угрозы, травлю, провокацию, дискредитацию, избиение, увольнение с работы или исключение из колхоза, создание невозможных условий для работы, снижение выработки, неосновательный бракераж, понижение заработной платы и т. д. Иногда рабселькор «повышают» в должности, дают ему работу, с которой он завсегда не в состоянии справиться, а потом с позором его совсем снимают с работы.

История рабселькорского движения показала, что все эти подлые методы, применяемые врагами народа и бюрократами, не останавливают рабселькоров в их борьбе за советскую законность и торжество социализма.

Последние совещания рабселькоров на Украине показали боеспособность этой прекрасной массовой организации, готовность рабселькоров и в дальнейшем не щадя своих сил бороться за окончательную победу коммунизма, за дело многомиллионного советского народа, за дело великой партии Ленина — Сталина.

К великому нашему сожалению и даже стыду мы должны констатировать, что на этих совещаниях не было слышно голоса прокуратуры — основного органа, реализующего рабселькорские заметки, того органа, который от имени социалистического государства стоит на защите рабселькоров. Это положение, очевидно, объясняется тем, что некоторые работники прокуратуры до сего дня не поняли и не осмыслили указаний товарища Сталина о том, что «Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова состоит из советов плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных объединений, соединяющих советы с глубочайшими «низам», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающий шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением»¹.

Только этим нужно объяснить невыполнение требования Прокурора СССР от 8 декабря 1933 г. о том, что необходимо «добиться такого положения, чтобы, как правило, к участию в расследовании селькорских заметок привлекать самих селькоров и представителей местной печати».

Не всегда и не во всех случаях выполняются требования Прокурора СССР от 17 июня 1935 г. о том, чтобы «все дела о преследовании рабселькоров брать под личный надзор прокуроров краев, областей, республик, не имеющих краевого деления, железных дорог и водных бассейнов, обеспечивая расследование по этим делам силами наиболее квалифицированных работников следственного аппарата».

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 149.

Там же было сказано: «Все дела о преследовании рабселькоров заканчивать в кратчайший срок».

Установить тесную связь с редакциями газет, своевременно реагируя на их материалы и сигналы и обеспечивая информацию редакции о результатах мероприятий органов прокуратуры по этим материалам и сигналам.

Во всех случаях получения органами прокуратуры сведений об угрозах, преследованиях и готовящихся покушениях на рабселькоров безотлагательно принимать активные меры к защите рабселькоров, производить расследование и привлекать виновных к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК.

Предупреждаю работников прокуратуры, что в случае оставления подобных сведений без надлежащего расследования они будут привлекаться к строжайшей ответственности».

Задача органов прокуратуры УССР заключается в том, чтобы в ближайшее время принять все меры к устранению недостатков, имеющихся в деле борьбы за действительность рабселькорских заметок, установления тесной и неразрывной связи прокуратуры с рабселькорами и редакциями газет. Необходимо осознать политическое и общественное значение рабселькорских заметок и вырвать с корнем малейшие

признаки волокиты и бюрократизма в расследовании и проверки материалов рабселькоров, ввести как систему доклады прокуроров о реализации рабселькорских заметок на слетах и на совещаниях рабселькоров, на собраниях рабочих и колхозников, на заседаниях партийных и советских органов, беспощадно громить преследователей рабселькоров — врагов народа и бюрократов, хулиганов и расхитителей социалистической собственности.

Сознание достоинства советского гражданина неразрывно связано с победоносным социалистическим строительством. Поэтому не удивительно, что в условиях Сталинской Конституции, в условиях, когда жизнь нашей прекрасной страны достигла невиданного расцвета, требования, предъявляемые советским гражданином к органам своей власти, к органам прокуратуры чрезвычайно возрастают. Советский гражданин никому не позволит умалить свои права, ущемить свое достоинство. Рабселькоры громко и открыто говорят о всех замеченных ими недостатках и сами активно участвуют в их устранении. Наша обязанность оберегать и культивировать это новое прекрасное чувство советского гражданина, в корне пресекать всякого рода нарушения записанных и обеспеченных Сталинской Конституцией прав гражданина СССР на свободу слова и печати.

О Б М Е Н О П Ы Т О М

Редкий случай самоубийства

Судебное определение наличия самоубийства нередко представляет большие трудности.

Гарантии против возможных ошибок мы видим в полноте осмотра места происшествия и судебно-медицинского исследования трупа и во всестороннем выяснении личности самоубийцы, состояния его психического и физического здоровья и его родственных, общественных и служебных взаимоотношений с окружающими.

Трудности эти усугубляются в зависимости от степени сложности случая.

С одним из таких сложных, по нашему мнению, случаев мы и хотим познакомить наших читателей.

В 8 часов утра 12 апреля 1933 г. в окрестностях г. Одессы был обнаружен на территории лагерей, в траншее стрельбищного поля, труп гр. Н., 36 лет.

Труп мужчины крепкого сложения и удовлетворительного питания лежал на спине, на откосе глубокой и длинной траншеи, в поперечном, по отношению к длине траншеи, положении, в позе спокойно уснувшего человека, на полуразвернутой, не надетой в рукава шинели, причем ноги находились у самого дна траншеи.

Одеждой трупа служили, кроме шинели, гимнастерка и брюки-галфе, засунутые в голенища высоких кожаных сапог. Под гимнастеркой были надеты полотняная сорочка и новая голубая майка, а под брюками трикотажные голубые и белые вязевые кальсоны. На голове трупа был надет картуз. Подпоясан был труп широким

кожаным ремнем, а через плечо на ремне был надет раскрытый кобур к револьверу наган, с запасом боевых патронов.

Воротник и грудь гимнастерки были расстегнуты на 3 пуговицы и раскрыты, так же как и майка.

Револьвер системы Наган на плечевом ремне с 2 боевыми патронами и 5 свежестреленными гильзами в его барабане лежал на земле между правой рукой и правым бедром трупа, будучи повернут дулом к правой пахве трупа.

На шее трупа была тонкая бичевка, дважды обернутая петлей и завязанная простым узлом. Один из концов этой бичевки был свежес оборван и обрывок лежал на земле, непосредственно воле трупа, с правой его стороны.

На подошве сапог трупа была незасохшая грязь, высохший бурьян и молодая трава, соответствующие окружающей местности.

На дне траншеи были замечены не вполне отчетливые следы одного, обутого в кожаную обувь человека, ведшие к трупу.

Карманы одежды трупа не были вывернуты, и при трупе были обнаружены часы, личные документы и небольшая сумма денег. Предсмертной записки или иных письменных материалов, объясняющих причины смерти, при трупе обнаружено не было.

Рот трупа был заткнут кляпом из тонкого носового платка, с оборванным углом.

Следов борьбы на трупе и его одежде не было обнаружено.

Обратило на себя внимание то обстоятельство, что при хорошем качестве белья и одежды, на

трупe было обнаружено довольно много ползающих тельных вшей.

Территория стрельбища ограждена колючей проволокой и охранялась военным караулом.

Труп был совсем свежий, с незначительным трупным окоченением, без гнилостного запаха. Эти и ряд других наблюдений указывали, что с момента смерти до момента обнаружения трупа прошло не более 6 часов.

Одежда на трупе и под трупом оказалась изобильно испачканной кровью в виде пятен, мазков и брызг.

При исследовании телесных повреждений на трупе наружным судебно-медицинским осмотром обнаружено следующее:

Вышеупомянутая бичевка сдавливала дыхательное горло между подъязычной костью и щитовидной железой, оставивши на коже шеи круговую странгуляционную борозду.

В области груди, справа, на месте срастания последней с третьим правым реберным хрящом, круглая, диаметром до 1,5 см, обожженная по краям, рана и на той же высоте, отступив влево на 1,5 см от места срастания грудины с третьим левым реберным хрящом, вторая рана, такого же размера и характера, как и первая.

На границе наружной и средней трети левой ключицы неправильной формы отверстие с опаленными краями и внедрившимся в кожу негоревшими частицами пороха. В надключичной ямке, справа, у переднего края трапециевидного мускула левой ключицы, дефект кожи овальной формы, диаметром в 2,5 см и в 1 см. В области внутреннего края левой лопаточной кости отверстие в коже диаметром около 1 см, с вывернутыми наружу краями. Влево от хребта, в области 2-го грудного позвонка, отверстие в коже, с вывернутыми наружу краями, диаметром в 0,75 см.

У внутреннего края правой подостной ямки дефект кожи, с неровными, вывернутыми наружу, краями, длиной в 2,5 см и шириной в 1 см.

В полости рта разрушения коронок зубов верхней челюсти: клыка, двух малых коренных и первого большого коренного, причем осколки оказались на вынутом изо рта клатце.

При вскрытии трупа внутренним осмотром его найдено: в области правой теменной кости под сухожилиями значительный сгусток крови, внутри которого оказалась сплюснутая с боков оболочная пуля к револьверу системы Наган и много мелких костных осколков. В правой теменной кости овальное, диаметром в 2 см, отверстие, с выбитыми наружу в виде конуса краями. Твердая мозговая оболочка напряженная, в пазухах ее много крови. Тело основной кости черепа разрушено. В чешуе левой височной кости трещина. Орбитная часть лобной кости разрушена по обе стороны петушиного гребня. Паутинная и мягкая оболочки мозга разрушены. Оба полушария мозга отделены от его ствола на высоте варолиева моста. Правый боковой желудок разрушен в задней его части. Мозг теменной доли разможен во внутренней его части.

Запах алкоголя мозг не издавал.

Щитовидный хрящ сломан вдоль средней линии. Третье и четвертое ребро переломаны по лопаточной линии.

Левая ключица перебита на границе наружной и средней ее части, причем обломки ее сместились: грудной назад, лопаточный наперед.

Пятен Тардье и других признаков асфиксии не обнаружено.

В результате судебно-химического исследования внутренних органов, взятых из трупа гр. Н., произведенного Одесским институтом научно-судебной экспертизы, предположение об отравлении гр. Н. каким-либо наркотическим ядом до состояния беспамятства отпало за необнаружением такового.

Основываясь на данных судебно-медицинского исследования трупа Н., судебный врач пришел к такому выводу:

«Гр. Н., кроме остатков перенесенного им двухстороннего плеврита, систематическими заболеваниями органов не страдал.

Что же касается ранений и увечий, обнаруженных при исследовании, то обнаружилось, что бичевка, наложенная на шею, вызвала продольный перелом по средней линии щитовидного хряща, нарушивши тем самым нормальный ход процессов дыхания. Окончательного удушья этим путем не достигнуто, о чем свидетельствует отсутствие синюшности и изменений в полостях рта и груди.

Из четырех огнестрельных ранений из револьвера системы Наган одно вызвало перелом левой ключицы, чем иммобилизовало левую руку; другое, слева от грудины, не причинило серьезного вреда; третье, в правую полость груди, вызвало многочисленные повреждения междуреберных сосудов и обильное кровоизлияние в грудную полость; эта же пуля, пробивши лопатку, значительно затруднила движение правой руки. При четвертом выстреле в рот, вследствие разрушения твердой неба и тела основной кости, пуля прошла в полость черепа, где отделила полушария мозга от его столба. Это последнее ранение нужно отнести к числу безусловно смертельных.

На основании изложенного, с наибольшей вероятностью, можно прийти к заключению, что ранения гр. Н. наносились лицом, стоявшим влево от распростертого на земле раненого, благодаря чему все пулевые каналы имеют направление слева направо.

Наличие носового платка во рту, бичевки на шее, а главное, невозможность определить последовательность сделанных выстрелов дают право считать, что в данном случае имеет место убийство».

Однако военная прокуратура не удовлетворилась вышецитированным заключением судебного врача и передала дело на заключение Одесского института научно-судебной экспертизы.

Основываясь не только на данных судебно-медицинского исследования трупа, но и на всех других данных предварительного следствия, Институт научно-судебной экспертизы пришел к другому выводу, а именно, что гр. Н., вероятнее всего, покончил жизнь самоубийством.

Приводим из акта Института н.-с. экспертизы (Н. Р. № 4646) те соображения, которые привели Институт к вышеуказанному заключению.

Отметив, что судебно-медицинский эксперт по данному делу не дал категорического заключения о наличии убийства, облекши в форму наиболее вероятного предположения, и что этим самым не устраняется другая точка зрения, о наличии самоубийства, а также, что в протоколе судебно-медицинского вскрытия отсутствует та точность описания, которая позволила бы точно обосновать направление выстрелов слева напра-

во, на котором стоит судебно-медицинский эксперт, утверждая, что выстрелы произведены лицом, «стоящим влево от распростертого на земле раненого». Институт научно-судебной экспертизы в дальнейшем излагает:

Первое из ранений в грудь, находящаяся у места сращения грудины с 3-м правым реберным хрящом, является, судя по его круглой форме, размеру, ровным краям и следам ожога — входным отверстием, а соответствующее ему выходное отверстие находится у внутренне-го края правой подостной ямки лопатки. Таким образом направление этого ранения снизу вверх и только слегка слева направо. Если поместить револьвер наган в указанном направлении близко (на 1—2 см) дулом к груди, то ручка револьвера придется вблизи пупка. Выстрел из револьвера, с курком двойного действия, может быть произведен собственноручно потерпевшим в лежачем его положении правой или левой рукой или совокупным действием обеих рук.

Второе входное отверстие, по данным акта вскрытия, находится слева от груди, отступя от места сращения последней с 3-м реберным хрящом на 1,5 см, соответствующее же ему выходное отверстие описано находящимся слева от позвоночного столба на 3 см, в области второго грудного позвонка, и таким образом, направление пулевого канала будет снизу вверх при самом незначительном отклонении справа налево. Очевидно, что собственноручный выстрел из нагана в указанном направлении доступен и для правой и для левой руки потерпевшего, так же как и для совокупного их действия, причем положение ручки револьвера будет аналогично вышеописанному.

Входные отверстия обоих описанных ранений лежат на одном уровне и в расстоянии одно от другого на 4 см, если нормальную ширину грудной кости взрослого мужчины считать в 2,5 см.

Третье входное огнестрельное отверстие находится на границе наружной и средней трети левой ключицы. Пуля перебила здесь ключичную кость, сместивши отломки: грудной назад, а лопаточный впереди, причинила поверхностное повреждение кожи в подключичной ямке и вышла в области внутреннего края левой лопаточной кости. Направление этого ранения слева направо и весьма незначительно снизу вверх. Если поместить наган близко дулом ко входному отверстию ранения ключицы соответственно описанному направлению, то оказывается, что собственноручный выстрел доступен для правой и левой руки потерпевшего в отдельности и для свободного действия обеих его рук.

Наконец, четвертое и безусловно смертельное ранение, нанесенное в левый угол рта, с выходом в области правой теменной кости. К сожалению, в акте судебно-медицинского вскрытия не указана более точная топография ранения в пределах теменной кости, отступление же к той или другой границе ее даже на 1 см сильно изменяет направление выстрела. Если принять, что выходное отверстие было в центре теменной кости, то направление данного пулевого канала будет снизу вверх и слева направо. Если принять во внимание, что перелом ключицы совершенно иммобилизовал левую руку гр. Н. и последняя, вследствие перелома и сильной боли, участвовать в выстреле не могла, нельзя исклю-

чить нанесение этой смертельной раны одной правой рукой.

Таким образом, вполне допустимо, что все огнестрельные ранения причинены гр. Н. собственноручно, т. е. что здесь налицо самоубийство.

Наметивши как способ самоубийства удушье, гр. Н. улегся на снятой с себя и разернутой шинели на откосе траншеи, расстегнул мешавшую ему гимнастерку, положил бичевку, дважды обернувши ее вокруг шеи и завязавши простым узлом, заглotal носовой платок, чтобы этим способом уменьшить доступ воздуха в дыхательные пути, и сильно потянул вправо и влево руками за свободные концы бичевки. При более сильном натяжении бичевки правой рукой один конец бичевки оборвался, полного удушья и потери сознания не наступило. Имелось только затруднение в процессе дыхания, как отмечено судебно-медицинской экспертизой, и сильная боль вследствие перелома щитовидного хряща, что и побудило гр. Н. взяться за револьвер.

Можно думать, что гр. Н. раздвинул под ранее расстегнутой на груди гимнастеркой майку и рубашку, чтобы нащупать сердце, приложил к груди наган и произвел первый выстрел, причинивший ранение, ближе других расположенное к сердцу, можно думать, что благодаря придушенному состоянию, боли в гортани и существенному волнению человека, кончающего счеты с жизнью, намеченный выстрел в сердце не достиг своей цели и не причинил серьезного вреда. Тогда последовал второй выстрел, причинивший ранение справа от груди на том же уровне, на 4 см правее от первого ранения, вызвавшее кровоизлияние в грудную полость, нараставшее постепенно, затруднившее движения правой руки, но не выведшее ее из строя.

После этого, нужно думать, был произведен третий выстрел, перебивший левую ключицу. Допускаем, что ему предшествовал еще один выстрел из пяти — полный промах. Неудачность последних двух выстрелов нужно отнести к совокупности таких причин, как затруднения в процессе дыхания, боль вследствие перелома щитовидного хряща гортани и два первых ранения в грудь, ослабившие силы гр. Н. и затруднившие движения правой руки.

Наконец, собравши последние силы, гр. Н. произвел выстрел в рот при помощи одной правой руки, положивши дуло револьвера в левый угол полураскрытого рта, обусловивший немедленную смерть Н. благодаря отделению полушарий мозга от его столба, хотя и другие повреждения черепа, причиненные этим выстрелом, смертельны.

Допуская описанную последовательность выстрелов как наиболее вероятную в данных условиях, не нужно забывать, что производство выстрелов облегчалось горизонтально-наклонным положением гр. Н. на откосе траншеи. Если бы он стрелял в себя стоя, то одним из первых выстрелов был бышиблен с ног и в силу падения едва ли бы сохранил способность к производству последующих выстрелов.

Предположению о том, что гр. Н. мог быть убит в другом месте и перенесен в траншею после смерти, противоречит обилие крови на месте обнаружения трупа, простреленная шинель, соответственно сквозным ранениям, и пуля к револьверу «Наган», засевшая в толще

воротника шинели, отсутствие следов, указывающих на переноску трупа, а также сама местность, находившаяся под охраной военного караула.

Твердо остановившись на версии о самоубийстве, Институт не дал категорического заключения только потому, что и там, где по всем данным усматривается самоубийство, все же нельзя вполне исключить возможность нанесения ранения посторонней рукой; однако в данном случае мы не видим конкретных указаний на такую возможность — и категоричность заключения относим к особой осторожности, проявленной институтом в данном случае.

Во всяком случае, версия о самоубийстве представляется нам более вероятной и обоснованной, чем версия об убийстве.

Военная прокуратура согласилась с заключением Института научно-судебной экспертизы, и дело было прекращено.

Н. Макаренко

О борьбе с хулиганством

Постановлением от 29 марта 1935 г. правительство признало необходимым усилить борьбу с хулиганством и в целях наиболее эффективной борьбы с этим злом преподало ряд конкретных указаний и методов борьбы с хулиганством, увеличив санкцию за злостное хулиганство с 2 до 5 лет тюремного заключения.

Надо, к сожалению, признать, что некоторые прокуроры до сего времени не осознали всего политического значения борьбы с хулиганством, проявляя в этом деле политическую близорукость.

Известно, что враги народа всячески пытались использовать хулиганство для осуществления своих гнусных целей. Были случаи, когда под маской хулиганства имели место контрреволюционные выступления, избияния рабочих, срыв политических собраний и т. п. Такого рода «хулиганы» ускользали от достойной их действия кары, оставаясь почти безнаказанными.

Указанное обстоятельство заставляет особенно бдительно относиться к расследованию дел о хулиганстве, детально изучая политическое лицо хулигана.

При просмотре в текущем году в разных нарсудах г. Москвы дел о хулиганстве, было вскрыто много грубейших ошибок в судебной практике по делам о хулиганстве.

До сего времени органы прокуратуры и суда не усвоили политическую и юридическую сущность хулиганских дел, штампуя применение ст. 74 ч. 2 УК по делам, где нет даже признаков злостного хулиганства, обвинение по которым должно быть квалифицировано либо по ст. 74 ч. 1, либо по другим статьям УК — ст.ст. 146, 143 и др.

При таком огульном обвинении, в категорию хулиганов попадали люди, которые, по существу, не являются ими, действия которых носили случайный характер и не давали оснований клеймить их позорным клеймом хулигана. Подобное искажение существа и неосновательность привлечения создавали благоприятную почву для недовольства.

Вот несколько примеров для иллюстрации: Обвиняемый В. в момент проверки санитарного состояния в квартире старшим по коридору и соседкой А. поссорился с А. из-за ночного горшка, стоявшего в коридоре, нанес А. побои и толкнул ее в корыто с водой.

Нарсуд признал В. виновным по 2 ч. 74 ст. УК и приговорил его к 2 г. лишения свободы.

Кассационная коллегия МГС переквалифицировала действия на 2 ч. 143 ст. УК, в соответствии с чем определила ему наказание в виде 6 мес. исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 15%.

Нарсудья, однако, остался недовольным этим определенным горсудом, не признав своей ошибки по этому делу и опротестовал это определение председателю горсуда, который согласился с определенным кассационной коллегии.

38 отделением милиции было возбуждено и направлено в нарсуд 4 уч. Таганского района дело по обвинению Д. по 2 ч. 74 ст. и 1 ч. 73 ст. УК. Сущность этого дела заключалась в следующем: в день Нового года два брата Д., Петр и Константин, поссорились, из-за гармошки, будучи оба в нетрезвом состоянии.

В ссору братьев вмешался дворник, извавший отбирать у Петра гармонь, но Петр не отдавал и замаяхнулся на дворника. Дворник пригласил милиционера, и когда последний с бригадмилцем пришли, в комнате было тихо, и Петр мирно ложился спать. Вместо того чтобы оставить в покое Д. и дать возможность братьям, проспавшимся, самим разобраться в этом «деле», милиционер и бригадмилец, именовавший себя «агентом тайной милиции», начали забирать Д. Петра в отделение милиции, с применением физической силы, так как Д. сопротивлялся.

Все это было установлено в судебном заседании, и нарсуд 4 Таганского района 14 марта с. г. правильно вынес оправдательный приговор Д. и частным определением довел до сведения начальника 38 отделения милиции о действиях милиционера и бригадмилца.

Приведем два примера.

В., находясь 1 августа с. г. в зале судебного заседания в качестве ответчицы по иску к ней ее бывшего мужа К. о взыскании алиментов на ребенка, вела себя шумно, не подчинялась распоряжениям судьи, говорила без его разрешения. После вынесения решения по делу В. по адресу суда заявила: «Я вас притяну».

Будучи привлечена к ответственности на основании частного определения нарсуда, обвиняемая В. в своих показаниях объяснила, что она была очень взволнована ложным заявлением ее бывшего мужа, пьяницы К., и сказанным ею словом «притяну» — не хотела оскорбить суд, а неправильно выразила свою мысль о том, что она считает решение суда неправильным и его обжалует.

Нарсуд 9 участка Ваузманского района 13 января с. г. признал виновной В. по 2 ч. 74 ст. УК и осудил ее на 1 г. лишения свободы условно.

Нарсудом В. неосновательно приклеено клеймо хулигана.

Или другой пример.

Нарсуд 8 участка Дзержинского района осудил Л. по 1 ч. 74 ст. УК к 3 месяцам исправительно-трудовых работ, за то, что она у себя в комнате

пьет вино и денатурат, ругается, приводит сторонних мужчин и устраивает скандалы. Действия Л., выражающиеся в том, что она выпивает и приводит мужчин, никак не могут быть квалифицированы как хулиганство. Что касается скандалов и драк, происходящих у Л., то свидетелями по делу установлен лишь единственный конкретный случай, происшедший в комнате Л., когда последняя справляла свои именины, причем драку устроили между собой гости Л. (муж с женой), а последние их разминула.

Л. ранее не подвергалась никаким административным взысканиям. За хулиганство Л. была осуждена неосновательно.

Наряду с неосновательным осуждением за хулиганство суды проводят недопустимо мягкую карательную политику по отношению к злостным хулиганам.

Проиллюстрируем это несколькими примерами.

1. Дело нарсуда 5 участка Таганского района по обвинению Ш. по 2 ч. 74 ст. УК.

Обвиняемый Ш. систематически пьянствует. 28 октября п. г., возвращаясь пьяным с женой со свадьбы в 2 часа ночи, избил ее на улице, нанося ей побои кулаком по голове и ногам по животу, отчего последняя потеряла сознание. Пришедший на помощь П. сторож З. при попытке защитить женщину был также избит обвиняемым Ш., который нанес ему 2 удара по лицу. Потерпевшая П. из-за угроз мужа не могла пойти на врачебное освидетельствование.

7 декабря п. г. обвиняемый Ш., придя пьяным домой, вновь избил П., толкнув ее так, что она ударилась о кровать и потеряла сознание, побои удостоверены врачом. Обвиняемый Ш. виновным себя признал.

Ш. как злостный хулиган безусловно должен был быть изолирован от общества. Однако нарсуд 2 марта с. г. подверг его исправтрудроботам на 1 год по указанию НКВД.

2. Дело нарсуда 6 участка Октябрьского района по обвинению И. по 2 ч. 74 ст. УК.

Обвиняемый И., в прошлом имевший приговор за хулиганство, будучи в нетрезвом виде, пришел в магазин и хотел получить вне очереди папиросы. На протест покупателей обвиняемый И. стал ругаться и ударил кулаком по витрине, которую разбил. Будучи приглашен заведующим магазином в контору для составления акта, И. ударил заведующего Г., а также пришедшего на шум продавца, разбив ему нос в кровь. При выводе И. из магазина, последний ударил головой в зубы директору Г. Факты нанесения побоев подтверждены судебно-медицинским освидетельствованием. Нарсуд 10 февраля с. г. приговорил И. к исправтрудроботам по указанию НКВД сроком на 1 год.

3. Дело нарсуда 2 участка Краснопресненского района по обвинению С. по 2 ч. 74 ст. УК.

С. в пьяном виде в клубе «Красный Октябрь» ругался и плевался, его вывели. Однако он вернулся в клуб, набросился на М., схватил его за рубашку и хотел потащить из клуба. С. задержали, отвели в правление клуба, но поскольку он продолжал скандалить, отвели в отделение милиции. Возвратившись из отделения милиции, С. в общежитии набросился ночью на спящего М., стащил его с кровати и избил, повредив ему руку (13 дней работал на легкой работе).

С. вторично был направлен в отделение милиции. В прошлом он замечался в хулиганстве в общежитии.

Нарсуд прекратил дело С. по примечанию к ст. 6 УК и копию определения направил в товарищеский суд с предупреждением, что «при повторных случаях он будет привлечен к ответственности и судим по всем строгостям закона».

4. Дело нарсуда 7 участка Бауманского района по обвинению Г. по 1 ч. 143 ст. УК.

14 декабря вечером к проживающим в общежитии автобазы Мосавтогруза К. и П. пришли в нетрезвом виде обвиняемые Г. и П. и устроили попойку. Пьяный П. ненадлежащим образом пользовался уборной. На замечание сторожа общежития Л. о нарушении санитарных правил, один из группы К. сказал: «Ему, старому чорту, надо поддать». Вслед за этим обвиняемый Г. ударил Л.—старика 64 лет, кулаком по виску и у него пошла кровь. Потерпевший Л. был помещен в больницу, как видно из медицинской справки, с ушибом лобной области и мозга, лежал 22 дня и переведен на пенсию.

Побои старику Л. нанесены Г., подстрекаемым другими хулиганам, из чисто хулиганских побуждений и повлекли за собой тяжелые последствия, а потому действия Г. неправомерно квалифицированы по 1 ч. 143 ст. УК, так как налицо 2 ч. 74 ст. УК: Г. ранее судился и приводился за кражу, был оштрафован в административном порядке за хулиганство. Мера наказания по мягкости не соответствует социальной опасности личности и действий осужденного.

Такая судебная практика приводила к тому, что злостные хулиганы выпадали из сферы борьбы с ними, не чувствуя репрессии.

Слабость карательной политики по делам о хулиганстве подтверждается еще и тем, что судами почти не применяется максимальная санкция по ст. 74 ч. 2 УК—5 лет лишения свободы, даже в отношении злостного хулиганства. Как правило, 80% привлеченных по этой статье УК приговорены к 1½—2 годам лишения свободы, независимо от характера хулиганства.

Вот примеры, когда по делам должна быть применена полная санкция, но суды, недооценив циничности и злостности совершенного преступления, снизили меру наказания.

Дело нарсуда 4 участка Пролетарского района по обвинению К. по 2 ч. 74 ст. УК.

Обвиняемый К., проходя по улице Володарского в пьяном виде, хулиганил и приставал к проходившим рабочим, выражаясь нецензурными словами. Проходившему подростку К. 14 лет без всякого повода, из хулиганских побуждений, нанес ножевое ранение в область левой лопатки.

Нарсуд 9 февраля с. г. осудил К. к 2 годам лишения свободы.

Дело нарсуда 4 участка Бауманского района по обвинению М. и О. по 2 ч. 74 ст. УК.

2 августа п. г. группа пьяных молодых людей шла и хулиганила по улице: ругаясь, приставали к прохожим, ударили проходившего А. Идущий мимо участковый инспектор милиции (в штатской форме) Н. заподозрил, что обвиняемые М. и О. раздевают гр. Ш., и вмешался. Тогда один из обвиняемых схватил Н. за руки, а остальные стали наносить ему побои по лицу, голове и спине (подтверждено судебно-медицинской справкой).

При помощи посторонних Н. был отбит у хулиганов. Один из них М. был задержан, по дороге в милицию нанес удар А.

Обвиняемый М. 1914 г. рождения, техник, 3 раза штрафовался за хулиганство.

Обвиняемый О. 1919 г. рождения, шлифовальщик, имеет ранее судимость по 74 ст. УК и административный штраф.

За это групповое хулиганство нарсуд также осудил обвиняемых к 2 годам лишения свободы каждого.

Дело нарсуда 4 участка Сталинского района по обвинению Ж. по 2 ч. ст. 74 УК.

Суд установил, что Ж. учинил злостные хулиганские действия, 6 ноября п. г. в общежитии Ж. пригласил к себе в комнату знакомых девушек. Будучи в нетрезвом виде, стал приставать к одной из приглашенных, вывернул ей руки, порвал платье, повалил на кровать. На крик о помощи прибежал проснувшийся сосед и стал Ж. оттаскивать. Ж. укусил соседа за ногу, а потом за палец левой руки. На шум вошла другая соседка. Ж. схватил кувшин и хотел ударить ее, но графин у него упал на пол.

Нарсуд 17 марта с. г. осудил этого разбушевавшегося хулигана на 2 года лишения свободы.

Злостное хулиганство, если оно действительно установлено по делу, должно влечь за собой применение самой суровой репрессии в пределах санкции ст. 74 ч. 2 УК.

Если же хулиганские действия не носят злостного характера, нужно квалифицировать преступление по ст. 74 ч. 1 УК и другим статьям УК.

Между тем органы расследования и суд почти совершенно не применяют ст. 74 ч. 1 УК, как будто бы она исключена из Уголовного кодекса.

Нужно отметить, что дела о хулиганстве обычно плохо расследуются: не выявляются инициаторы, не собираются характеристики об их личности, не вскрываются побудительные мотивы. Все эти обстоятельства трудно выяснить в судебном следствии, в результате чего у суда создается известная неясность при вынесении приговора.

Сроки расследования дел о хулиганстве продолжают оставаться чрезмерно длительными. Преобладающее количество дел о хулиганстве закончено в сроки от 1 до 2 месяцев.

Надо ли говорить, что такая длительность расследования смазывает всю эффективность борьбы с хулиганством.

Рассмотрение этих дел в суде также крайне медленно, доходит до 2 месяцев и выше.

Райпрокуроры недостаточно интенсивно осуществляют борьбу с хулиганством, не следят за сроками расследования и качеством, почти не участвуют в подготовительных заседаниях суда по таким делам. За весь текущий год ни один прокурор не выступил с поддержанием государственного обвинения и ни один суд не организовал ни одного показательного выездного процесса.

Профсоюзы совершенно не интересуются борьбой с хулиганством. Не ведут политико-воспитательной работы, являющейся лучшим профилактическим средством против хулиганства.

По некоторым делам видно, что там, где существовали очаги хулиганства, при организации библиотеки, радио, красных уголков, хулиганские действия совершенно прекратились.

Борьба с хулиганством должна быть коренным образом перестроена, чтобы в короткие сроки покончить с этим наследием капиталистического строя.

Состояние общего надзора в районах Азербайджанской ССР

К оценке работы по общему надзору в районах Азербайджанской ССР приходится подходить с совершенно особыми мерками. Если основываться на каких-либо документальных данных, то надо прямо сказать, что общего прокурорского надзора в районах Аз. ССР почти не существует. По статистическим сведениям за 1937 г. во всех 85 районах Аз. ССР (включая районы г. Баку) было принесено всего 133 протеста. При этом в 55 районах не было принесено ни одного протеста. Не лучше обстоит дело и в 1938 г.: по тем же статистическим данным за I кв. 1938 г. в районах Аз. ССР было принесено только 16 протестов.

Эти сведения вполне соответствуют действительности. Проверка показала, что письменных протестов на незаконные постановления местных органов власти или приказы учреждений и предприятий районные прокуроры Аз. ССР почти совсем не приносят. Между тем не надо допускать, что нарушения законов в районах Аз. ССР допускается отнюдь не меньше, чем в других союзных республиках. Стоит только сказать, что почти во всех районах Аз. ССР грубо нарушается ст. 2 Устава с.-х. артели. В некоторых районах около половины колхозников до сего времени не имеют усадебной земли. Однако, ни один районный прокурор даже не сигнализировал об этом прокуратуре республики, не говоря уж о принятии каких-либо самостоятельных мер на месте. В Шаумянском районном центре у колхозников отбиралась усадебная участки с садами для того, чтобы образовать из них бульвар для гулянья. Районный прокурор не только не опротестовал это беззаконие и не привлек виновных к ответственности, а сам принимал непосредственное участие в принудительном изъятии усадебных участков (позднее тот же прокурор возбудил против бывших руководителей работников района уголовное преследование по обвинению во вредительстве, причем одним из пунктов обвинения являлось обвинение в незаконном изъятии указанных выше усадебных участков).

В Ленкоранском районе практиковалось привлечение городского населения к дорожной повинности, в то время как закон о трудовой повинности населения в дорожном строительстве распространяется только на сельских жителей. В Астаринском районе колхозники и единоличники привлекались к дорожной повинности в разгар полевых работ, причем в некоторых случаях их обязывали работать с превышением установленных законом сроков.

Нельзя, разумеется, утверждать, что все районные прокуроры не ведут работу по общему надзору. Каждому районному прокурору ежедневно приходится принимать граждан с самыми разнообразными жалобами, в том числе и по вопросам общего надзора. Плохо ли, хорошо ли, но районные прокуроры на эти жалобы реагируют. По жалобам принимаются в некоторых случаях меры к устранению тех нарушений закона, на которые указывают жалобщики. Однако эти результаты достигаются лишь в простейших случаях и не иначе, как «по договоренности» с соответствующими учреждениями. Прокурор-

И. Гураль.

ских же протестов в том смысле, как мы это понимаем, ва рассматриваем жалоб не следует.

Такое глубокое отставание работы по общему надзору в районах Аз. ССР объясняется в основном следующими причинами: районные прокуроры Аз. ССР, в массе своей имеют очень низкую деловую квалификацию. Во многих случаях их производственный прокурорский стаж не превышает 1—1½ лет, при полном отсутствии специальной юридической подготовки. Общеобразовательный уровень большинства райпрокуроров также очень низок.

Из бесед с районными прокурорами создается впечатление, что люди просто не представляют себе, в чем заключаются их функции по общему надзору, или не знают, с чего начать эту работу и как ее организовать. Однако это не все: для того, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворительно вести работу по общему надзору и чувствовать себя уверенно в этой области, надо знать действующее законодательство и ориентироваться в законодательных материалах. Без этого прокурор не может иметь твердой почвы под ногами в отстаивании революционной законности. На практике же райпрокуроры Аз. ССР из всего действующего законодательства более или менее разбираются только в кодексах, да еще в нескольких важнейших законодательных актах. Остальное законодательство для массы райпрокуроров — это книга за семью печатями.

Из проверки работы райпрокуроров и бесед с ними можно прийти к заключению, что никто им не объяснял, что законы надо изучать для того, чтобы потом опираться на них в работе, а законодательные материалы — подбирать и беречь. Интересно отметить такой факт: при проверке работы Ленкоранской прокуратуры понадобилось написать несколько протестов, а в протестах сослаться на некоторые законодательные акты 1935—1936 гг. Однако сделать этого не удалось, так как в районной прокуратуре не оказалось «Собрания законов» ни за один год. Несколько номеров за 1938 г. нашлось на столе у райпрокурора, причем эти номера оказались не разрезанными. Догадались наконец поискать законодательные материалы на чердаке, в так называемом «архиве». Догадка оказалась правильной: в чердачной пыли и мусоре действительно нашлись номера «Собрания законов» за несколько лет. Правда, они оказались разрозненными, половины номеров нехватали, остальные сильно пострадала от мышей. Однако после долгих трудов все же удалось подобрать за некоторые годы довольно исчерпывающий законодательный материал.

Оказывается, прокурор и его секретарь считали, что прочитанные номера «Собрания законов» должны сдаваться в архив наряду с законченными делами. Таким образом, районный прокурор, очевидно, даже и не испытывал нужды в обращении к закону. А это и есть самый печальный показатель состояния работы по общему надзору.

Из всего этого следует, что с районными прокурорами Аз. ССР нужна систематическая и настойчивая работа по повышению их квалификации в самом широком смысле этого слова. Необходимо учесть, что при настоящем положении вещей те указания по работе районных прокуроров, которые даются Прокуратурой СССР, и в том числе методические разработки, в условиях районов Аз. ССР теряют значительную часть

своей эффективности. Многие райпрокуроры их попросту мало понимают. Это происходит не по причине незнания ими русского языка, на котором пишутся приказы и методические разработки. Разумеется, что Прокуратура Аз. ССР, хотя и с большим запозданием, но переводит получаемые из Прокуратуры СССР документы на азербайджанский язык. Но переводы воспроизводят подлинники, а эти подлинники зачастую пишутся без учета квалификации тех, для кого они предназначались. Когда читаешь наши приказы и методические разработки в районе, вместе с работниками районной прокуратуры, видишь, как много теряют они в своей ценности по этой именно причине.

То же относится и к нашей юридической литературе: журнал «Социалистическая законность», дающий очень интересные, разнообразные материалы для практических работников юстиции, может быть использован в районах Аз. ССР в чрезвычайно малой степени. Он доступен для чтения очень узкому кругу райпрокуроров, хорошо знающих русский язык и имеющих некоторую юридическую квалификацию. То же относится и к выпускаемой издательством «Юридическое издательство» юридической литературе. На месте же, в Азербайджане, по этой части ничего не делается. В частности, не организован перевод юридической литературы, выпускаемой в Москве, с русского на турецкий язык. Благодаря этому районные прокуроры не имеют возможности систематически повышать свою квалификацию.

Вторая причина слабости работы по общему надзору в районах Аз. ССР, по нашему глубокому убеждению, заключается в том, что районный прокурор не занимает там того положения, которое отводится органам прокуратуры Конституцией СССР. Прокуроры во многих районах Аз. ССР поставлены в положение работников «второго сорта».

Конечно, это не имеет какого-либо организационного оформления, но вполне ясно ощущается как самими райпрокурорами, так и посторонними наблюдателями. Благодаря этому райпрокуроры не всегда имеют смелость поднимать большие вопросы, даже если они их и находят.

Надо сказать, что в создании такого отношения к районным прокурорам немалую роль сыграла имевшаяся сильная засоренность их состава людьми, не достойными носить высокое звание прокурора.

В настоящее время в Азербайджанской ССР производятся значительные изменения в составе районных прокуроров. На эти должности подбираются люди с безусловно чистым партийным и советским прошлым. Прокурор республики т. Али-Гусейнов, являющийся депутатом Верховного Совета СССР и членом бюро ЦК КП(б) Аз. ССР, имеет все возможности для того, чтобы обеспечить и новым, и оставшимся старым прокурорам то независимое от местных органов положение, которое отводится им по Конституции СССР.

Однако для того, чтобы райпрокуроры смогли с достоинством занимать это положение и получили бы необходимый авторитет в глазах населения и районных работников, необходимо дать им тот минимум политических, общеобразовательных и юридических знаний, без которого невозможна плодотворная прокурорская работа.

Особенно это относится к работе по общему надзору.

Партия и правительство обеспечили полную устойчивость кадров районных прокуроров, облегчая их прокурорскими полномочиями сроком на 5 лет. Руководящие органы прокуратуры республик обязаны поставить работу по повышению квалификации своих низовых кадров таким образом, чтобы дать стране в кратчайший срок крепкую армию политически стойких, юридически грамотных, культурных районных прокуроров, достойных своего социалистического отечества.

Для прокуратуры Азербайджанской ССР эта задача имеет особо актуальное значение.

С. Б.

Работа Калининской областной прокуратуры по общему надзору

При проверке работы по общему надзору Калининской областной прокуратуры выяснилось, что в подавляющем большинстве районов (а их было обследовано 13) общим надзором райпрокуроры не занимаются, совершенно игнорируя указания, данные Прокурором Союза в его приказах от 16 августа 1937 г. и 17 марта 1938 г.

Характерно отметить, что в момент обследования (середина июня) работникам отдела общего надзора (как, впрочем, и всем работникам других отделов Калининской областной прокуратуры) ничего не было известно о результатах всесоюзного совещания прокуроров, а приказ Прокурора Союза от 1 июня о перестройке работы лежал в течение двадцати дней в несоразмерном шкафу у начальника особого сектора и никому из прокурорских работников не был показан.

В Калининской области и в самом городе Калининце имеется большое количество промышленных предприятий. Калининская область не только область сельскохозяйственная, но и промышленная. В ней, помимо других промышленных предприятий, два больших хлопчатобумажных комбината — Калининский и Вышневолоцкий, на фабриках которых работают десятки тысяч рабочих.

Поэтому, проверяя работу отдела общего надзора Калининской областной прокуратуры, бригада Прокуратуры СССР прежде всего остановилась на выявлении вопроса о том, как и чем Калининская облпрокуратура помогает промышленности.

Автор этой статьи сильно рассчитывал на то, что он на основании практики работы Калининской областной прокуратуры по надзору за промышленностью получит такие материалы, которые дадут возможность поделить ее опытом в этой отрасли надзора с другими прокуратурами.

На деле оказалось совсем другое. Никаких материалов, свидетельствующих о проделанной работе в области надзора за промышленностью, за исключением одного возбужденного дела о нарушении на фабрике правил техники безопасности, в отделе общего надзора Калининской областной прокуратуры не оказалось, приказы и инструкции промышленных предприятий совсем последним не получались и не проверялись. Не

лучше положение с надзором за промышленностью оказалось и в прокуратурах двух наиболее крупных промышленных районов г. Калинин — Пролетарском и Ново-промышленном. Хотя на некоторых крупных фабриках, находившихся в этих районах, и были организованы группы содействия прокуратуре, но вся деятельность этих групп содействия ограничивалась направлением в райпрокуратуры нескольких единичных сигналов о мелких бытовых неполадках на этих фабриках, расследование которых не дало никаких определенных результатов. Другой какой-либо работы по надзору за промышленностью (как, впрочем, и по другим отраслям общего надзора) в этих райпрокуратурах не велось.

Насколько такое бездействие Калининской областной прокуратуры в области надзора за промышленностью являлось преступным, свидетельствует следующий факт.

Бригадой Прокуратуры СССР в первый же день ее приезда в г. Калинин от местных организаций были получены сведения о том, что не совсем благополучно обстоит дело на некоторых хлопчатобумажных фабриках, со штрафами, накладываемыми администрацией на рабочих. В частности указывали на фабрику «Пролетарский авангард», расположенную в г. Вышнем Волочке.

Знаясь немедленно проверкой этого факта, бригада Прокуратуры СССР установила, что еще 29 ноября 1934 г. между фабкомом и управлением фабрики «Пролетарский авангард» было заключено соглашение «об ответственности работников за выработку ими брака или неполноценной продукции и полуфабрикатов».

Соглашением этим были предусмотрены не только правила оплаты брака и материальная ответственность за порчу материалов, но и целая система незаконных штрафов в виде удержаний из зарплат за допущенные рабочими ошибки в работе.

Например, в сортировочном отделе рабочие по этому соглашению штрафовались «за смешение нли в ставке по цвету и маркам», «за загрязнение и замасливание хлопка». В чесальном отделе холстовщики штрафовались «за смешение сортов холста», мазовщицы «за сдутанную ленту», «за загрязненную и масляную ленту», «за смешивание сортов холста и ленты». Приемщики пряжи, при обнаружении неправильной записи или веса, за каждую ошибку подвергались материальной ответственности в виде удержаний за одну ошибку 1% от заработка, за две ошибки — 2% и т. д. и т. п.

Применяя это соглашение, администрация фабрики «Пролетарский авангард» в 1937 г. оштрафовала по одному ткацкому отделу 1041 рабочую, а в первом квартале 1938 г. — 263 рабочих. Общая сумма удержаний с рабочих по одному ткацкому отделу фабрики за 1937 г. и первый квартал 1938 г. составляла 43 900 руб.

И все это делалось под боком областной прокуратуры и вышневолоцкого районного прокурора, которым ничего не было известно о таком незаконном соглашении, на основе которого штрафовались сотни рабочих. Потребовался приезд бригады Прокуратуры Союза, чтобы заставить Калининскую областную прокуратуру взяться за борьбу с незаконными штрафами, накладываемыми администрацией фабрик на рабочих.

Приказом Прокурора Союза от 16 августа 1937 г. отделам общего надзора краевых и областных прокуратур было предложено организовать получение важнейших постановлений краевых и областных исполкомов, а также приказов и распоряжений тех их отделов и хозяйственных организаций, которые по характеру своей деятельности имеют наибольшее соприкосновение с широкими массами населения (земельные, финансовые, торговые, коммунальные отделы, заготовительные организации).

Это требование Прокурора Союза Калининской облпрокуратурой было выполнено довольно своеобразно. Помимо постановлений президиумов облисполкома и горсовета, отдел общего надзора Калининской облпрокуратуры получал и проверял только приказы и инструкции, издаваемые Калининским облздравотделом, отделом местной промышленности и пищевой промышленности. Приказы же и инструкции таких важнейших отделов облисполкома, как облфинотдел, облзуд, совершенно выпали из сферы наблюдения Калининской областной прокуратуры, хотя именно в приказах и инструкциях, издаваемых этими отделами, и возможны серьезнейшие нарушения действующего законодательства, нарушения, затрагивающие интересы значительных групп населения.

Самый просмотр получаемых постановлений производился отделом общего надзора Калининской облпрокуратуры недостаточно внимательно и формально.

С одной стороны, бригадой Прокуратуры СССР при проверке обнаружен был ряд постановлений президиума облисполкома, которые были вскоре после издания отменены самим облисполкомом как нарушающие союзное законодательство. Отмена эта произошла без вмешательства со стороны Калининской облпрокуратуры, которая своевременно этих незаконных постановлений не опротестовала.

С другой стороны, бригада Прокуратуры СССР обнаружила ряд действующих обязательных постановлений Калининских облисполкома и горсовета, в которых содержались грубейшие нарушения действующего законодательства о порядке издания обязательных постановлений. Эти обязательные постановления опять-таки до приезда бригады Прокуратуры СССР опротестованы Калининской облпрокуратурой не были.

Например, Калининским облисполкомом было издано обязательное постановление, которым под угрозой штрафа должностные лица (члены сельсоветов, члены правлений колхозов, бригады, заведующие школами, учителя и др.) обязывались принимать меры к недопущению граждан к месту нахождения артиллерийского склада.

Обязательным постановлением Калининского облисполкома «о противопожарных мероприятиях в Калининской области» также под угрозой штрафа было запрещено «ставить самовары и разжигать примусы на лестницах, в коридорах, сенях, дворах и вблизи деревянных строений, оставлять детей без надзора, складывать в городах, рабочих поселках и дачных местах, во дворах с площадью менее 150 кв. метров, а также и световых дворниках, независимо от их размеров, дрова, уголь, строительные материалы и другие предметы».

Обязательным постановлением Калининского облисполкома «об охране лесов от пожаров» рикам было предоставлено право в случае массо-

вых пожаров бесплатно использовать транспортные средства, в том числе подвижной состав железных дорог, вплоть до поездов специального назначения, а также пароходы, бесплатно подавать телеграммы и пр. За невыполнение указанных требований райисполкомов устанавливался штраф до 100 руб.

В ряде обязательных постановлений Калининского облисполкома устанавливался штраф не только за невыполнение правил, изложенных в этих постановлениях, но и в тех инструкциях, которые должны быть изданы отделами облисполкома в развитие постановлений последнего. Так, в указанном выше обязательном постановлении «о противопожарных мероприятиях в Калининской области» штраф устанавливался не только за несоблюдение этого обязательного постановления, но также и инструкций, издаваемых органами госпожнадзора.

Калининским горсоветом изданы были незаконные постановления, которыми население некоторых районов г. Калинин обязывалось под угрозой штрафа сделать противобрюшные и противодифтерийные прививки.

Не лучше обстояло дело и с обязательными постановлениями райисполкомов.

Бригаде Прокуратуры СССР пришлось ознакомиться примерно с 20 действующими обязательными постановлениями райисполкомов.

Несмотря на то, что эти обязательные постановления проверялись как райпрокурорами, так и отделом общего надзора Калининской областной прокуратуры, шесть из них оказались незаконными.

Например, Спировский и Оленийский рики издали обязательные постановления, которыми требовали от всех граждан, имеющих на своем иждивении детей в возрасте от 8 до 11 лет, под угрозой штрафа, посылать детей в школы во все учебные дни, не допуская пропуска без уважительных причин, а также обеспечивать детей обувью, одеждой, учебниками, тетрадями и т. п.

Завидовский райисполком издал обязательное постановление, которым администрация лесхоза и других организаций, под угрозой штрафа, выработать оперативные планы по борьбе с лесными пожарами. Завидовский райисполком издал обязательное постановление, которым установил в деревне Клещево карантин, запретив выезд из селения на лошадях куда-либо, кроме территории колхоза, вывоз из деревни фуража, остановку и кормление в деревне Клещево лошадей из других деревень и т. п. За невыполнение этого обязательного постановления был установлен штраф до 200 руб.

Из беседы представителя Прокуратуры СССР с заводским райпрокурором выяснилось, что о существовании постановления СНК СССР, запрещающего без санкции последнего устанавливать и снимать карантин с селений, ему ничего не было известно.

Оленийский рик, «в целях охраны прав граждан, установленных Конституцией СССР», издал обязательное постановление, которым запретил срывать на улицах шапки с лиц, не состоящих с нарушителем этого правила в дружеских отношениях, писать в уборных «чужие имена» и т. п.

Руководство работой райпрокуроров по общему надзору осуществлялось Калининской облпрокуратурой совершенно недостаточно и ограничива-

лось, главным образом, проверкой работы райпрокуроров по избирательной кампании: по этому последнему вопросу было создано специальное камерное совещание с участием восьми райпрокуроров и работники отдела общего надзора выезжали в 9 районов.

Мобилизовав свои силы на проведение избирательной кампании, отдел общего надзора Калининской областной прокуратуры в то же время совершенно не занялся реализацией важнейшей задачи общего надзора на текущий период времени — проверкой выполнения в Калининской области исторических постановлений СНК и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 г.

Ограничившись проработкой этих постановлений на камерном совещании с участием пяти райпрокуроров, Калининская облпрокуратура не мобилизовала райпрокуроров на реализацию этих постановлений, не проверяла работу последних в этой области. В результате, несмотря на то, что во время обследования Калининской облпрокуратуры бригадой Прокуратуры СССР уже истекло два месяца с момента издания указанных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б), результатов выполнения приказа Прокуратуры СССР от 22 апреля 1938 г. за № 410 ни в самом отделе общего надзора Калининской облпрокуратуры, ни в обследованных райпрокуратурах обнаружено не было.

Характерно отметить, что на вопрос члена бригады, обследовавшего работу Завидовской райпрокуратуры, обращенный к следователю последней, о том, как у них реализуются постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 апреля 1938 г., следователь ответил, что об этих постановлениях он ничего не знает. Выяснилось, что райпрокурор не только ничего не сделал по реализации постановлений от 19 апреля, но даже за два месяца не успел их проработать, хотя бы со своим помощником и следователем.

Состав райпрокуроров и следователей Калининской области в конце 1937 г. и начале 1938 г. был обновлен. Назначены лица, раньше в прокурорских органах не работавшие, недостаточно знакомые с законодательством, не имеющие опыта работы по общему надзору. Это обязывало отдел общего надзора усилить инструктаж райпрокуроров, возможно чаще ездить в районы, знакомясь с работой райпрокуроров по общему надзору в целом, на месте исправлять допущенные ими ошибки, давать им необходимые инструктивные указания в соответствии с приказом Прокурора СССР от 16 августа 1937 г. о работе по общему надзору.

А что оказалось на деле? За пять с половиной месяцев 1938 г. отдел общего надзора проверил в целом путем обследования на месте работу по общему надзору только пяти районных прокуроров. Хотя во время этих проверок и выяснилась неприглядная картина состояния работы по общему надзору в обследованных райпрокуратурах, наличие в этих районах большого количества незаконных постановлений, неопротестованных райпрокурорами, однако никаких общих руководящих указаний на основании результатов этой проверки Калининской облпрокуратурой сделано не было и материалы произведенных обследований не были использованы для улучшения, для усиления работы по общему надзору в остальных райпрокуратурах.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях даваемые Калининской облпрокуратурой инструктивные указания по общему надзору являлись явно неправильными, свидетельствующими о том, что работники Калининской облпрокуратуры сами не имели ясного понятия о методах общего надзора.

Прокурор Тургиновского района, выступив на кустовом совещании в Калининской облпрокуратуре 17 февраля 1938 г. с докладом о своей работе по общему надзору, указал, что он проделал большую работу — проверял два-три раза бытовые условия трактористов и ставил перед директором МТС вопрос об улучшении условий их быта, проверял, как хранятся в колхозных амбарах семена, установил в колхозах лиц, ответственных за хранение семян, устанавливал нормы выработки и расценки труда кузнецов в колхозах и т. п.

Вместо того чтобы указать Тургиновскому райпрокурору на неправильность проделанной им работы по общему надзору, на неправильность его методов, не имеющих ничего общего с прокурорскими методами, выступившие на камерном совещании как облпрокурор, так и его заместитель отметили, что Тургиновский райпрокурор провел образцовую работу по общему надзору, и ставили его в пример всем прочим райпрокурорам.

А в одной из директив, спущенных райпрокурорам, Калининская облпрокуратура допустила даже прямое нарушение действующего законодательства.

В прямое нарушение инструкции по мясопоставкам на 1938 г., утвержденной СНК СССР (С. З. 1938 г. № 1, ст. 4), которой установлено, что недатчики мяса привлекаются к уголовной ответственности только при отягчающих обстоятельствах (сговор, противодействие) — по 2 или 3 части ст. 61 Уголовного кодекса, в приказе прокурора Калининской области «о надзоре за мясопоставками» предложено лиц, влостно уклоняющихся от выполнения обязательств по мясопоставкам, привлекать по части 2 и 3 ст. 61 Уголовного кодекса, а при отягчающих обстоятельствах (сговор, противодействие) по ст. 58-14 Уголовного кодекса.

Все эти факты свидетельствуют о необходимости отделу общего надзора Калининской областной прокуратуры в кратчайший срок перестроить свою работу в соответствии с приказом Прокурора Союза, обсуждавшимся на всесоюзном совещании прокуроров республик, краев и областей.

В. Покровский

Удачный опыт

Когда идет речь о работе по общему надзору на местах, то всегда почти оперируют с материалами о работе на селе. Тут имеются и интересные факты о нарушениях закона, и примеры работы отдельных прокуроров, и более или менее разработанная методика.

Стоит взять отчет о работе по общему надзору любого краевого или областного прокурора, чтобы убедиться в этом. Читая эти отчеты, можно подумывать, что живешь в стране, где городов и

промышленности совсем нет, или что законы нарушают только на селе. Но ни то, ни другое, как известно, действительности не соответствует.

Верно, что нарушения закона на селе имеют большое распространение, и верно, что борьба с ними исключительно важна. Все мы теперь знаем, что разоблаченные враги народа из правотроцкистского блока применяли в своей вредительской деятельности массовые нарушения закона на селе для того, чтобы возбудить недовольство крестьянства и восстановить его против советской власти. Верно и то, что борьба с нарушениями закона на селе представляет ряд специфических трудностей, вытекающих из множественности и разбросанности объектов надзора и относительной культурной отсталости сельских работников. По этим причинам организация прокурорского надзора за соблюдением закона на селе требует пристального внимания органов прокуратуры.

Но все это совсем не снимает с органов прокуратуры обязанности осуществлять надзор и за соблюдением закона в городских местностях и в промышленности. Более того, учитывая ведущую роль города в нашей стране, органы прокуратуры должны так организовать свою работу, чтобы соблюдение социальности в городах сделать действительным примером для села. Между тем этого на самом деле нет. Нарушения советских законов в городских местностях и на предприятиях промышленности имеют широкое распространение, причем организация борьбы с ними органами прокуратуры ни для кого и ни для чего примером служить не может.

Когда встает вопрос о работе по общему надзору в промышленности, местные прокурорские работники проявляют обычно какую-то растерянность. Чувствуется, что нет ясности в том, как надо организовать этот надзор и на какие нарушения обратить прежде всего внимание.

Между тем, некоторые примеры удачной работы по общему надзору в промышленности у нас все же имеются. Познакомиться с такими примерами, в порядке обмена опытом, было бы полезно всем работникам общего надзора.

Прокурор г. Магнитогорска т. Сорокин проделал, например, значительную работу в области борьбы с нарушениями законодательства о труде на предприятиях Магнитогорского комбината.

При организации работы по общему надзору в промышленных предприятиях основное внимание должно быть обращено на борьбу с нарушениями законодательства о труде во всем его объеме. Область эта очень обширна. Сюда относятся и вопросы охраны труда, и производственной дисциплины, и порядка найма, увольнения и перемещения работников, и выплаты заработной платы и условий материальной ответственности работников. По всем этим вопросам органы прокуратуры, обслуживающие промышленные центры, получают обычно большое количество жалоб и обращений. Еще больше их проходит через РКК, профсоюзы и суды. Из результатов рассмотрения этих жалоб видно, что на предприятиях зачастую допускаются грубые нарушения законодательства о труде. В частности, широкое распространение имеют нарушения порядка увольнения работников, наложения на них материальных взысканий и несоблюдение правил техники безопасности.

Органы прокуратуры, получая и рассматривая эти жалобы, обычно, в лучшем случае, ограничиваются восстановлением нарушенной законности по каждой отдельной жалобе, не обобщая этих явлений и не принимая мер к их предупреждению.

Прокуратура г. Магнитогорска проделала эту необходимую работу. Она проанализировала просмотренные жалобы и другие материалы о нарушениях закона о труде на Магнитогорском комбинате. Этот анализ вскрыл ряд моментов, заслуживающих пристального внимания. Так например, оказалось, что разрешение таких важных вопросов, как вопрос увольнения рабочих с производства, на комбинате совершенно не упорядочено. Право увольнения рабочих предоставлено чрезвычайно широкому кругу лиц. Работники административного состава, имеющие право найма и увольнения рабочих, совершенно не знакомы с трудовым законодательством, что ведет к многочисленным нарушениям этих законов. Достаточно сказать, что за 1937 г. прокуратура Магнитогорска удовлетворила 490 жалоб по трудовым делам, да наруд удовлетворила 107 исков по одному только заводу. А сколько еще жалоб удовлетворено решениями РКК и профсоюзов!

Прокурор г. Магнитогорска, проделав этот анализ, принял меры к тому, чтобы предупредить аналогичные нарушения в дальнейшем. Он избрал для этого путь общественного обсуждения данного вопроса. На пленуме завкома Металлургического завода, с участием начальников некоторых цехов, председателей цеховых комитетов, членов РКК, групп содействия прокуратуре и председателей товарищеских судов т. Сорокин сделал доклад о состоянии социалистической законности на заводе.

В этом докладе он остановил внимание заводской общественности на целом ряде грубых нарушений закона, имевших место на заводе и требующих для своего устранения совместных организационных мероприятий как завкома, так и администрации завода.

В результате живого обсуждения доклада прокурора, пленум принял ряд весьма важных предложений, направленных к упорядочению порядка увольнения работников, наложения на них взысканий, улучшения работы РКК, приема и рассмотрения жалоб администрацией и т. д.

Пленум постановил: 1) обязать все цехомы и РКК рассматривать жалобы рабочих и служащих в 3-дневный срок, обеспечив внимательное и чуткое отношение к каждой жалобе; 2) просить управляющего комбинатом дать приказ: об ограничении круга лиц, имеющих право увольнения работников и наложения на них дисциплинарных взысканий, предоставив это право только начальникам цехов; о своевременной выдаче документов при увольнении и о формулировке причин увольнений в соответствии со ст. 47 КЗоТ; о воспрещении начальникам цехов увольнять рабочих и служащих без права поступления на работу; о применении сверхурочных работ лишь в полном соответствии со ст. 404 КЗоТ РСФСР и с разрешения союза; о немедленном выполнении начальниками цехов решений РКК, вступивших в законную силу; об обязанности начальников цехов или их заместителей участвовать на заседаниях РКК и в суде при рассмотрении трудовых дел. Пленум также доставил

перед администрацией вопрос об обязательном выполнении всех мероприятий по технике безопасности и промсанитарии на 1938 г., установив сроки и контроль исполнения. Пленум также решил организовать проработку с рабочими правил техники безопасности и проводить обязательный инструктаж со всеми вновь принятыми на завод рабочими.

Подвергая обсуждению и вопрос о работе суда и прокуратуры по рассмотрению трудовых дел, пленум совершенно правильно отметил, что нарсуды слабо применяют закон о персональной материальной ответственности администраторов за неправомерное увольнение, и обратился к горпрокуратуре и суду с просьбой о принятии более решительных мер по отношению к нарушителям законов о труде, вплоть до привлечения их к уголовной ответственности, с проведением показательных процессов. На цеховые комитеты пленум возложил обязанность прорабатывать на сменных, бригадных и цеховых собраниях приговоры суда по делам о несчастных случаях на производстве.

Решения пленума были доведены до всех рабочих и служащих завода через сменные и групповые рабочие собрания.

Во исполнение принятых пленумом завкома решений директор комбината издал ряд приказов, направленных к устранению и к предупреждению нарушений законов о труде. Право увольнения рабочих и наложения на них взысканий предоставлено только начальникам цехов завода. На правовой отдел возложена обязанность проверки приказов, издаваемых в цехах, с точки зрения их законности. Для начальников цехов организовано изучение трудового законодательства в пределах практических потребностей работы и т. д.

Работа, проведенная Магнитогорской прокуратурой, принесет большую пользу делу борьбы с нарушениями законодательства о труде на Магнитогорском комбинате, если прокурор проследит за проведением в жизнь всех принятых по его докладу решений.

Магнитогорская прокуратура организовала также просмотр приказов, издаваемых на Металлургическом заводе. Правда, эта работа была проведена в эпизодическом порядке, сразу за большой промежуток времени, что не может быть признано правильным. Надзор за законностью приказов, издаваемых на важнейших предприятиях страны, должен вестись регулярно и повседневно.

При просмотре приказов Магнитогорская прокуратура выявила, что на Металлургическом заводе практикуются незаконные материальные взыскания с рабочих, носящие характер штрафов. Так например, налагались материальные взыскания, и при том в совершенно произвольных размерах, «за халатное отношение в работе», «за неформальное сверхурочных работ», «за простой» и т. д. В стоящую практику вошли также взыскания — штрафы за брак продукции. А надо сказать, что каждый случай брака продукции на Металлургическом заводе зачастую выражается во многих тысячах рублей. Наложение на работников мелких материальных взысканий за небрежную работу, имеющую последствием столь крупные убытки для государства, не может быть признано целесообразным, независимо от формальной стороны дела. Это создает

у работников ложное представление о степени ответственности за брак и не стимулирует на борьбу с ним.

Тов. Сорокин не ограничился опротестованием отдельных приказов о наложении штрафов. Он поставил все эти вопросы на обсуждение актива хозяйственников завода, со своим докладом о состоянии законности на заводе.

Обсуждение этих вопросов носило очень живой характер и помогло укреплению законности на заводе много больше, чем это сделали бы десятки протестов, принесенных по отдельным случаям нарушений.

Было бы чрезвычайно полезным, если бы все наши прокуроры проделали подобную же работу. Такие же, а может быть и лучшие образцы работы по промышленному надзору имеются, вероятно, и в практике некоторых других прокуроров. Необходимо этим опытом поделиться с другими товарищами на страницах нашего журнала.

С. Березовская

О персональной ответственности заведующих складами за недостачу груза против счета¹

Проблема недостачи груза против счета — это проблема, которая возникает из отрицания ответственности железной дороги за недостачу. Критерием получения товара в надлежащем количестве для покупателя служат счета поставщика. Если товара оказывается меньше, чем указано в счете, и товар не был похищен в пути, покупатель обращается с претензией к поставщику, утверждая, что недостача образовалась в результате того, что поставщик написал покупателю счет на большее количество товара, чем им фактически было отправлено.

Каковы же те условия, которые дают повод для утверждения, что недостача груза в пути не имела места, и создают предпосылку для постановки вопроса о сдаче грузотправителем к перевозке меньшего количества товара, чем то, которое указано в счете?

Нетрудно видеть, что таким условием является тождество веса, принятого станцией отправления к перевозке, с весом, выданным станцией назначения получателю. Это тождество удостоверяется либо соответствующей отметкой весовщика на обороте накладной, либо, чаще всего, выдачей получателю квитанции о перевесе груза.

Заручившись такой квитанцией и установив у себя на складе недостачу товара против счета, получатель фиксирует ее внутренним актом, составляемым обычно с участием представителя какой-либо незаинтересованной организации, и затем на основе этого акта предъявляет поставщику рекламацию.

Спрашивается, как же быть хозоргану, который добровольно или по решению суда возместил получателю убытки за недостачу товара против счета?

Обнаружение недостачи против счета означает, что хозорган, поставщик не положил то-

¹ В порядке обсуждения.

вар при отправке, а это в свою очередь означает, что при отсутствии у него на складе излишков недостающий товар был похищен у него на складе. Отсюда — вывод, что сумма, уплаченная хозорганом в возмещение недостачи, должна быть в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г. «об имущественной ответственности работников государственных и кооперативных учреждений и предприятий за недостачу переданных им под отчет товарных ценностей» (С. У. 1930 г. № 42, ст. 521) отнесена за счет зав. складом.

Такой вывод для всех без исключения случаев был бы, однако, неправильным.

В самом деле, является ли уже таким совершенным самый способ актирования недостач, который в общих чертах был описан нами выше, и дает ли он хозяйственнику право во всех случаях относить сумму недостачи за счет зав. складом?

Возьмем для примера случай, когда в пути происходит хищение 1-2 пар легкой дамской обуви, вес которых составляет каких-нибудь 500 граммов. В условиях, когда железная дорога перевозку прибывающих грузов производит на сотенных весах, эти недостающие 500 граммов могут и не отразиться на весе всей прибывшей партии обуви. А между тем, станция назначения, установив «тождество» выдаваемого получателю веса с весом, показанным в накладной, выдает грузополучателю квитанцию о перевесе, которая впоследствии будет фигурировать в деле в качестве доказательства недовложения грузоотправителем обуви с места.

Можно было бы привести еще и другие случаи, исключающие возможность отнесения на счет заведующего складом сумм, присужденных с хозоргана за недостачи, но и из приведенного случая ясно, что огульное отнесение на зав. складом всех уплаченных за недостачу товара сумм является столь же неправильным, как и абсолютное игнорирование персональной ответственности зав. складом за эти недостачи.

Руководители хозорганов должны с максимальной чуткостью подходить к вопросу о возложении ответственности за недостачи груза против счета на своих зав. складами и ни в коем случае не возводить в принцип огульное обвинение зав. складом во всех недостачах.

Суды при расследовании дел при недостачах товара против счета обязательно должны привлекать зав. складами в качестве третьих лиц на сторону ответчиков.

Дела о недостачах товара против счета должны быть изъяты из подсудности органов арбитража.

Фрешкоп

Об обязательной посылке обвиняемому копии протеста прокурора¹

Сталинская забота о живом человеке подсказывает необходимость обеспечить привлеченным к уголовной ответственности право на защиту во всех стадиях процесса, не стесняя их процессуальных прав.

В УПК РСФСР и УССР имеются в этом вопросе пробелы, относящиеся к случаям опротестования прокурором оправдательного приговора или приговора с точки зрения прокуратуры слишком мягкого.

Так как протесты прокуроров не направляются в копии обвиняемому, то полное неведение обвиняемого в таких случаях о собирающейся за его спиной грозе ставит обвиняемого в тяжелое положение; он не подозревает о протесте, не может против него возразить, опровергнуть приведенные в протесте данные. Больше того, имея в виду, что областной суд может допустить стороны к объяснениям, по существу возможность принесения обвиняемым своих возражений иногда является сомнительной, так как нужны исключительные условия, по которым обвиняемый узнал бы о слушании протеста прокурора по его делу. При этих условиях обвиняемый естественно лишается возможности представить объяснения в кассационной инстанции при рассмотрении протеста прокурора. Такое положение вещей легко допускает возможность отмены приговора по протесту и наступление новых мытарств для обвиняемого, которому предстоит снова переживать судебный процесс с самого начала, независимо от его результатов.

Едва ли можно признать такой порядок нормальным, обеспечивающим во всей широте право обвиняемого на защиту, предусмотренную Сталинской Конституцией.

Необходимо установить порядок, чтобы кассационный протест обязательно сообщался в копии обвиняемому, который в виде общего правила во всех случаях должен уведомляться о дне слушания дела в кассационной инстанции по аналогии с гражданскими делами, как это установлено постановлением пленума Верховного суда СССР от 28 января 1935 г. (52 пленум Верховного суда, ч. «б», § 4).

Это дает возможность в некоторых случаях избежать неосновательной отмены приговоров и поможет советскому гражданину защитить свои права и интересы.

Блюмкин

26 статья Основ Уголовного судопроизводства и 424 статья УПК¹

В отделе «Судебная практика» наших юридических журналов мы довольно часто находим сообщение о нарушениях ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства». С этим нарушением встречаются, без сомнения, и товарищи практики в своей повседневной работе.

Как известно, ст. 26 допускает усиление меры наказания при рассмотрении дела, переданного в суд из кассационной инстанции, только в том случае, если приговор был опротестован прокуратурой. Чем же объяснить, что суды все же нарушают эту статью? Для объяснения этого нужно обратиться к ст. 424 УПК, в которой сказано: «Если первоначальный приговор был отменен по мотивам, указанным в жалобе осужденного, то при вторичном рассмотрении дела

¹ В порядке предложения. Редакция.

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

не может быть назначено более тяжкое наказание, нежели то, которое было избрано судом при первом рассмотрении дела».

Мы знаем, что приговор может быть отменен не только по мотивам, указанным в жалобе обвиняемого, но и по мотивам, выдвинутым самой кассационной инстанцией в ревизионном порядке (ст. 412 УПК).

Наши суды, знакомясь с определенным кассационной инстанцией по делу и установив, что в основание отмены приговора легли не мотивы жалобы, а мотивы, выдвинутые кассационной инстанцией, считают, что они не связаны никакими запретами в смысле усиления наказания, так как ст. 424, подчеркивая недопустимость усиления наказания при вторичном рассмотрении дела, приговор по которому отменен по мотивам жалобы осужденного, этим самым как будто считает возможным усиление наказания во всех остальных случаях отмены приговора.

Итак, ст. 26 Основ уголовного судопроизводства со всей категоричностью допускает возможность усиления наказания только в одном случае, а именно, в случае отмены приговора по протесту прокурора. Ст. 424 УПК не допускает возможности усиления приговора в одном случае.

Объяснить такую как будто неувязку между выше цитированными законами можно только неточной формулировкой ст. 424, которая должна была целиком отразить ст. 26 Основ уголовного судопроизводства. Отразила бы она ее тогда, если бы подчеркнула все случаи недопустимости усиления меры наказания.

Поскольку же наши суды все всегда имеют под рукой УПК, но не все имеют Основы уголовного судопроизводства, то в результате получается вышеуказанное нарушение.

Вывод, конечно, один: ст. 424 УПК нуждается в редакционном изменении, что, несомненно, будет учтено при составлении нового УПК СССР.

Ари

О пособии детям-сиротам многосемейной матери¹

В инструкции Наркомздрава СССР «О порядке назначения и выплаты государственного пособия многосемейным матерям» указано, что в случае смерти матери выплата пособия прекращается. Если же мать умерла после назначения пособия, но до его выплаты за первый год, то пособие за первый год выплачивается.

В № 2 журнала «Социалистическая законность» за 1937 г. в статье т. Алукера «Практика применения закона от 27 июня 1936 г. о пособиях многосемейным матерям» мы читаем: «Субъектом права на пособие является мать семьи; при отсутствии субъекта права — матери семьи — это пособие не выдается». Далее у того же автора мы читаем: «После смерти матери отпадает правомочный субъект на дальнейшее получение пособия, но то право (речь идет у автора о пособии назначенном, но не полученном еще матерью), которое приобретено матерью

при ее жизни, как право приобретенное, переходит к ее детям».

О концепцией т. Алукера и инструкцией НКЗдрава СССР, что дальнейшее право на получение пособия прекращается со смертью матери, мы в корне несогласны: денежное право, приобретенное гражданами, переходит к их наследникам на весь срок действия такового; притом же многодетной матери на получение пособия не однократное: с момента рождения седьмого ребенка, если живы все семеро детей, мать имеет длящиеся в течение 5 лет право на пособие. Обязанность органов, ведающих выдачей пособия, ежегодно контролировать право матери на это пособие не прерывает ее длящегося права, которое после смерти матери должно перейти к ее детям, как к наследникам. Нам могут возразить на это, что ведь наследником является ее муж, а может быть, и ее родители, но мы все же настаиваем, что данное право наследуют только ее дети. Исходям из того, что целевое назначение этого пособия — обеспечить не только мать, но и детей, что законодатель не рассматривает мать изолированно от детей, что тяжесть большой семьи давит на мать семьи главным образом потому, что она как мать страдает, если дети лишены необходи-

Смерть жены-матери резко ухудшает материальное положение семьи, так как уходит из дому лицо, несущее на себе не только все заботы по дому, но и всю ответственность за правильное распределение материальных ресурсов семьи. Если же со смертью матери уходит еще и та материальная база, которую семья получила именно в силу того, что она большая семья, то положение детей еще более ухудшается. Что законодатель не имел в виду улучшить положение матери без улучшения положения детей, можно доказать следующим примером: предположим, что мать семерых детей получает государственное пособие по многодетности, но на детей не тратит ни гроша, а все на себя; дети же продолжают голодать и ходить оборванными. Примирится ли общественная мораль с тем, что пособие получает такая мать, и не должен ли возникнуть у органов, ведающих выдачей пособия, вопрос о законности выплаты такового, если вышеизложенное делается им известно? Мы же право такой матери на пособие ставим под большим вопросом: давать ей пособие — значило бы возвращать на нашей почве изверга вроде героини мопассановского рассказа, носившей во время беременности специальные колодки на животе, чтобы рожать особенных уродов, являвшихся средством больших заработков матери.

Слово «помощь» многосемейным указывает, что государство помогает матери воспитывать ее детей. Изданием закона о запрещении абортов законодатель имел в виду в первую очередь охрану здоровья женщины. Стимулом для отказа от аборта введена была помощь матери для детей, но не премия за рождение, так как социалистическое государство заинтересовано в увеличении населения не с точки зрения накопления «пушечного мяса», а с точки зрения создания физически и умственно здоровых людей, нужных нам для все возрастающего социалистического строительства. Что это не премия, а помощь матери для воспитания детей, указывает и то обстоятельство, что если семья

¹ В порядке обсуждения.

уменьшается в случае смерти одного из детей, то пособие не выдается. Не выдается оно и тогда, когда младшему ребенку более 5 лет, так как при этом условия мать имеет возможность поступить на работу.

Из всего вышесказанного может быть только один вывод: смерть матери не должна лишать детей государственного пособия, которое мать получает именно для них.

Ф.

О наследниках-иждивенцах

Статьи о наследовании в последние два года не сходят со страниц нашей юридической прессы.

Во всех статьях авторы ставят вопрос об изменении действующего наследственного права в смысле расширения круга лиц, призываемых к наследованию, и в смысле свободы завещания.

Тов. Киранер в своей статье «О наследниках и иждивенцах» в № 1 журнала «Социалистическая законность» за 1938 г. поднял вопрос о наследниках-иждивенцах, вопрос, уже разрешенный действующим законодательством. Но мнение автора, в законе недостаточно уточнены понятия нетрудоспособности и немущего состояния.

Что касается уточнения этих понятий, то мы считаем, что поскольку все наши законы, будь то законы гражданского права, семейного, законы о социальном обеспечении и т. д., связаны между собой единством идеи законодателя, постольку специального толкования этих понятий законодатель не должен был давать. По закону о социальном обеспечении критерием нетрудоспособности служит отнесение граждан к 1, 2, 3 категориям инвалидности. Инвалиды третьей категории имеют право на государственную пенсию, которой не лишаются при известных условиях даже работающие. Строго ограничивая круг лиц, призываемых к наследованию, законодатель все же вводит в него иждивенца, который может быть наследодателем чужим по крови лицом. Тут, как правило, указывает автор, имеется в виду принцип обеспечения, а не принцип наследования, обеспечения не мнимых иждивенцев, а фактических, то есть таких, которые, только получая средства от наследодателя, могут существовать. Наличие у иждивенца каких-нибудь незначительных средств, достаточных на покрытие небольшой части его расходов, не есть основание не признавать его иждивенцем: необходимо, чтобы иждивение явилось единственным источником существования, а важно, чтоб оно было основным его источником. Иначе законодатель не мог понимать слово «иждивенец». Законы семейного права и соц. обеспечения подтверждают нашу мысль. Ведь не всякие родители, а только нетрудоспособные и немущие имеют право на получение содержания от детей. Получение же пенсии, недостаточной для существования, не лишает их права на получение алиментов от детей, то есть признание их немущими. Больше того, смерть сына или дочери, платящих алименты родителям, получающим государственную пенсию, дает алиментируемым право отказаться от своей

пенсии и получать таковую по ставке умершего, если таковая превышает их пенсию.

Требование, как минимум, годичного срока иждивения объясняется желанием законодателя, чтоб наследство получил действительно иждивенец, а не лицо, получавшее в единичных случаях помощь от наследодателя. Желательно, чтоб в будущем союзном ГК законодатель допустил при несомненности перехода на постоянное иждивение наследодателя меньший срок, что естественно бывает необходимо, так как часто больной и нуждающийся делается иждивенцем не случайным, а постоянным. Смерть кормильца до истечения годового срока иждивения ставит таких лиц в трагическое положение. Тот конкретный случай, который привел т. Киранер, безусловно неправильно разрешен судом: неправильно определен критерий нетрудоспособности, неправильно определено понятие «немущий», формальным был подход к определению срока нахождения на иждивении, так как фактически ответчица находилась на иждивении наследодателя Петрова не полгода, а все время, а ранее умерший брат, как видно из всех обстоятельств дела, помогал ей частично.

Ф.

Необходимое мероприятие¹

Наш ныне действующий уголовный процесс является состязательным только в судебной стадии.

В стадии расследования процесс наш является только розыскным.

В связи с великой Сталинской Конституцией, новый Уголовно-процессуальный кодекс бесспорно расширит элемент состязательности в процессе и распространит его и на предварительное расследование.

Нам представляется, что до издания нового Уголовно-процессуального кодекса и без издания специальной законодательной поправки — предварительное расследование можно оживить состязательным элементом.

Если бы обвиняемые знали о правах, предоставленных им ныне действующим Уголовно-процессуальным кодексом, и о правах и обязанностях лиц, производящих расследование, то много дел не попало бы в суд, а многие попали бы с более полным следственным материалом, да и само расследование производилось бы быстрее.

Как правило, почти все обвиняемые не знают своих прав и в судебном заседании, но суд в порядке ст. 277 Уголовно-процессуального кодекса разъясняет их обвиняемому, под контролем публичности, с занесением этого судебного действия в протокол судебного заседания.

Органы расследования обвиняемым их прав не разъясняют.

Мы полагаем, что если бы лица, производящие расследование, разъясняли бы обвиняемым ст. 212 Уголовно-процессуального кодекса и ст.ст. 111, 112, 116, 134, 136, 139, 143, 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса, то следствен-

¹ В порядке предложения.

ный материал был бы собран полнее и расследование протекало бы быстрее.

Разъяснение обвиняемому его прав должно последовать одновременно с предъявлением ему обвинения, о чем у него должна отбираться подписка, по аналогии со ст. 206 Уголовно-процессуального кодекса.

Это дополнение Уголовно-процессуального кодекса, нам представляется, не нуждается в специальном законодательном акте и может быть введено Союзным прокурором в порядке циркуляра.

Я. М.

Обещания надо выполнить

11 июля 1937 г. состоялся первый выпуск слушателей Всесоюзной правовой академии. Было произнесено много хороших и теплых речей. Дирекцией академии было дано много обещаний: держать связь с выпускниками, помогать им в деле дальнейшего повышения уровня их знаний и т. д.

С тех пор прошло уже немало времени, и эти обещания, к великому сожалению, остаются пока только обещаниями. Дирекция академии даже не пыталась наладить связь со своими первыми выпускниками.

Между тем назрело немало вопросов, требующих разрешения.

Прежде всего, учитывая, что это был первый выпуск Правовой академии, мне кажется, в целях накопления некоторого опыта академии следовало бы узнать, как же в течение этого времени показали себя на практической работе ее первые питомцы; как они применяют на практике полученные ими в академии знания; какие пробелы в своем образовании они ощущают, и какие, по их мнению, изменения следовало бы внести в учебный план академии для того, чтобы избежать этих пробелов в будущем.

Сталкиваясь с вопросами трудового и административного законодательства в процессе моей практической прокурорской работы, я, например, убедился в том, что учебный план академии недостаточно уделял внимания текущему законодательству в этих вопросах. Такая важная отрасль права, как административное право, совершенно выпала из поля зрения учебного плана академии, и этот пробел я сейчас серьезно ощущаю в своей работе.

С другой стороны, Правовая академия должна помочь своим выпускникам продолжать повышение своего теоретического уровня. Это тем более необходимо в условиях ощущаемого нами недостатка юридической литературы. Будучи оторван от жизни академии и не зная ее настоящих возможностей, я затрудняюсь сейчас предложить конкретную форму этой помощи, но я убежден в том, что, если дирекция и профессорско-преподавательский коллектив академии продумают этот вопрос как следует, с учетом реальных возможностей, то такая форма безусловно будет найдена.

Весьма желательно, чтобы бывшие слушатели Всесоюзной правовой академии высказались по

этому вопросу на страницах «Социалистической законности».

Абсолютное большинство лиц, окончивших Правовую академию, разъехалось по разным уголкам нашей необъятной родины. Многие товарищи работают в таких местах, где не всегда есть возможность приобрести новые книги по юридическим вопросам. Мне кажется, было бы неплохо, если бы библиотека Правовой академии взяла на себя обязанность приобретения и высылки подобного рода литературы по запросам товарищей. Для библиотеки Правовой академии это не так уж трудно, а нам этим была бы оказана несомненная помощь в работе и дальнейшем повышении квалификации.

Кацев

Больше внимания молодым кадрам

Около года я работаю секретарем прокуратуры Тамбовского района, и за это время ни районная, ни областная прокуратуры ни разу не созывали совещаний своих технических работников.

Между тем, чтобы изжить недостатки в своей работе, нам нужно почаще делиться ее опытом и применять у себя в процессе работы методы лучших работников. Поэтому я считаю, что областная прокуратура должна практиковать созыв каких-либо конференций (учебных, инструктивных и т. п.). На таких конференциях люди имели бы возможность обмениваться опытом работы, обсуждать ее и т. д.

Я считаю, что это было бы полезно не только для технических работников, но и для всех работников прокуратуры. Следует еще учесть, что секретарям прокуратуры, работающим на периферии, часто приходится оставаться в аппарате прокуратуры по несколько дней одним, и они должны хорошо разбираться в своей работе.

Первый съезд работников суда и прокуратуры нашей области принял решение о необходимости изучения социалистической законности. А в Тамбовской прокуратуре до настоящего времени еще не приступили даже к изучению юридических дисциплин, несмотря на то, что соответствующие решения много раз выносились на общих собраниях нашего коллектива.

Наши руководители еще не сделали для себя вывод, что молодых работников надо выдвигать и из их рядов выковывать и пополнять кадры работников суда и прокуратуры.

Так как во многих наших коллективах имело место нарушение КЗоТ, то первым съездом работников суда и прокуратуры было вынесено решение о ликвидации в нашем аппарате системы сверхурочных работ. Я считаю, что в прокуратуре больших районов выполнить это постановление очень трудно, и что там следует иметь не одного секретаря, а двух. Ведь от технических работников зависит быстрее продвижение жалоб и дел, и это улучшило бы работу прокуратуры.

Отношение у нас к молодым работникам характеризуется хотя бы такой факт, что четыре новых работника, в июне прошлого года приня-

тые в члены союза работников суда и прокуратуры, до сих пор не оформлены и не имеют союзных билетов. Протоколы общего собрания о приеме этих товарищей в члены союза были высланы в июне прошлого года в райгруппком, но там были утеряны. По запросу райгруппкома вторично были высланы выписки из протоколов и новые фотокарточки.

Кузьмин

Как я работаю над собой

В ноябре 1937 г. меня райком комсомола как лучшего комсомольца рекомендовал на работу в Красноармейскую прокуратуру. Проработал я 10 дней секретарем прокуратуры, и меня областной прокурор утвердил народным следователем. Не имея никакого юридического образования и практического опыта в этой работе, мне в первые дни было очень трудно работать, но с первых же дней я поставил перед собой задачу — работать над собой, не жалеть своих сил, и повышать свой юридический уровень. День работаю по следственной части, а ночь сижу и изучаю УК, УПК и другую юридическую литературу и готовлюсь к сдаче юрминимума. Я очень полюбил эту работу, ибо понял, что в настоящее время быть советским юристом — это ответственная и почетная задача, которая ясно и четко определяется Сталинской Конституцией. В моей работе и учебе мне много помогает райпрокурор т. Назаркин.

Особенно много времени я уделяю чтению юридической литературы (хотя у нас ее в настоящее время крайне недостаточно).

В моей работе еще много ошибок, но я их при помощи т. Назаркина исправляю на ходу. Недавно имела место такая ошибка или, можно сказать, упущение с моей стороны. Я выехал в Н.-Дворовское сельпо, где у продавца магазина Шлехта была выявлена растрата 5367 р. 73 к., я это дело расследовал и, закончив его, передал на утверждение райпрокурору и направил по подсудности.

Райпрокурор утвердил и направил дело в народный суд для разбора.

Я был очень доволен тем, что мое почти первое дело оказалось правильным. А оказывается, что кое-что я упустил из виду, а райпрокурор тоже не досмотрел, и дело пошло с грубой ошибкой в народ. Эту ошибку выявил народный судья. Оказалось, что я при расследовании не наложил ареста на имущество Шлехта, и пока дело расследовалось, утверждалось, просматривалось, родители этого растратчика почти все имущество и вещи сплывили на сторону; хотя потом и был наложен арест на имущество, но оно уже не соответствовало сумме растраты. Это я считаю своей грубой ошибкой. Эту ошибку я хорошенько учел.

У нас очень мало юридической литературы и пособий. Плохо еще, что в нашем журнале «Социалистическая законность» мало печатается материалов наших исследователей, т. е. мало наши следователи в печати передают опыт своей работы. Я бы просил редакцию, чтобы она лучше связалась с нами и побольше печатала наши материалы.

Жовба

От редакции.

Печатаю статью т. Жовба, редакция считает необходимым обратить внимание тт. следователей на правильное указание автора об отсутствии обмена опытом.

Редакция приглашает тт. следователей активно включиться в работу в журнале и делиться на страницах «Социалистической законности» своим опытом.

Тов. Жовба, как сообщил редакции прокурор Красноармейского района Северо-Казахстанской области, с большевистской настойчивостью овладевает необходимыми знаниями, ежедневно борясь за повышение своей квалификации.

По мнению райпрокурора, т. Жовба хотя и очень молодой следователь, но упорно работает над повышением своей квалификации и вполне оправдывает свое звание народного следователя.

СУДЕБНО - НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

ЖАЛОБЫ НА УВОЛЬНЕНИЕ, ПОДЛЕЖАЩИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОМУ РАССМОТРЕНИЮ В РКК, МОГУТ РАССМАТРИВАТЬСЯ СУДОМ ТОЛЬКО В ТЕХ СЛУЧАЯХ, КОГДА СТОРОНЫ В РКК НЕ ПРИШЛИ К СОГЛАШЕНИЮ ИЛИ КОГДА РЕШЕНИЕ РКК ОТМЕНЕНО.

По решению народного суда Кировского района г. Тбилиси от 29 мая 1935 г. гр. Мезуров был восстановлен на работе в Закавказской конторе Инзак МОСПО.

После восстановления Мезурова на работе ему 21 июня 1935 г. было объявлено предупреждение

за систематическое опаздывание и прогулы без уважительных причин, а 5 июля — за систематические прогулы он был снова уволен с работы.

17 октября 1935 г. народный суд рассмотрел новый иск Мезурова, решил восстановить его на работе, с оплатой за вынужденный прогул.

15 ноября 1935 г. ГKK Верховного Суда ССР Грузии отменила решение народного суда и предложила Мезурову обратиться в РКК, поскольку увольнение его было основано на п. «г» ст. 47 и 47-1 КЗОГ.

25 мая 1936 г. Президиум Верховного Суда ССР Грузии отменил определение ГKK Верховного Суда и оста-

вил в силе решение нарсуда от 17 октября 1935 г.

Только в сентябре 1937 г. Мезуров предъявил исполнительный лист на взыскание в его пользу 12 тыс. руб. за прогул.

В связи с этим МОСПО обратился в Прокуратуру СССР с жалобой на решение суда.

Прокуратура СССР, считая решение нарсуда от 17 октября 1935 г. и постановление президиума Верхсуда от 25 мая 1936 г. неправильными, опротестовала эти решения по следующим основаниям:

После восстановления Мезурова на работе по решению суда от 29 мая 1935 г. он был вторично уволен 5 июля 1935 г. за систематические прогулы и нарушение трудовой дисциплины (ст. 47 п. «г» КЗоТ).

Согласно ст. 12 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. жалобы на неправильное увольнение по ст. 47 п. «г» КЗоТ должны в обязательном порядке рассматриваться в РКК.

Лишь в случае, если стороны не придут к соглашению в РКК или если решение РКК будет отменено в порядке надзора, подобные иски могут быть предъявлены в суд.

Нарсуд и президиум Верхсуда неправильно сделали вывод о необоснованности вторичного увольнения Мезурова.

Из дела видно, что 21 июня 1935 г. Мезурову объявлено было предупреждение за систематические опаздывания и невыход на работу без уважительных причин, а в приказе от 5 июля Мезуров снова обвинялся в невыходе на работу и опаздываниях.

Поэтому гражданская кассационная коллегия Верхсуда вынесла правильное определение от 15 ноября 1935 г., отменив решение нарсуда и предложив истцу обратиться в РКК по подсудности.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР 8 июня 1938 г., рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановила решение нарсуда от 17 октября 1935 г. и постановление президиума Верхсуда Грузинской ССР от 26 мая 1936 г. отменить и дело производством прекратить.

ЗАКОН О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ ДОМОВ ТРАНСПОРТА НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ПРИМЕНЕНИЯ К ДОМУ, ПЕРЕДАННОМУ ОРГАНОМ ТРАНСПОРТА В ВЕДЕНИЕ ЖАКТА.

28 ноября 1935 г. в квартире гр. Маслова в г. Баку сотрудниками Каспара принудительно была изъята одна из двух занимаемых им комнат.

Гр. Маслов поселился в этом доме в связи с работой в Каспаре в качестве старшего инженера. Однако к моменту его принудительного уплотнения дом этот передан был уже в жакт и, следовательно, Каспар не имел права распоряжаться этой жилплощадью.

Маслов предъявил иск о возврате ему отобранной комнаты, в которую вселился гр. Рукин.

Народный суд, первоначально отказавший Маслову в иске, после отмены Верхсудом реше-

ния, удовлетворил иск и 25 ноября 1936 г. обязал Каспар предоставить ответчику Рукину другую площадь. ГКК Верхсуда АзССР оставила в силе это решение. Президиум Верхсуда АзССР 14 января 1938 г. отменил решение нарсуда и определение ГКК Верхсуда и в иске Маслову отказал.

Прокуратура Союза опротестовала постановление президиума Верхсуда по следующим основаниям.

Президиум мотивировал решение о выселении Маслова тем, что он по собственному желанию ушел с работы из Каспара и трудовую связь с последним потерял.

Между тем из дела видно, что еще 1 сентября 1935 г. дом, где живет Маслов, передан был жакту, а административное уплотнение Маслова произведено 25 ноября 1936 г. При таких обстоятельствах у президиума Верхсуда не было никаких оснований для применения в данном случае постановления ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1937 г. о выселении из домов транспорта.

Независимо от того, кому принадлежал дом в момент изъятия комнаты у Маслова, принудительное уплотнение при отсутствии каких-либо излишков (36 кв. метров на 4 чел.) во всяком случае было недопустимым.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР 8 июня 1938 г., рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила отменить постановление президиума Верхсуда АзССР, оставив в силе решение нарсуда от 25 ноября 1936 г.

АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ ВПРАВЕ УВОЛИТЬ ТРУДЯЩЕГОСЯ ЗА ЯКОБЫ СОВЕРШЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЕСЛИ ТАКОВОЕ НЕ УСТАНОВЛЕНО ПРИГОВОРОМ СУДА.

11 августа 1937 г. слесарь завода № 1 гр. Фильчаков был уволен за подлог в наряде (вместо причитавшихся ему 18 р. 50 к., он якобы, приписал единицу и получилось 118 р. 50 к.).

РКК, инспектор труда и ЦК союза подтвердили увольнение.

Однако затем ЦК союза вторично рассмотрел вопрос об увольнении Фильчакова и 21 февраля 1938 г. признал увольнение его неправильным.

После этого Фильчаков предъявил иск в нарсуде Ленинградского района г. Москвы о восстановлении на работе. 13 марта 1938 г. это дело заслушано было нарсудом, причем допрошены были свидетели, которые подтвердили, что случай с подделкой Фильчаковым наряда действительно имел место.

Нарсуд отказал Фильчакову в иске.

27 марта 1938 г. ГКК МГО утвердил решение нарсуда.

Проверкой, произведенной органами прокуратуры, было установлено, что карточка-наряд, в порядке которой обвиняли Фильчакова, пропала и обнаружить ее не удалось.

Прокуратура СССР, считая, что решение суда об отказе Фильчакову в иске является неправильным, опротестовала это решение по следующим основаниям:

Единственным мотивом к увольнению послужила имевшая якобы место подделка Фильчаковым наряда в целях получения лишних 100 руб. за работу, т. е. обвинение в совершении уголовного преследуемого деяния.

Администрация в подобных случаях не вправе была увольнять работника до разрешения дела в уголовном порядке (п. «д» ст. 47 КЗоТ). Приказ завода об увольнении Фильчакова явился не чем иным, как обвинительным приговором для Фильчакова. Администрация завода была обязана передать материал следственным органам, которые должны были решить вопрос о дальнейшей работе Фильчакова до окончания следствия (пост. НКТ РСФСР от 21 мая 1925 г.). Факт подделки Фильчаковым наряда подтверждался только заявлением цеховой администрации; однако основной документ — наряд, который только и может изобличить Фильчакова в подлоге, отсутствует (хотя, судя по заявлению свидетелей, наряд был сдан Фильчаковым для получения по нему зарплаты).

Не подтвердились заявления администрации о предыдущих попытках Фильчакова подделывать наряды и о его недисциплинированности: в деле нет ни одного приказа о выговоре или замечании Фильчакову.

Прокуратура СССР нашла, что решение суда об отказе Фильчакову в иске не основано на конкретных, проверенных судом доказательствах. Фильчаков работал на заводе 5 лет и увольнение с такой позорной формулировкой требовало особой тщательности со стороны суда при разборе дела.

Президиум Московского городского суда, согласившись с протестом Прокуратуры Союза, 2 июня 1938 г. постановил решение нарсуда и определение ГКК Мосторсуда отменить и передать дело на новое рассмотрение в тот же нарсуд, но в другом составе.

ОСУЖДЕНИЕ, НЕ ОСНОВАННОЕ НА МАТЕРИАЛАХ ДЕЛА.

Приговором Главсуда Крымской АССР от 20—29 мая 1937 г. Ранинин Павел Федорович, работавший до ареста вулканизатором Крымавтогостреста в г. Феодосии, был осужден по ст. ст. 19 и 1 ч. 153 УК к трем годам лишения свободы, по обвинению в покушении на изнасилование гр-ки К.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор Главсуда Крымской АССР по следующим основаниям:

Единственным доказательством по этому делу служит показание самой гр-ки К., которое существенно изменялось Кашиной в процессе расследования и рассмотрения дела.

Так при первом допросе 11 января 1937 г. К. показывала, что Ранинин дважды пытался ее оттащить к кровати и изнасиловать, когда она (в один и тот же вечер) оставалась с ним вдвоем наедине. Это же с ее слов рассказывала и опрошенная в тот же день ее соседка Анищенко. В дальнейшем же (на очной ставке с Ранининым и на суде) К. говорила, что в первый раз, когда она оставалась с Ранининым наедине в его квартире, Ранинин ее не трогал и ничего с ней не делал.

Равным образом, первоначально К. ничего не говорила о том, что с ней была рвота в квартире Ранинина, на суде же она признала, что это было, объясняя, что ее стало рвать во время борьбы с Ранининым и т. д.

Если верить первому рассказу К., что Ранинин пытался ее изнасиловать еще и в первый приезд ее к нему на квартиру, тогда совершенно непонятно, как же через 1/2 часа после этого К. решилась вторично пойти к нему на квартиру и опять оказалась там наедине с Ранининым.

Если же верить второй ее версии, что попытка изнасилования имела место только во второй приход ее к Ранинину, тогда непонятно, почему Ранинин, намереваясь использовать К. для полового акта и имея для этого все условия еще в первый приезд к нему К., не только ничего не предпринял в этом направлении, оставшись наедине с К. в первый раз, но и предоставил ей возможность спокойно и свободно выйти от него и пойти домой.

Объяснение К., что она оба раза не заметила, как исчезли из квартиры Ранинина Жилова и Чижикова, с которыми она в том и другом случае приехала к Ранинину, не правдоподобно. Квартира Ранинина состоит всего лишь из двух небольших смежных комнат без внутренних дверей, и когда в этой квартире никого, кроме Жилова, Чижиковой и самой К. не было, не заметить ухода Жилова и Чижиковой нельзя было.

Если все же допустить, что первый раз К. ничего плохого не подозревая, случайно пропустила без внимания исчезновение Жилова и Чижиковой, увлекшись слушанием патефона, то во всяком случае второй раз — наученная опытом первого случая, через 1/2 часа после него и при том же в более поздний час ночи — К., если бы она действительно не хотела оставаться у Ранинина без Жилова и Чижиковой, должна бы внимательно и осмотрительно держаться около них и не упускать их из виду, тем более что, как это она объясняла второй раз, она зашла к Ранинину, «понадеявшись, что Жилов ее не оставит».

Свидетелю Неделько, который первый встретил и увел К. с улицы во двор в 3 ч. ночи, К. на вопрос, где была, ничего о покушении на изнасилование и побоях не говорила. Между тем, если бы она действительно перед этим пережила искренний испуг и тяжелую драму гнусного покушения на нее со стороны Ранинина, вряд ли она могла бы сдержаться от немедленного правдивого рассказа или хотя бы краткого сообщения об этом первому же знакомому ей человеку, каким и являлся Неделько.

Оказавшийся на следующий день синяк на лице К. сам по себе не доказывает покушения на изнасилование, так как никакой связи с таким актом объективно иметь не может, и даже по версии самой К. Ранинин нанес ей побои не в процессе попытки изнасилования и не с целью принуждения к половому акту, а уже только как бы в отместку за отказ и сопротивление.

В то же время каких-либо знаков и повреждений, которые объективно могли бы подтвердить попытки к изнасилованию, ни на теле Кашиной, ни на ее одежде и белье не было.

В указанных выше условиях не только покушение на изнасилование, но даже факт нанесения именно Ранининым побоев К. не может

быть признан бесспорно доказанным, тем более, что маловероятно, чтобы крики К. в течение 1/2 часа в квартире Ранинина (как она об этом говорит), а затем во дворе у калитки и на улице остались никем не услышанными. (Чижикова высказала предположение, что К. могла упасть, когда возвращалась глухой ночью домой. Не исключена возможность также, что Капшину побила за позднее возвращение ее тетка. Могли побить ее на пути домой и встречные хулиганы.)

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев 4 июня 1938 г. протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор Главсуда Крымской АССР от 20—29 мая 1937 г. и определение уголовной коллегии Верхсуда от 15 августа 1937 г. в отношении Ранинина отменить и дело о нем производством прекратить.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 7 АВГУСТА 1932 Г.

Сутягин И. В. был осужден Главсудом Мордовской АССР по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы за растрату 11 434 р. 24 к., произведенную им в 1934 г. и в начале 1935 г.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Главсуда по следующим основаниям:

Сельсовет получал деньги с крахмального завода на оплату заработка работавшим на крахмальном заводе.

Сутягин производил расчеты с работавшими на крахмальном заводе с вычетов причитающихся финансовых платежей по налогам и сборам. На выдаваемые наличными деньгами суммы он брал расписки, а на удержанные суммы выдавал квитанции.

В конце февраля и начале марта 1935 г. ревизией, произведенной райфо, была установлена растрата в сумме 13 075 руб. Эта сумма исчислена, главным образом, за непредставление оправдательных документов по расчетам с работавшими на крахмальном заводе. В сумму 13 075 руб. входят также: 563 р. 80 к., списанные Сутягиным в расход больше, против фактически израсходованных им; оприходованные денежных документов на 68 р. 54 к. меньше, чем фактически им получено; присвоенные Сутягиным 200 руб. наличными и неправильно списанные 275 руб. по расписке.

Сутягин непредставление документов объяснил похищением их неизвестным лицом за несколько дней до ревизии.

Спустя некоторое время райфо направил следственным органам полученные от сельсовета документы, которые состояли из документов на сумму 1 616 руб., найденных после ревизии, и на сумму 10 960 р. 90 к., восстановленных взамен утерянных Сутягиным, состоящих из расписок в получении от Сутягина денег и квитанций.

Райфо при направлении этих документов указал, что документы на 10 960 руб. 90 к. подлежат проверке путем опроса в качестве свидетелей лиц, выдавших расписки.

Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что часть этих распи-

сок не подтвердилась, а большая часть этих расписок, а именно на 6 294 руб., является подтверждением фактического получения от Сутягина наличными деньгами и квитанциями.

Главсуд документы на 1 616 руб. признал действительными, а остальные недействительными и уменьшил сумму растраты на 1 616 руб., признав Сутягина виновным в растрате 11 434 руб.

Между тем показаниями свидетелей: Дороница, Цеповых, Казюкова, Кудашова, Бычкова, Кузнецова и Рыжова на предварительном и судебном следствии установлено, что ими получено от Сутягина наличными деньгами и квитанциями 6 294 руб. На эту сумму растрата Сутягина подлежала уменьшению. Однако судом это сделано не было.

Кроме того, расписка на 275 руб., не принятая ревизионной комиссией ввиду того, что она не была заверена счетоводом (см. акт рев. комиссии), также подлежит списанию с суммы растраты, так как материалами предварительного и судебного следствия не установлено, что эта расписка является подложной.

Таким образом, материалами дела установлено, что растрата, произведенная Сутягиным, составляет не 11 434 р. 24 к., а 4 865 р. 24 к.

Осуждение Сутягина за растрату 11 434 р. 24 к. по закону от 7 августа 1932 г. при доказанности растраты лишь в сумме 4 865 р. 24 к., — неправильно и является нарушением ст. 413 п. 3 и 4 УПК.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил преступление Сутягина переквалифицировать на ст. 116 ч. 1 УК и меру наказания определить Сутягину в три года лишения свободы и за отбытием этого срока Сутягина от дальнейшого содержания под стражей освободить, присужденную с Сутягина сумму по гражданскому иску уменьшить.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ.

Приговором нарсуда 2 участка Шахтинского района от 15 мая 1937 г. Греков Лазарь Алексеевич был признан виновным по ст. 133 ч. 3 УК и осужден к 1 1/2 годам лишения свободы, гр. Певнев Петр Михайлович осужден по ст. 111 УК к 1 году ИТР.

Приговор этот был утвержден УКК Азово-Черноморского крайсуда. Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение УКК в президиум Ростовского облсуда, который отклонил протест Прокуратуры, не указав мотивов отклонения протеста.

Прокуратура Союза, считая приговор нарсуда и постановление президиума облсуда необоснованными в части осуждения горного техника Грекова Л. А., опротестовала его по следующим основаниям:

7 декабря 1936 г. во время разработки камешного карьера «Самсек» шахты № 5 треста Шахстроя скатившимся камнем переломилась кость левой ноги рабочему карьера Леусову. Заведующий карьером десятник Певнев во время несчастного случая на карьере отсутствовал.

Несчастный случай с рабочим Леусовым произошел вследствие того, что Леусов, вместо то-

го, чтобы свалить по скату камень, находящийся в полтора метра вверх от рабочего места, стал производить отбор отбитого камня, лежащего ниже, и вследствие сотрясения верхний камень скатился.

Технический надзор и руководство работой на карьере лежали непосредственно на заведующем карьером десятнике Певневе, который отлучался с работы на карьере, оставив рабочих без технического надзора, за что он правильно нарсудом был признан виновным и осужден к 1 году исправтруда.

Данные, свидетельствующие о том, что разработка карьера велась неправильно, материалами дела не подтверждены, следовательно, причинной связи между деятельностью Грекова по наблюдению за разработкой карьера и несчастным случаем с рабочим Леусовым не установлено.

Указанный случай был специально обсужден секцией инженерно-технических работников, которая признала, что Греков в данном случае не виноват.

Уголовная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда и все последующие судебные решения в отношении Грекова отменить и дело о нем производством прекратить.

* * *

Приговором нарсуда 2 участка Воскресенского района Московской области от 19 июля 1937 г. были осуждены: Леонтьев Александр Иванович по ст. 133-3 УК к 1½ годам лишения свободы, Перевезенцев Александр Васильевич по ст. 133-3 УК в 8 месяцам исправтруда от обоих оснований.

Кассационная коллегия Московского облсуда и президиум Московского облсуда приговор нарсуда оставили в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда, определение Кассационной коллегии и определение президиума Московского облсуда по следующим основаниям:

Леонтьев А. И. (гл. электрик) и Перевезенцев А. В. (зам. главного электрика) были осуждены за то, что на грейферном кране клинкерного склада цементного завода «Гигант» 27 апреля 1937 г. во время работы произошел несчастный случай со сменным крановщиком Грязновым, который был убит электротоком. Как установлено следствием, несчастный случай произошел потому, что Грязнов, в нарушение элементарных требований соблюдения правил техники безопасности при работах на электроустановках, не выключив тока, приступил к зачистке тралейного провода.

По приговору суда, виновность Леонтьева и Перевезенцева заключается в том, что в электроцехе совершенно отсутствовала техника безопасности.

При пуске цеха в эксплуатацию не была выработана инструкция об обязанностях крановщиков; выработанная технорукоем после пуска цеха в эксплуатацию инструкция была задержана выдачей на руки рабочим; не была обеспечена безопасность подхода рабочих к кранам, не была приспособлена лестница на площадку.

Факты нарушения правил техники безопасности, как это установлено по делу, действительно имели место, но суд не учел степени ответственности за это определенных лиц из инженерно-технического персонала.

Несчастный случай с крановщиком Грязновым произошел в электрическом цехе действующего завода. Начальником цеха, с пуском 1-й очереди завода, приказом № 36 от 7 февраля 1937 г. был назначен инженер Перевезенцев, который с этого времени фактически и руководил эксплуатацией электрохозяйства действующей части ваода. Он и отвечал за соблюдение техники безопасности в цехе.

Главный электрик строительства завода — Леонтьев являлся ответственным за проведение электромонтажных работ лишь по вновь устанавливаемому электрооборудованию и за работы, непосредственно связанные с этим оборудованием. Ответственным за соблюдение правил техники безопасности в электроцехе действующей части завода он не являлся. Не отвечает он и за строительные работы, не связанные с электрооборудованием. Таким образом Леонтьев осужден явно неосновательно.

Леонтьев работает в цементной промышленности с 1928 года. Провел монтаж ряда новых цементных заводов. Никаким адвмысканиям за все время своей работы не подвергался. Главным электриком строительства цементного завода «Гигант» работает до сих пор.

Уголовная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда и все последующие судебные решения отменить и дело в отношении Леонтьева производством прекратить.

* * *

Приговором водно-транспортного суда Азовского морского и Доно-Кубанского речного бассейнов от 25 ноября 1937 г. по делу о пожаре парусно-моторного судна «Красный партизан», принадлежащего Днепропетровскому рыбтресту, Кулик Павел Григорьевич был признан виновным в том, что, состоя в должности инспектора флота Днепропетровского рыбтреста и фактически исполняя обязанности начальника флота, преступно-недобросовестно относился к своим обязанностям, не принимал мер к улучшению состояния флота, не вел борьбы с авариями и другими нарушениями трудовой дисциплины, в результате чего, как следствие грубого нарушения трудовой дисциплины, произошел пожар на судне «Красный партизан», вышедший судно из эксплуатации. Установленные приговором действия Кулика суд квалифицировал ст. 99 УК СССР и приговорил его к 1 году несправедливо-трудовых работ с удержанием 20% зарплаты. Водно-транспортная коллегия Верховного суда своим определением от 25 декабря 1937 г. приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала как приговор ВТ суда так и оставившее его в силе определение ВТК Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям.

Ни в материалах дела, ни в приговоре не конкретизировано, в чем выразилось недобросовестное отношение Кулика к своим обязанностям.

В самом приговоре суд, характеризуя работу Кулика, пишет, что он «занимался всем, а по существу ничем». Правильно характеризует деятельность Кулика в качестве инспектора флота Днепропетровского рыбтреста, суд не учел, что в этом повинен отнюдь не Кулик. Для того чтобы войти в обсуждение добросовестности выполнения чьих-либо служебных обязанностей, надо раньше точно установить объем этих обязанностей. А этого-то и нельзя было сделать в отношении гр. Кулика, ибо вопросы, которыми он должен был весть, были определены приказом по тресту только 20 октября 1937 г., т. е. через 11 дней после аварии, за которую он отвечал перед судом, и через 5 дней после привлечения его к уголовной ответственности. Тот факт, что суд признал его фактически исполняющим обязанности начальника флота до издания приказа от 20 октября 1937 года, ничего не меняет, ибо само по себе наименование должности еще не отражает всей суммы конкретных обязанностей. Ведь судом установлено, что при наличии 6 подчиненных тресту промыслов, в тресте по флоту имелся лишь один работник, что заведомо исключало возможность предъявлять к нему требования быть универсальным и по эксплуатации флота, и по судоводительству, и по механизмам, и по ремонту, и по охвату расследований аварий.

Суд неправильно признал Кулика фактически выполнявшим обязанности начальника флота. О неправильности такого вывода суда достаточно четко говорят имеющиеся в деле документы. Кулик дважды принимался на работу в Днепропетровский рыбтрест. Первоначально он был назначен приказом от 15 июня 1936 г. начальником водного транспорта Днепропетровского рыбтреста с окладом в 700 руб. в месяц, а вторично приказом от 5 июня 1937 г. он назначается инспектором флота с окладом в 400 руб. в месяц и, наконец, только 20 октября 1937 г., после привлечения его к уголовной ответственности по настоящему делу, он вновь назначается начальником флота. Простое сопоставление приказов от 15 июня 1936 г. и от 5 июня 1937 г. показывает, что речь идет о должностях с совершенно разными обязанностями. Приказ от 15 июня 1936 г. прямо указывает на организацию «управления водного транспорта», то есть соответствующего аппарата и, значит, что уже и тогда не предполагалось, что один человек может охватить все вопросы управления флотом треста. Разница в функциях инспектора и начальника флота подчеркивается и в решениях РКК треста и инспектора труда от 17 и 28 сентября 1938 г. при рассмотрении претензий Кулика на признание его начальником флота и оплату ему оклада последнего.

По материалам дела видно, что в непосредственном ведении треста судовых единиц не было. Все они были переданы в эксплуатацию и полное подчинение входившим в трест рыбозаводам и промыслам. В частности, судно «Красный партизан» находилось в ведении Бердянского рыбпромысла. Этот рыбный промысел имеет штатного заведующего водным транспортом гр-на Костенко и непосредственно за состоянием флота данного промысла отвечает именно Костенко. Это было очевидно и суду, так как он одновременно с приговором о Кулике вынес определение о привлечении к уголовной ответ-

ственности гр-на Костенко. В нем, Костенко, и работники судна видели свое непосредственное начальство.

Вывод суда о виновности Кулика при этих обстоятельствах мог бы иметь под собою почву, если бы на суде было доказано полное бездействие Кулика.

Материалы же судебного следствия говорят об обратном.

Директор Бердянского рыбпрома Усенко показал на суде, что заведующий водным транспортом рыбпрома ему жаловался, «что на него Кулик здорово нажимает».

Капитан Бердянского порта Труфанов в судебном заседании также говорит о стремлении Кулика навести порядок в управлении водным транспортом треста.

Директор треста Катехин показывает, что с возложением на Кулика обязанностей начальника флота, он резко ставит вопросы об улучшении и упорядочении работы.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила — приговор водно-транспортного суда Азовского и Доно-Кубанского речного бассейнов от 25 ноября 1937 г. и определение водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР от 25 декабря 1937 г. в отношении Кулика Павла Григорьевича отменить и дело о нем прекратить.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА МЯГКОСТЬЮ

20 апреля 1938 г. лиссуд Горьковской ж. д. приговорил по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР машиниста Старкова Алексея Яковлевича к 2 годам лишения свободы и прораба Корягина Алексея Михайловича к 1 году исправтрудраб.

15 мая 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР заменила Старкову лишение свободы условным осуждением.

Прокуратура Союза ССР протестовала определение транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР по следующим основаниям:

Старков был осужден за то, что он 21 мая 1938 г. в 16 ч. 40 м., будучи действующим машинистом, возвращался с группой вагонов с ветки фабрики имени К. Либкнехта на ст. Вязники.

Несмотря на подаваемые сигналы остановки, Старков наскочил на стоявшие у прохода 25 и 27 пути два груженных вагона и разбил их.

Как видно из дела, крушение произошло в дневное время, в условиях хорошей видимости. Старкову своевременно были поданы с пути сигналы остановки. Кроме того, Старков получил еще словесное предупреждение о том, что у прохода стоят вагоны.

Несмотря на все это Старков, вследствие невнимания к сигналам, наехал на вагоны и разбил их.

Имея в виду, что Старков допустил грубейшее нарушение ПТЭ, в результате которого транспорту был причинен убыток в сумме 14 300 руб., у транспортной коллегии Верхсуда Союза ССР не было никаких оснований для за-

мены Старкову лишения свободы условным осуждением.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР отменить.

5 апреля 1938 г. лисуд Одесской ж. д. приговорил Каверина Аркадия Федоровича по ст. 56-30 п. «а» УК УССР к 3 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

Каверин был осужден за то, что, будучи ДСП ст. Одесская-Пересыпь, допустил 28 января 1938 г. грубейшее нарушение § 399 ПТЭ; отправив в сторону Одесса-Сортировочная поезд № 1284 и видя, что на блок-аппарате «красное очко» показывает, что перегон занят, вслед поезду № 1284 по зеленому разрешению отправил на перегон трудовой поезд № 220.

4 мая 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР заменила Каверину лишение свободы годом исправтрудработ по месту работы.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что крушение поездов № 1284 и № 220 было предотвращено ДСП Антонок, который, узнав от ДСП поста Жевахово о том, что к нему направлен поезд № 220, и зная, что на перегоне находится поезд № 1284, предложил трудовой поезд задержать у проходного семафора поста, что последним и было выполнено.

Таким образом, крушение поезда предотвратил не Каверин, как это указано в определении транспортной коллегии, а ДСП Антонок.

Материалами дела также установлено, что Каверин, отправив трудовой поезд № 220 на занятый перегон и желая скрыть свое преступление, сорвал пломбу с блок-аппарата, вручную сработал сектор электромеханизма, передвинув «красное» очко на «белое», а потом обратно навесил пломбу.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР отменить.

* * *

Лисуд Московско-Киевской ж. д. приговорил, в числе других, машиниста Довженко Георгия Георгиевича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР к 6 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор в отношении Довженко отменила и дело о нем в уголовном порядке прекратила, найдя, что в действиях Довженко отсутствует состав преступления.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Довженко был осужден за то, что, следуя в ночь на 1 декабря 1937 г. с поездом № 901 че-

рез ст. Москва 2-я, несмотря на закрытое положение выходного семафора, проехал его со скоростью 50 км в час и врезался в группу вагонов. Общий убыток от крушения 20 000 руб.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР мотивирует отсутствие в действиях Довженко состава уголовного преступления и прекращения дела в уголовном порядке тем, что путь поезду № 901, который вел Довженко, был открыт и никаких сигналов об остановке поезда Довженко не получал.

Между тем, из материалов дела и показаний самого Довженко установлено, что выходной семафор поезду № 901 был закрыт. Довженко признался, что он поздно заметил закрытое положение выходного семафора, но, понадеявшись на то, что поезд пропустят на ходу, проехал предельный столбик и, не снижая скорости, врезался в вагоны.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила определение транспортной коллегии отменить.

* * *

Линейный суд Юго-Восточной ж. д. приговорил машиниста Зубаревского Дмитрия Степановича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы условно.

Зубаревский был осужден за то, что следуя в качестве действующего машиниста с поездом № 755 на перегон Графское — Беляево по неправильному пути, не сигнализировал паровоз соответствующим образом, как это требуют действующие правила сигнализации (красный свет вместо белого на переднем левом буфере паровоза).

Следуя по неизвестному профилю пути, не подавал предупредительных сигналов, вследствие чего наехал на группу рабочих, возвращавшихся с перегона после смены лопнувшего рельса. При этом был убит путеобходчик Кузьмин, которого поездом протащило на протяжении 660 метров.

1 июня 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев дело по протесту прокурора на мягкость назначенной судом Зубаревскому меры наказания, приговор оставила в силе, а протест прокурора отклонила.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что Зубаревский не только не сигнализировал должным образом паровоз, но после наезда на Кузьмина пытался установить красный сигнал на левом буфере паровоза с целью скрыть свою вину.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор лисуда и определение транспортной коллегии отменить.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОСЛЕДОВАННОСТЬ ДЕЛА

Лисуд Юго-Восточной ж. д. приговорил по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР машинистов Горюнова и Чирского к 5 годам лишения свободы каждого, главного кондуктора Рябушкина к 4 годам лишения свободы и дежурного по станции Беденко к 2 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор в отношении Горюнова, Чирского и Рябушкина оставила в силе; дело в отношении Беденко прекратила.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Горюнов, Чирский и Рябушкин были осуждены за то, что 9 июля 1937 г. прибывал с поездом № 916 на ст. Маньково, преехали закрытый входной семафор и врезались в хвостовой вагон поезда № 917, который в это время направлялся на станцию с пресечением пути приема поезда № 916.

Дежурный по станции Беденко был осужден за то, что он, вопреки требованию технико-распорядительного акта станции, зная об отпущении к нему соседней станции поезда № 916, отправил поезд № 917 с пресечением маршрута прибывающего поезда.

В деле имеются противоречивые показания паровозной и кондукторской бригад и работников станции о положении входного семафора. Первые утверждают, что семафор был открыт; работники же станции утверждают, что семафор был закрыт. Однако из показаний сигналиста Мазуренко видно, что ему было дано распоряжение дежурным по станции Беденко — открыть прибывающему поезду № 916 выходной семафор.

Это обстоятельство дает основание предполагать, что и входной семафор этому же поезду был открыт.

При наличии на данном участке полуавтоматической блокировки и по имеющимся в деле данным видно, что на 1-м исполнительном посту была сорвана пломба с pedalных замочек, дающих возможность сработать их вручную и тем самым нарушить зависимость стрелок с семафором. Поэтому по делу необходимо было провести техническую экспертизу, которая, на основании показаний блока-аппарата и записей в настольных журналах, дала бы заключение по существу самого дела.

Осудив Горюнова, Чирского и др. без производства технической экспертизы, без выяснения действительных обстоятельств приема поезда № 916 на занятый путь, линсуд оставил невыясненными обстоятельства, которые должны были, безусловно, повлиять на приговор.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Линсуд Ашхабадской ж. д. приговорил Маскаева Александра Платоновича по ст. 54-17-3 УК Туркменской ССР к году исправтрудработ по месту службы.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линсуда оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Машинист Маскаев был признан линсудом виновным в нарушении § 427 п. «в» ПТЭ. Это нарушение, по приговору линсуда, заключается в том, что машинист Маскаев 9 августа 1937 г. во время остановки поезда № 802 на ст. Ду-

шак самовольно, без сигналов, подвинул состав вначале вперед, а потом назад; в результате вагоный мастер Маврин, снимавший двухзвеночное сцепление автосцепки между 20 и 21 вагонами, был задавлен на смерть.

Суд вынес приговор в противоречии с материалами судебного заседания.

В судебном заседании свидетели заявили, что несчастный случай с мастером Мавриным произошел по его собственной неосторожности и машинист Маскаев в гибели мастера Маврина не виноват.

Как видно из показаний свидетелей, мастер Маврин был раздавлен при следующих обстоятельствах: после прибытия поезда № 802 на станцию Душак, стрелочник Артемов снимал с 20 и 21 вагонов двухзвеночное сцепление. Работа эта у него не ладилась (звенка заела).

Подходящий в это время Маврин стал помогать Артемову снимать звенку. В этот момент машинисту Маскаеву был дан сигнал осадить поезд назад.

Маскаев повторил сигнал, но осадить состав сразу не мог и подвинул его на полметра вперед. Несмотря на то, что состав был продвинут вперед, мастер Маврин залез между буферами. В это время машинист стал осаживать состав, и Маврин, не успев выскочить, был задавлен буферами.

Свидетели Кузьменко и Курилович подтвердили в судебном заседании, что сигнал машинисту осадить состав был дан.

Таким образом, вывод суда о том, что машинист Маскаев стал осаживать состав без сигнала, не находит подтверждения в материалах судебного заседания. Машинист Маскаев мог бы быть признан виновным только в том, что он тронул состав вперед, не давая сигналов. Но это обстоятельство никакой связи с несчастным случаем не имеет.

Свидетель Курилович заявляет, что, когда Маскаев тронул состав вперед, мастер Маврин по этому поводу заметил, что машинист может оторвать автотормозной рукав, и тут же полез между буферами, а в этот момент машинист стал осаживать состав назад. Таким образом, движение состава для Маврина не только не было неожиданным, а, наоборот, в момент трогания состава он полез между буферами.

Ни предварительным следствием, ни судом не выяснено, кто руководил съёмкой двухзвеночного сцепления и кто дал сигнал машинисту Маскаеву осаживать состав.

Между тем, эти обстоятельства имеют решающее значение для дела, так как ответственность за эту работу несут лица, производившие ее, а не машинист.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

22 октября 1937 г. линсуд ж. д. имени Л. М. Кагановича осудил по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК: Бабанина — начальника депо Березниковского химвкомбината — к 5 годам лишения свободы, Шерстобитова — мастера механического цеха комбината — к 3 годам лишения сво-

боды, Попова — инженера техбюро депо Усольская — к 5 годам лишения свободы и Журавлева — начальника восстановительного поезда к 3 годам лишения свободы.

Определением транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР приговор оставлен в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда по следующим основаниям:

Бабанин и Шерстобитов (оба работники Наркомтяжпрома) были осуждены за то, что произвели неправильную обточку бандажей паровоза ОД-7.

Попов и Журавлев (работники ж.-д. транспорта) осуждены за то, что приняли к отправке паровоз ОД-7 с неправильно обточенными бандажами, в результате чего паровоз при следовании по перегону Волжская — Сильво в составе поезда № 925 сошел с рельс, причинив дороге убытки в сумме 10 912 руб.

Из материалов дела устанавливается, что паровоз до места аварии прошел благополучно свыше 200 км. На ст. Чусовская паровоз был отцеплен по горению буга, после чего поставлен в состав потерпевшего крушение поезда с грубым нарушением § 376 ПТЭ, то есть, в хвосте поезда, тендером вперед. Указанные обстоятельства могли иметь влияние на сход паровоза, что подтверждается также и тем, что после аварии паровоз, будучи поставлен на рельсы, без обточки бандажей, благополучно проследовал даже до ст. Пермь.

При указанных условиях по делу обязательно должна была быть произведена техническая экспертиза для установления действительных причин схода паровоза с рельс.

К осужденным Бабанину и Шерстобитову неправильно применена ст. 59-3 «в» ч. 1 УК, поскольку они не являются работниками ж.-д. транспорта, обточку бандажей производили впервые на неприспособленном станке без специальных измерительных приборов и не знали требований, которые предъявляются к ремонту паровозных бандажей. Помимо этого из дела видно, что Бабанин настаивал на обточке бандажей паровоза в депо Усолье и лишь после категорического отказа депо — предложил мастеру механического цеха Шерстобитову обточить бандажи на заводе. В действиях Бабанина и Шерстобитова имеются лишь признаки ст. 111 УК.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

22 августа 1937 г. линсуд Закавказской ж. д. приговорил бывшего дежурного по станции Алабашлы Асланова Иосифьяра Иманкулы Оглы по ст. 79-3 ч. 1 УК АзССР к 6 годам лишения свободы с последующим поражением в правах сроком на 3 года.

17 октября определением транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР приговор оставлен в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда по следующим основаниям:

Асланов был осужден за то, что принял поезд № 47 на 2-й путь, занятый поездом № 801. В результате последовавшего столкновения были повреждены поездный паровоз, разбито и повреждено 6 вагонов.

Из обстоятельств дела видно, что крушение произошло на 2-путном участке на ст. Алабашлы, оборудованной централизованными стрелками, связанными шквливой зависимостью с semaфором. Между показаниями осужденного Асланова, показаниями машиниста поезда № 47 Симоидзе (по делу оправдан) и главного кондуктора Деканосидзе в отношении положения входного semaфора имеются коренные расхождения, поскольку Асланов утверждает, что маршрут он не приготовил и semaфор поезду № 47 был закрыт и что, следовательно, поезд № 47 проследовал закрытый semaфор, в то время как Симоидзе и Деканосидзе утверждают, что semaфор был открыт.

Одновременно из дела усматривается, что перед прибытием поезда № 47 на входном пути производились маневры по перестановке паровоза-толкача с 4-го на 2-й путь, что при открытом положении semaфора, автоматически запрающего стрелки, сделать невозможно.

Отмеченные выше противоречия в показаниях причастных к делу лиц и технические условия, при которых произошел прием поезда № 47 на занятый путь, не устранены и не выяснены на предварительном и судебном следствии, поскольку в деле отсутствуют: техническое заключение о состоянии и работе механизмов централизованных стрелок и шквливой зависимости их с semaфором.

Не допрошена совершенно паровозная бригада паровоза-толкача о маневрах с этим паровозом перед приемом поезда № 47; не проверены записи в книгах поездных депеш об обмене поездными телеграммами, относящимися к поездам №№ 47, 74 и 801; не допрошены свидетели (стрелочник, путеобходчик и др.) о фактическом положении входного semaфора в момент прибытия поезда № 47; не приложены к делу выкопировки из схематического плана и выписки из техраспорядительного акта станции о порядке приема и отправления поездов, открытия и закрытия semaфоров, перевода стрелок и пр.

Совершенно не исследованы обстоятельства, в силу которых гл. кондуктор поезда № 801 Гамидлов, вопреки приказу № 537-ц, не находился на входной стрелке при приеме поезда № 47 на станцию, и другие обстоятельства, которые помогли бы установить действительные причины крушения.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР по настоящему делу отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОКАЗАННОСТЬЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

23 ноября 1937 г. линейный суд Белорусской ж. д. приговорил Игнатчика Семена Ивановича по ст. 56-30 п. «а» ч. 1 УК УССР к 2 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

10 декабря 1937 г. транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговор лиссуда оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда по следующим основаниям:

Машинист Игнатчик был признан линейным судом виновным в том, что он систематически срывает график движения поездов. Предъявленное Игнатчику обвинение материалами дела не доказано.

Из данных дела видно, что Игнатчик только дважды отказался сопровождать поезд: поезд № 653 вследствие завышенности тоннажа и по таким же причинам поезд № 1135.

Таким образом, во-первых, у лиссуда не было никаких оснований для признания Игнатчика виновным в систематическом срыве графика движения поездов и, во-вторых, в действиях машиниста Игнатчика нет состава уголовного преступления, так как он имел не только полное право требовать проверки тоннажа состава, но более того, не имел права принимать состав без проверки.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза ССР по делу Игнатчика отменить и дело о нем прекратить.

26 ноября 1937 г. линейный суд Северо-Донецкой ж. д. приговорил Демченко Анисима Прокофьевича по ст. 56-30 п. «а» ч. 1 УК УССР к 6 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

22 декабря 1937 г. транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговор лиссуда оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда Союза по следующим основаниям:

Машинист Демченко был признан лиссудом виновным, в том, что он 12 ноября 1937 г., следуя с товарным поездом № 1049, не следил за сигналами, в результате чего проехал закрытый входной semaфор станции Натальевка паровозом и тремя вагонами.

Из материалов дела видно, что когда машинист Демченко принимал поезд на ст. им. Кагановича, автоматчик дал ему справку о том, что поезд снабжен достаточным количеством исправных автотормозов. После того как машинист Демченко проследовал закрытый semaфор ст. Натальевка, были опробованы автотормоза, и оказалось, что в составе 6 автотормозов исправных.

Согласно § 438 ПТЭ, машинист, отправляясь со станции прицепки локомотива, обязан проверить через осмотрщика вагонов наличие исправных автотормозов.

Как выше указано, автоматчик дал машинисту Демченко неправильные сведения о количестве действующих тормозов в составе. Таким образом, виновным в данном деле является автоматчик, давший неправильные сведения машинисту о действии автотормозов, а не машинист Демченко.

Имея в составе 6 неисправных автотормозов, машинист Демченко, заметив закрытое положение входного semaфора, не мог сразу остановить поезд и проехал закрытый сигнал паровозом и тремя вагонами.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила: приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда по делу Демченко отменить и дело о нем прекратить.

22 октября 1937 г. лиссуд Оренбургской ж. д. приговорил машиниста Исаенко Бориса Александровича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК к 5 годам лишения свободы.

23 ноября 1937 г. транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговор лиссуда оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор лиссуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда по следующим основаниям:

Исаенко был осужден за то, что 13 августа 1937 г., прибыв с вспомогательным паровозом на место остановки паровоза № 1169 на перегоне Курайли — разъезд 39, потерпевшего аварию вследствие обрыва пальца кривошипа на втором скате с левой стороны и принимая участие в разборке сцепных и поршневых дышл для подготовки паровоза к уборке с перегона, Исаенко, по просьбе машиниста аварийного паровоза Коваленко, продвинул своим паровозом паровоз Коваленко, повредив при этом цилиндр левой стороны.

Из обстоятельств дела видно, что порча цилиндра произошла исключительно по вине Коваленко, который, разобрав сцепные и поршневые дышла, не обратил внимания на то, что поршневое кольцо попало в просвет паровозного окна, благодаря чему заело свободное движение поршня, соединенного с диском. Коваленко убедился в этом, когда попытался вывести поршень из крайнего переднего положения для сцепления его с поршневым дышлом.

Несмотря на это Коваленко предложил Исаенко продвинуть паровоз своим вспомогательным паровозом, в результате чего обломало поршневое кольцо и повредило цилиндр.

Исаенко, — молодой, недостаточно опытный машинист, получивший право управления паровозом лишь в апреле 1937 г.

При указанных условиях осуждение Исаенко за то, что он, выполняя просьбу машиниста Коваленко, продвинул паровоз и повредил его, неосновательно, так как в его действиях отсутствует состав уголовного преступления.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линейного суда и определение транспортной коллегии Верховного Суда по делу Исаенко отменить и дело о нем прекратить.

9 апреля 1937 г. линейный суд Юго-восточной ж. д. приговорил бывшего начальника ст. Никольское Жемчужникова Аким Васильевича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК к 8 годам лишения свободы. Одновременно с Жемчужниковым по тому же делу были осуждены дежурный по станции Лукин и машинист Поваляев.

15 мая 1937 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР оставила приговор в силе, снизив Жемчужникову наказание до 3 лет лишения свободы.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховсуда в отношении Жемчужникова по следующим основаниям:

Жемчужников был осужден за то, что, будучи начальником станции и находясь на станции в момент приема и отправления поезда № 58, не проверил действий и распоряжений дежурного по станции Лукина, вследствие чего поезд № 58 был отправлен при закрытом выходном семафоре и по неприготовленному маршруту и, попав в улавливающий туник, сбил упор последнего и сошел с рельс бегунком ведущего паровоза.

Из обстоятельств дела устанавливается, что отправление поезда по неготовому маршруту произошло по вине ДСП Лукина, который, не приготовив маршрута, дал согласие на отправление поезда, и по вине главного кондуктора Синкова и машиниста Поваляева, из которых первый, не убедившись в том, что выходной семафор открыт, дал сигнал отправления, а второй привел в движение поезд, не убедившись в открытом положении семафора.

Признав указанные обстоятельства установленными, линсуд и транспортная коллегия Верховсуда СССР неправильно мотивировали преращение дела в отношении ДСП Синкова и смягчение наказания машинисту Поваляеву тем, что красный сигнал выходного семафора не был виден из-за парения рядом стоявшего паровоза и они отправились, доверившись дежурному по станции.

Такая мотивировка прямо противоречит § 271 ПТЭ, согласно которой невидимый (потухший) сигнал или неясное его показание служат безусловным приказом остановиться и никакие ссылки на доверчивость к дежурному по станции или к главному кондуктору не могут быть приняты во внимание, так как Синков и Поваляев имели полную возможность проверить фактическое положение семафора или потребовать проводника.

Далее из дела видно, что поезд проследовал до закрытого семафора 300 метров и затем проехал весь туник до упора (лезная длина туника в деле не указана), что также усугубляет вину машиниста Поваляева.

При указанных условиях суд, признав, что осужденный Жемчужников виновен лишь в не проверке действия ДСП Лукина, неправильно применил к нему ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК, а тем более неправильно осудил его к более тяжелой мере наказания, чем машиниста Поваляева и совершенно прекратил дела в отношении ДСП Синкова, так как из материалов дела устанавливается, что согласно на отправление поезда было дано Лукиным Синкову на перроне на расстоянии 100 метров от стоящего на перроне начальника станции Жемчужникова; если суд признал смягчающим обстоятельством для Синкова и Поваляева невидимость сигналов из-за парения паровоза, то тем более они невидимы были для Жемчужникова, стоявшего еще на 100 метров далее от семафора.

В действиях Жемчужникова таким образом отсутствует состав уголовного преступления, и

дело его подлежало разрешению в дисциплинарном порядке.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила: приговор линсуда и определение транспортной коллегии Верховсуда Союза в отношении Жемчужникова отменить и дело о нем прекратить.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

4 февраля 1938 г. Иванов Василий Петрович — дежурный Георгиевского разъезда ж. д. имени Кирова покончил жизнь самоубийством из охотничьего ружья.

Произведенным в связи с этим расследованием установлено, что виновным в доведении Иванова до самоубийства являются начальник отдела приема и увольнения 1-го отделения движения Глубоковский и заместитель начальника отделения движения Денисов.

В июне 1937 г. Глубоковский по заданию Денисова составил клеветническую аттестацию на Иванова. Глубоковский и Денисов аттестовали Иванова, честно проработавшего на транспорте 23 года, как «недисциплинированного и не внушающего политического доверия». 2 августа 1937 г. под предлогом задержки состава под погрузкой балласта на 40 мин. Иванов был уволен с работы.

До октября 1937 г. Иванов нигде не мог получить работы, и несмотря на его неоднократные обращения к Денисову и в управление железной дороги рассмотреть его дело о неправильном увольнении, жалобу его не рассматривали.

В октябре Иванов сам устроился на работу рабочим ремонтных мастерских, но вновь был уволен 31 декабря 1937 г. с формулировкой «по сокращению штатов», а в действительности на основании все той же аттестации.

После вторичного увольнения Иванов не мог поступить на работу. Начальник отделения движения Гаргуев дал распоряжение Глубоковскому проверить, правильно ли Иванов уволен с работы. Глубоковский без всякой проверки подтвердил увольнение Иванова, отказав совсем ему в работе. После этого Иванов покончил жизнь самоубийством.

За составление клеветнической аттестации, травлю и преступное отношение к делу увольнения Иванова начальник отдела приема и увольнения 1-го отделения движения Глубоковский и зам. начальника отделения движения Денисов были преданы суду по ст. 141 УК РСФСР.

16 марта 1938 г. линсуд ж. д. имени Кирова, рассмотрев дело, возвратил его на исследование. Линсуд предложил привлечь к уголовной ответственности бывшего ревизора движения — в настоящее время УРБ 2-го отделения Пашкевича, давшего заключение, что по вине Иванова произошла задержка балластного состава, и начальника Георгиевского разъезда Нечаева, несколько раз сообщавшего ДН-1 об ошибках в работе Иванова.

Учитывая, что предварительным следствием с исчерпывающей полнотой установлено, что

непосредственными виновниками в доведении Иванова до самоубийства являются Глубоковский и Денисов, составившие на Иванова клеветническую аттестацию, на основании которой он был снят с работы и не мог устроиться на новую работу,—главная прокуратура железнодорожного транспорта принесла протест на постановление линсуда о доследовании дела.

27 марта 1938 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР протест главной прокуратуры железнодорожного транспорта отклонила.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР в своем определении указала, что основной причиной увольнения Иванова с работы послужило то обстоятельство, что его неправильно обвинили в задержке балластного состава, и в этом виноват ДС Нечаев, которого необходимо привлечь к уголовной ответственности. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР также нашла необходимым привлечь к уголовной ответственности ревизора Пашкевича, который имел распоряжение расследовать, правильно ли Иванова обвинили в задержке балластного состава,—не выполнил этого распоряжения.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Предварительным следствием с исчерпывающей полнотой установлено, что виновными в доведении Иванова до самоубийства являются Глубоковский и Денисов, которые составили на Иванова клеветническую аттестацию. В дальнейшем Глубоковский использовал случай обвинения Иванова в задержке балластного состава и уволил его с работы. Иванов, имея характеристику как работника, не внушающего политического доверия, нигде не мог устроиться на работу.

Линсуд и транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР не отрицают, что основными виновниками по делу являются Глубоковский и Денисов, но вместе с тем считают необходимым привлечь к уголовной ответственности второстепенных виновников увольнения Иванова с работы.

Действительно, из данных видно, что ДС Нечаев несколько раз информировал начальника отделения об ошибках в работе Иванова. Это обстоятельство не дает еще основания для привлечения Нечаева к уголовной ответственности. Во-первых, Нечаев ни в одном своем сообщении не говорил о том, что Иванов является личностью, не внушающей политического доверия. Во-вторых, именно эта политическая формулировка лишила возможности Иванова получить какую-либо работу, что утратило возможность поступления на работу и привело его к самоубийству. В-третьих, если и считать, что Глубоковский имел в своем распоряжении донесения Нечаева о перадвиге отношении Иванова к работе, то он обязан был их тщательно проверить. Он не только не проверил эти сообщения, а, наоборот, составил на Иванова клеветническую аттестацию.

Когда Иванов был вторично уволен с работы, начальник отделения движения Гарцвер дал распоряжение Глубоковскому проверить, правильно ли Иванов уволен с работы. Глубоковский без всякой проверки подтвердил увольнение, отказав совсем Иванову в работе.

Ревизор Пашкевич, не уделявший внимания тщательной проверке правильности обвинения

Иванова в задержке балластного состава, что послужило только поводом к увольнению Иванова, подлежит дисциплинарной ответственности, а не уголовной, так как сам по себе факт обвинения Иванова в задержке балластного состава не играл решающей роли в увольнении его с работы. Эту решающую роль сыграла отрицательная политическая аттестация, клеветнически составленная Денисовым и Глубоковским.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановление подготовительного заседания линсуда и определение транспортной коллегии Верховного суда отменила и предложила линсуду рассмотреть дело по существу.

4 августа 1937 г. линейный суд Анхабадской железной дороги приговорил по ст. 78-3 ч. 1 УК УзССР Анпилогова Семена Ивановича к году ИТР с вычетом из зарплаты 25% и Панкратова Сергея Никитовича к 4 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

9 ноября 1937 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда за мягкостью назначенного наказания Панкратову и Анпилогову отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

29 декабря 1937 г. линейный суд рассмотрев дело, приговорил Панкратова к 7 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах и Анпилогова к 5 годам лишения свободы без поражения в избирательных правах.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, вторично рассмотрев дело, приговор линейного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза ССР опротестовала последнее определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Панкратов — ДСП станции Каган, осужден за то, что он после выдачи жезла поезду № 805 и зная, что поезд уже находится в пути, не прекратил маневры на главных путях, не дал распоряжения приготовить маршрут поезду и дал команду составителю Колесникову вывести маневровый паровоз по главному пути маневровый состав для перестановки этого состава на другой путь. О том, что поезд № 805 находится в пути, Панкратов не предупредил ни составителя Колесникова, ни старшего стрелочника Климова.

Машинист маневрового паровоза Анпилогов, выведя маневровый состав по главному пути, выехал паровозом и двумя вагонами за семафор. В этот момент к семафору подходил поезд № 805. Паровозная бригада своевременно заметила паровоз и два вагона и остановила поезд путем применения экстренного торможения.

Вторично транспортная коллегия предложила выяснить, имел ли составитель разрешение производить маневры на главных путях и выехал ли машинист Анпилогов на главный путь по распоряжению составителя или самовольно.

Между тем материалами предварительного и

судебного следствия с исчерпывающей полнотой установлено, что в момент прибытия поезда № 805 главный путь был занят маневровым составом по распоряжению ДСП Панкратова. О прибытии этого поезда на станцию составитель Колесников и старший стрелочник Климов не были поставлены в известность. Панкратов признал себя виновным в том, что о приеме поезда № 805 не поставил в известность ни составителя Колесникова, ни старшего стрелочника Климова.

Продвижение маневрового состава по главно-

му пути производил машинист Анпилов по сигналу составителя Колесникова. Также установлено, что Колесников находился на тормозной площадке одного из вагонов маневрового состава. Машинист Анпилов признал себя виновным в том, что он выехал за семафор паровозом и двумя вагонами.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии отменить и дело передать в транспортную коллегия Верховного суда на новое рассмотрение.

О Ф И Ц И А Л Ь Н Ы Й О Т Д Е Л

О ПОРЯДКЕ ВЗЫСКАНИЯ НЕДОИМОК С КОЛХОЗОВ.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. отменен административный и установлен судебный порядок изъятия имущества в покрытие недоимок по государственному и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан.

Между тем, Наркомфин СССР телеграммами от 25 мая 1937 г. и 4 января 1938 г. дал разъяснение наркомфинам союзных республик о том, что налоговые недоимки с колхозов могут взыскиваться в административном порядке путем списания с текущих счетов колхозов, а с отдельных граждан — путем обращения взыскания в том же административном порядке на причитающуюся им зарплату.

Прокуратура Союза ССР опротестовала эти разъяснения в Совнарком СССР как противоречащие постановлению ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г.

Протест Прокуратуры СССР Совет народных комиссаров СССР удовлетворил и предложил Наркомфину СССР указанные разъяснения отменить.

Во исполнение этого, Наркомфин СССР 16 июня 1938 г. дал указания наркомфинам союзных республик о том, что его разъяснения от 25 мая 1937 г. и 4 января 1938 г. отменяются и что обращение взыскания просроченных уплатой налогов и сборов на текущие счета колхозов и на зарплату отдельных граждан может производиться только по решению нарсуда в точном соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 11 апреля 1937 года. Наркомфинам союзных республик предложено также немедленно дать об этом указания на места и отменить все противоречащие указанному порядку разъяснения.

Сообщая об этом, приказываю прокурорам союзных и автономных республик проверить, устранены ли наркомфинами союзных республик указанные выше нарушения постановления ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г.

1 июля 1938 г.

№ 747.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

ОБ УБОРОЧНОЙ КАМПАНИИ

Совнарком СССР принял 23 июня 1938 г. постановление «Об уборке урожая 1938 г.», опубликованное в «Известиях советов депутатов трудящихся СССР» 24 июня 1938 г. № 145.

Из этого постановления для органов прокуратуры вытекает ряд важнейших задач, требующих для своего выполнения высокой оперативности и инициативы всех работников прокуратуры.

В своей работе по уборочной кампании органы прокуратуры должны исходить из указаний СНК СССР, который обращает внимание на «необходимость учета особенностей предстоящей уборки, в связи с ожидаемым хорошим урожаем и более ранним началом уборки в некоторых районах, и требует особо тщательной подготовки к уборке комбайнов, простых уборочных и зерноочистительных машин, четкой организации труда на уборочных работах, преодоления самотека и самоуспокоенности в подготовке к уборке урожая».

Несомненно, что вредительские элементы и враги народа пытаются в предстоящую уборочную кампанию использовать всякого рода бесхозяйственность, нераспорядительность, несоблюдение государственной дисциплины и иные нарушения отдельными работниками соответствующих учреждений и организаций своего государственного долга для продолжения своей борьбы против дела социализма.

Органы прокуратуры должны как в период подготовки к уборке урожая, так и в период самой уборки и сдачи государству с.-х. продуктов проявить максимальную оперативность в борьбе со всякого рода злоупотреблениями и преступлениями, направленными на срыв успешного хода уборки урожая текущего года и сдачи государству с.-х. продуктов.

В связи с этим приказываю:

1. Обратит особое внимание на сигналы печати и сообщения групп содействия прокуратуре о неблагополучии на том или ином участке уборочной и заготовительной кампаний.

2. По всем такого рода сигналам немедленно производить тщательное расследование, добиваясь срочного окончания и немедленной передачи дел в суд с тем, чтобы был обеспечен соответствующий общественно-политический эффект от своевременного рассмотрения дел в суде.

3. По всем переданным в суд делам, представляющим общественный интерес, прокурору лично, через своего помощника или через специально выделенного лучшего члена группы содействия, поддерживать обвинение против лиц, привлеченных к судебной ответственности за преступления, связанные с уборочной или заготовительной кампаниями, добиваясь применения судом суровых мер наказания, соответствующих конкретным обстоятельствам дела.

4. Обеспечить, по согласованию с местными руководящими органами, своевременное опубликование в печати сообщений прокуратуры по борьбе с нарушениями постановления СНК СССР от 23 июня с. г., а также помещению в газетах кратких сведений о разбиравшихся в суде делах этой категории и вынесенных по ним приговорах.

5. Районным прокурорам сообщать крайвым и областным прокурорам, а в республиках без областного деления — прокурорам республик о ходе текущей работы органов прокуратуры по борьбе с преступлениями, связанными с уборочной и с.-х. заготовительной кампаниями.

Прокурорам союзных республик, крайвым и областным прокурорам сообщать об этой работе не реже одного раза в декаду Прокурору Союза в обобщенном виде, иллюстрируя эти сообщения наиболее важными фактами и делами, прошедшими через органы прокуратуры.

1 июля 1938 г.

№ 748.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

О НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Имеющиеся в Прокуратуре СССР данные свидетельствуют о том, что ряд прокуроров на местах не ведут борьбы с нарушениями руководителями лесохозяйственных организаций правил противопожарной безопасности. В результате в ряде мест борьба с пожарами затруднена именно вследствие несоблюдения лесохозяйственными организациями требований государственного пожарного надзора, несоблюдения соответствующего противопожарного режима. В частности, неблагополучно положение в Приморской области, где лесные пожары возни-

кают довольно часто, а прокуратура бездействует и виновных в несоблюдении правил противопожарной безопасности к ответственности не привлекает.

Приказываю:

1. Безоговорочно привлекать к уголовной ответственности руководителей лесохозяйственных организаций, нарушающих требования государственного пожарного надзора о соблюдении соответствующего противопожарного режима и правил противопожарной безопасности, заканчивая расследование этих дел, как правило, в 5-дневный срок.

2. Добиваться срочного рассмотрения в суде этих дел.

3. Принимать участие в заседаниях суда при рассмотрении этой категории дел.

4. Сообщать мне о каждом возбужденном деле о нарушении правил противопожарной безопасности и высылать мне приговоры.

15 июля 1938 г.

№ 813.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

О МЕТОДИЧЕСКИХ РУКОВОДСТВАХ

В 1937 и 1938 гг. Прокуратурой Союза ССР были изданы и разосланы прокурорам и следователям следующие методические руководства:

1. Общие принципы расследования дел о хищениях социалистической собственности.

2. Методика расследования дел о хищениях в органах госторговли.

3. Методика расследования дел о хищениях в строительных организациях.

4. Методика расследования дел о хищениях и растратах в органах связи.

5. Методика расследования дел о хищениях и растратах подотчетных сумм.

6. Методика расследования дел о хищениях и растратах, совершаемых в связи с производством кассовых операций.

7. Методика расследования вредительских и диверсионных актов, совершаемых при помощи и под видом нарушения правил техники безопасности, а также иных преступлений, связанных с нарушением техники безопасности.

Несмотря на то, что указанные работы были разосланы с таким расчетом, чтобы их имели все народные и старшие следователи Союза, а также аппараты республиканских, областных, крайвых прокуратор, ряд народных следователей и прокуроров методических руководств до сих пор не получили.

Так, следователи г. Сталинграда не снабжены всеми руководствами, перечисленными выше, в достаточном количестве.

Не имеют всех руководств отдельные следователи Туркменской ССР, Казахской ССР и др.

Ряд прокуроров и следователей, получив методические руководства, не прорабатывают их, не принимают мер к тому, чтобы освоить их в практической работе.

Приказываю:

1. Проверить, обеспечены ли следователи и прокуроры всеми перечисленными выше методическими руководствами, и обеспечить наблюдение за тем, чтобы впредь они регулярно

снабжались рассылаемыми Прокуратурой Союза ССР методическими руководствами.

2. Организовать проработку разосланных Прокуратурой Союза ССР методических руководств, для чего:

а) на всех созываемых методических конференциях, совещаниях следователей и прокуроров прорабатывать методические руководства с таким расчетом, чтобы уже в 1938 г. все ранее разосланные и перечисленные в настоящем приказе руководства были проработаны;

б) при обследовании следователей и прокуроров проверять, как прорабатываются ими и как осваиваются в практической работе методические руководства;

в) прокурорам национальных республик и следователям, не владеющим русским языком, обеспечить специальную проработку методических руководств, выделив для этого наиболее квалифицированных работников прокуратуры, владеющих русским языком;

г) практиковать вызов следователей и прокуроров в целях заслушивания их отчетов о проработке и усвоении методических руководств.

3. Тов. Шейнину установить специальное наблюдение за тем, как прорабатываются и осваиваются в практической работе методические руководства.

15 июля 1938 г.

№ 812.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Согласно постановлению Совета народных комиссаров СССР от 15 июня 1938 г. лаборатория по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР с 1 июля 1938 г. перешла в ведение Академии наук СССР и включена в состав института права Академии наук СССР под наименованием «Криминалистическая лаборатория».

В соответствии с утвержденным положением о работе лаборатории последняя принимает на себя производство следующих видов экспертиз:

1) исследование отпечатков пальцев, следов ног, следов транспортных средств, следов действия инструментов и орудий;

2) исследование огнестрельного оружия, снарядов и боеприпасов, в отношении которых установлено или подозревается, что они могли служить орудием преступления;

3) исследование документов;

4) исследование различных вещественных доказательств химическими и физическими методами.

В отношении экспертизы документов лаборатория занимается только такими видами исследования, где необходимо применение химических или физических методов, научно-исследовательской фотографии и микрофотографии.

Графическая экспертиза в тесном смысле слова, т. е. исследование почерков и установление автора письма, будет приниматься лабораторией только в тех случаях, когда по этим делам одновременно необходимо производство

одного из вышеуказанных видов физической или химической экспертизы, а также в случаях проверочной экспертизы.

Во избежание задержки в производстве следствия и излишней переписки предлагаю при необходимости назначения графической экспертизы, в тесном смысле слова, не обращаться в лабораторию института права Академии наук, а пользоваться местными экспертами или помощью юридических институтов.

В отношении экспертизы документов лаборатория будет выполнять следующие виды исследований:

а) исследование материала документов: бумаги, чернил, карандашных штрихов, оттисков копировальной бумаги, штемпелей и печатей;

б) восстановление текста разорванных, поврежденных огнем, залитых красящими веществами, подчищенных и вытравленных документов;

в) выявление текста по рельефным следам давления;

г) определение давности документов и последовательности возникновения различных частей документов;

д) выявление следов подлогов, совершенных с применением технических средств;

е) исследование текстов, напечатанных на пишущих машинках.

Все производимые лабораторией экспертизы для следственных и судебных органов выполняются ею безвозмездно, кроме тех случаев, когда лаборатория, при отсутствии специальной аппаратуры или специалистов по отдельным видам технических исследований, будет вынуждена передавать выполнение части работ другим учреждениям и оплачивать этим последним их услуги.

Кроме производства криминалистических экспертиз, лаборатория дает консультации следственным и судебным органам по всем вопросам техники и тактики расследования преступлений и судебной экспертизы.

Материалы для производства перечисленных выше экспертиз надлежит направлять по адресу: г. Москва, улица Фрунзе, дом № 10, криминалистической лаборатории института права Академии наук СССР.

16 июля 1938 г.

№ 25/26.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

О БОРЬБЕ С ВЫПУСКОМ НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

За последнее время ряд прокуратур ослабили борьбу с выпуском недоброкачественной продукции. Отдельные прокуратуры вовсе не ведут работы, связанной с реализацией закона от 8/ХП-33 г. (ст. 128-а УК РСФСР и соответствующие ей статьи других союзных республик).

Несмотря на то, что выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции все еще имеет место, привлечение к судебной ответственности за эти преступления единичны, а в отдельных

республиках в течение долгого времени не было проведено ни одного судебного процесса по закону от 8/XII-33 г. В 1937 г. не было проведено ни одного судебного процесса по закону от 8/XII-33 г. в Белорусской, Азербайджанской, Грузинской, Армянской ССР.

Считая такое положение совершенно нетерпимым, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Всем прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей к 1 сентября 1938 г. представить в Прокуратуру Союза ССР исчерпывающий доклад о работе Прокуратуры, по закону от 8/XII-33 г.

2. Следственному отделу Прокуратуры Союза ССР установить особый контроль за расследованием по закону от 8/XII-33 г.

№ 934.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

3 августа 1938 г.

О ФОРМЕ ОТЧЕТОВ КОЛХОЗОВ

Постановлением СНК СССР от 28 апреля с. г. за № 570 установлен точный перечень отчетности колхозов, ее формы и сроки представления. Вместе с тем п. 3 этого постановления запрещает всем организациям требовать от колхозов какую-либо отчетность, не предусмотренную указанным постановлением.

Между тем во многих областях, краях и республиках местные организации грубо нарушают постановление СНК СССР от 28/IV, требуя от колхозов отчетные данные по формам, не предусмотренным постановлением, или обязывая колхозы представлять некоторую отчетность ежедневно вместо установленного декадного срока (отчет о ходе уборки хлебов, сева озимых и взмета ячяи). Чтобы скрыть свои незаконные действия, эти организации требуют от колхозов дополнительную отчетность часто под видом «оперативной информации», получаемой по телефону. Так, например, областные оргкомитеты ЦИК Украинской ССР совместно с начальниками ОБЛЗО, ссылаясь на распоряжение председателя СНК Украинской ССР, разослали в районы требования о представлении колхозами «информационных» сведений об уборке хлебов. В этих ежедневных «информационных» сведениях, состоящих из 25 вопросов, по большинству из них от колхозов требуют ответов в цифровых отчетных данных: сколько убрано хлеба, сколько обмолочено га и т. д., то-есть, по существу, ввели незаконную ежедневную отчетность. Такие факты, кроме Украинской ССР, имеются во многих областях, краях и автономных республиках РСФСР (Воронежской, Тульской обл., Башкирской АССР и т. д.).

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Срочно проверить предъявляемые к колхозам районными, областными, краевыми и республиканскими организациями требования о представлении отчетности и все распоряжения, нарушающие постановление СНК СССР от 28 апреля с. г., опротестовать, как незаконные.

2. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27/XI 1933 года и моим приказом

№ 675 от 19/VI с. г. лиц, виновных в нарушении постановления СНК СССР от 28/IV с. г. «об отчетности колхозов», — привлекать к уголовной или дисциплинарной ответственности.

№ 977.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

10 августа 1938 г.

О БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ И РАСТРАТАМИ В ТОРГУЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Произведенной Прокуратурой Союза ССР проверкой отдельных областных и районных прокуратур установлено, что приказ Прокуратуры Союза ССР от 3/VIII-37 г. № 53/24 и совместные циркуляры Прокуратуры СССР и Центросоюза СССР от 26/XII-37 г. № 89/Н4556 и Наркомторга СССР от 28/II-38 г. № 11/053 по вопросу об усилении борьбы с хищениями и растратами в торгующих организациях не выполняются:

1. До сих пор имеет место крайняя медлительность в расследовании дел о растратах и неудовлетворительное качество расследования.

2. Попрежнему в ряде прокуратур отсутствует работа по предупреждению растрат, не принимаются меры к выявлению и привлечению к ответственности виновных в попустительстве растратчикам и созданию условий, поощряющих растраты;

3. Остается неудовлетворительной постановка судебного надзора за делами о хищениях и растратах, прокуроры, как правило, не выступают в судах по этого рода делам;

4. Не принимаются необходимые меры к обеспечению гражданского иска по делам о хищениях и растратах в органах госторговли и потребительской кооперации;

5. В следственных отделах прокуратур союзных и автономных республик, краев и областей не выделены прокуроры, на обязанности которых должно лежать специальное систематическое наблюдение за расследованием дел о растратах и хищениях и обобщение этой работы.

Считая такое положение нетерпимым, прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей, автономных областей, районов, прокурорам ж.-д. и водного транспорта ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В течение сентября месяца с. г. организовать проверку всех дел о растратах и хищениях, находящихся в органах прокуратуры и милиции с тем, чтобы обеспечить немедленное окончание расследования по этим делам, проверить дела этого рода, находящиеся в судах, и принять меры к их срочному рассмотрению.

К 15 сентября с. г. закончить проверку всех находящихся в прокуратуре, суде и в органах милиции приостановленных, за черозыском и по другим причинам, дел о хищениях и растратах в торгующих организациях, дав этим делам надлежащее направление и приняв меры к активизации розыска скрывшихся преступников;

2. В соответствии с п. 1 приказа от 3/VIII-37 г. № 53/24 выделить в каждом следственном отделе специальных помощников прокурора по борьбе с хищениями и растратами в торгующих организациях;

3. Неуклонно привлекать к уголовной ответственности наряду с непосредственными виновниками растрат и хищений также лиц, виновных в попустительстве растратчикам и создании условий, порождающих растраты;

4. Обязать прокуроров, наблюдающих за следствием, особо проверять приняты ли все меры, обеспечивающие гражданский иск, предъявляемый к растратчикам и расхищителям.

Прокуроры обязаны обеспечить выполнение постановления СНК СССР от 16/II-33 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях», устанавливающего, что «одновременно с возбуждением дел о хищениях и растратах должен быть наложен предварительный арест на все без исключения

имущество привлеченных к уголовной ответственности»;

5. Установить повседневный надзор за исполнением приговоров и решений о взыскании растраченных и расхищенных сумм, привлекая к уголовной ответственности лиц, виновных в волоките и бюрократическом отношении к производству взысканий с растратчиков и расхищителей;

6. Обеспечить выступление в суде прокуроров по всем делам о хищениях и растратах в торговых организациях.

№ 939.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

13 августа 1938 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ.

Рукопись поступила в издательство 4/VIII—13/VIII 1938 г.

Сдано в производство 5/VIII—14/VIII 1938 г.

Подписано к печати 10/IX 1938 г. 7 п. л. 17,93 авт. лист. Формат 70×106 Ю—4п.; № 535 В одном бум. листе 213 000 зн.

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. 6 ГУМ, пом. 28

Технический редактор Н. Рухковский

Уполномоч. Главлита РСФСР № Б—49350.

Зак. № 929

Тираж 23600 экз.

18-я типография треста «Полиграфинга», Москва, Шубинский пер., 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. Вышинский — Основные задачи науки советского социалистического права	1 ✓
В. Шнайдман — Президиум Верховного Совета Союза ССР — коллегиальный президент	38
Участие прокурора в судебном следствии. Методическое письмо Прокуратуры Союза ССР, составленное т. М. С. Строговичем, под редакцией т. А. Я. Вышинского	46
✓ А. Винберг и П. Кочетков — Значение обстоятельств дела при графической экспертизе	55 ✓
С. Потапов — Новости судебной фотографии	56
В. Рясенцев — К вопросу о новации обязательств в советском гражданском праве	62
Н. Райгородский — Основные проблемы изобретательского права	66
И. Беляев — Рабселькоры — неустрашимые борцы за социалистическую законность	76

Обмен опытом:

Усилить прокурорско-судебную работу на водном транспорте	79
О борьбе с хулиганством	82
Состояние общего надзора в районах Азербайджанской ССР	84
Работа Калининской областной прокуратуры по общему надзору	86
Удачный опыт	88
О персональной ответственности заведующих складами за недостачу груза против счета	90
Об обязательной посылке обвиняемому копии протокола прокурора	91
26 статья Основ Уголовного судопроизводства и 424 статья УПК	91
О пособии детям-сиротам многосемейной матери	92
О наследниках-иждивенцах	93
Необходимое мероприятие	93
Обещания надо выполнять	94
Больше внимания молодым кадрам	94
Как я работаю над собой	95
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	95 ✓
Официальный отдел	107